

ООО «ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР-АКАДЕМИЯ»

И.М. Рагимов

РЕЛИГИЯ И НАКАЗАНИЕ

Санкт-Петербург
2020

УДК 343.24
ББК 67.408.02
Р14

ООО «Юридический центр-Академия»

Рагимов И.М.

Р14 Религия и наказание. Предисл. докт. юрид. наук, проф. А. И. Коробеева. — СПб.: ООО «Юридический центр-Академия», 2020. — 217 с.

ISBN 978-5-60430-981-0

В настоящей монографии освещены вопросы исследования института преступления и наказания в мировых религиях. Автор рассматривает различные подходы и взгляды виднейших представителей мировых религий к проблеме наказания.

Книга будет интересна для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов, философов, религиозных деятелей, а также всех интересующихся проблемами наказания.

УДК 343.24
ББК 67.408.02

ISBN 978-5-60430-981-0

© И.М. Рагимов, 2020
© А.И. Коробеев, предисловие, 2020
© ООО «Юридический центр-Академия», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (А.И. Коробеев)	4
ВВЕДЕНИЕ	8
Глава I. ОБЩИЕ НАЧАЛА БОЖЬЕГО НАКАЗАНИЯ В СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЯХ	17
§ 1. Библейская история происхождения наказания	—
§ 2. Божественное начало права наказания	27
§ 3. Основание Божьего наказания	36
§ 4. Сущность, цели и виды Божьего наказания	46
Глава II. ИУДАИЗМ (ВЕТХИЙ ЗАВЕТ ИЛИ ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИЯ): «...ОКО ЗА ОКО, ЗУБ ЗА ЗУБ...». ЗАКОН ВОЗМЕЗДИЯ	62
§ 1. Значение Десятисловия и Ветхого Завета в эволюции идеи института наказания	—
§ 2. Сущность наказания, по Ветхому Завету	76
Глава III. ХРИСТИАНСТВО (УЧЕНИЕ ИИСУСА ХРИСТА): «...НЕ ПРОТИВЬСЯ ЗЛОМУ...». ЗАКОН БЛАГОДАТИ И ЛЮБВИ	90
§ 1. «А я говорю вам: не противься злому.»	—
§ 2. Учение Иисуса Христа как нравственная основа наказания ..	113
Глава IV. ИСЛАМ (КОРАН) — ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО АЛЛАХА: СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗДАНИЕ	135
§ 1. Предназначение Священного Корана и зарождение института наказания	—
§ 2. Ислам и эволюция идеи института наказания в мусульманском мире	154
§ 3. О преступлениях и наказаниях, по Корану	178
Глава V. НАКАЗАНИЕ В РЕЛИГИЯХ ИНДУИЗМА И БУДДИЗМА	193
§ 1. Индуизм: Закон Кармы — очищение и спасение	—
§ 2. Буддизм: преступление — болезнь, учение Будды — лекарство вместо наказания	206

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде чем приступить к сущностному анализу новой книги профессора И.М. Рагимова, отмечу то немаловажное обстоятельство, что она представляет собой завершающий том пенталогии, посвященной исследованию феномена преступления и наказания¹. Поэтому настоящую монографию надо рассматривать в контексте четырех предшествующих ей работ.

«Преступление» и «наказание» — парные категории. Одно без другого существовать не может. То же можно сказать и об уголовном праве в целом: без «преступления» уголовное право было бы беспредметным, без «наказания» — беззащитным. Уголовно-правовой запрет того или иного общественно опасного деяния предполагает признание его не только преступным, но и наказуемым. Отсюда среди фундаментальных, системообразующих категорий теории уголовного права вторым по счету (но равноценным по значимости) после института преступления является институт наказания.

Человеческая мысль к сегодняшнему дню создала множество разного рода учений о преступлении. Но еще больше, пожалуй, разработано различных теорий наказания. И это вполне объяснимо, ибо именно с помощью наказания представители рода человеческого во все времена пытались обуздать, искоренить, уничтожить социальное зло под названием «преступление».

Из истории нам хорошо известно, что в начале человеческого пути упор делался исключительно на возмездии и воздаянии (то есть на каре в чистом виде). Затем акцент был смещен на иное средство — неотвратимость ответственности, суть которой выражалась крылатой фразой: «Эффективность наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а неотвратимостью». Но и этот путь не привел к ожидаемым результатам. В последнее время предложен ряд новых мер: от рекомендаций расширить социально-правовой контроль за поведением населения (В.В. Лунеев) до предложений использовать реституционное правосудие в качестве некой альтернативы традиционной модели борьбы с посягательствами на частные интересы (позиция XII Конгресса ООН по предупреждению

¹ Рагимов И.М.: 1) Преступность и наказание. М., 2012; 2) Философия преступления и наказания. СПб., 2013; 3) О нравственности наказания. СПб., 2016; 4) Бессмертная смертная казнь. СПб., 2017.

преступности и уголовному правосудию) и даже совета осуществить в экстренном режиме удовлетворение всех нарушенных преступлением прав и интересов граждан (А.И. Бойко).

Отдельные романтически настроенные правоведы, прекрасно понимая, что «назначение наказания в соответствии с правовыми установлениями означает причинение боли и предназначено именно для этого», тем не менее утверждают: «Если боль должна причиняться, то не в целях манипуляции, а в таких социальных формах, к которым обращаются люди, когда они переживают глубокую скорбь. Это могло бы создать положение, при котором наказание за преступление исчезнет. Когда это произойдет, основные черты государства также исчезнут. Будучи только идеалом, такое положение стоит того, чтобы его осознать и иметь в виду как царство доброты и человечности — цель, которая недостижима, но к которой надо стремиться»¹.

В России проблемам наказания традиционно уделялось и уделяется большое внимание, причем на разных уровнях. Начиная с восприятия указанных проблем обыденным правосознанием («от сумы и от тюрьмы не зарекайся», «не судите, да не судимы будете», «семь бед — один ответ», «кого Бог любит, того и наказывает») и заканчивая философским их осмыслением. Весьма продолжительна и история поиска разгадок тайной сути уголовного наказания. Многие выдающиеся отечественные и зарубежные ученые-криминалисты посвятили свою жизнь и творчество исследованию этих проблем. Не оставался в стороне и законодатель, по мере сил и возможностей мастера и совершенствуя лестницу уголовных наказаний.

В результате совместных усилий целой плеяды ученых и практиков по прошествии нескольких веков было создано то, что мы именуем сегодня «учением о наказании в уголовном праве».

Но можно ли сказать при этом, что цель достигнута, работа полностью завершена, а упомянутое учение стало истинным? Нет, конечно. И наглядное свидетельство тому — предлагаемая вниманию читателей новая монография профессора И.М. Рагимова.

В гносеологическом фундаменте, на котором покоится разработанное им учение о наказании и его истоках, не хватало еще только одного краеугольного камня (а в данном случае можно сказать —

¹ *Кристи Н.* Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб., 2011. С. 18.

скижали) — религиозных основ уголовного наказания. Настоящей монографией указанный пробел восполнен.

Вслед за философскими и нравственными компонентами учения о наказании автором скрупулезнейшим образом исследованы его религиозные начала. И это закономерно, ибо многогранность феномена наказания порождает и многообразие подходов к пониманию его в различных аспектах. Одним из таких направлений является подход, основанный на религиозных (божественных) началах наказания.

С учетом избранной темы, масштабности собранного и проанализированного материала, глубины погружения в него книга, бесспорно, является первым и пока единственным в современной отечественной уголовно-правовой литературе столь серьезным и многосторонним исследованием религиозной предтечи феномена наказания.

Поражает, прежде всего, масштаб проделанной работы. Исследователем изучены все Священные Писания (Библия, Коран, Закон Кармы и др.) всех основных мировых религий (иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм).

И хотя автор в других своих работах исходит из мысли, что среди сил, формирующих действительность, нравственность является самой первой, ибо она есть общественное начало в человеке; она связывает людей воедино до всех их прочих связей. Нравственность очерчивает тот универсум, внутри которого только и может развиваться человеческое бытие как человеческое. В настоящей монографии автор уходит в те же далекие от нас времена, но уже для того, чтобы обнаружить в них религиозные корни человеческого поведения (как законопослушного, так и отклоняющегося от норм нравственности и религиозных запретов). Ученый повествует о Библейской истории происхождения наказания, раскрывает Божественное начало права наказания, показывает его сущность, цели и виды. Далее сквозь призму основной (проходящий лейтмотивом) идеи в сфере наказуемости, заложенной в той или иной мировой религии, он подробнейшим образом анализирует иудаизм с его законом возмездия под лозунгом «око за око, зуб за зуб», христианство (учение И. Христа) с его законом благодати и любви под девизом «не противься злу», ислам с его золотым правилом аллаха в виде «справедливого воздаяния», индуизм с его Законом кармы — «очищение

и спасение», буддизм с его постулатом «преступление — болезнь, учение Будды — лекарство вместо наказания».

Главная идея книги (а вместе с тем и финальный вывод исследования) заключается, на наш взгляд, в том, чтобы показать, как в трех основных мировых религиях эволюция феномена наказания (от двух крайностей, содержащихся в формулах «око за око» и «подставь левую щеку после того, как тебя ударили по правой») пришла к золотому правилу, согласно которому возможно прощение, если это целесообразно и для самого преступника, и для общего блага.

По И.М. Рагимову, институт наказания в Священных писаниях (Ветхом и Новом Заветах, а также в Коране) Всевышним понимается одинаково. И это неудивительно, ибо, по мнению приверженцев теологического направления, творцом всех вышеуказанных Посланий является Он — Единый и Неделимый. Вот почему можно (вслед за автором) утверждать, что суть наказания, в принципе, всегда соответствовала существующим нравам и господствующим религиям, развиваясь и меняясь с развитием и совершенствованием народов, что, разумеется, не исключало эволюции идеи наказания с учетом различных уровней развития этих народов, особенностей их религии, культуры, психологии, менталитета.

По прочтении новой монографии профессора И.М. Рагимова невольно ловишь себя на мысли: какой бы религии мы ни придерживались, к какой конфессии ни принадлежали (или оставались по-прежнему атеистами), мы не можем отрицать несомненный факт огромного влияния мировых религий на формирование и развитие институтов преступления и наказания.

Не сомневаюсь также, что внимательный читатель обнаружит и массу других достоинств предлагаемой монографии. Она, бесспорно, вызовет пристальный интерес у российских исследователей «вечной» и «бессмертной» темы — учения о наказании.

А.И. Коробеев,
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

ВВЕДЕНИЕ

Религия

Во всех Священных Писаниях красной нитью проходит наставление Всевышнего: «О народ! Обсуди предмет и ты постигнешь истину!» И эта заповедь имеет отношение не только к научным проблемам, но и к тому, что хочет донести до нас Господь Бог, что требует Он от людей, которым посланы Писания. Поэтому и атеисты, и искренне верующие, а также сомневающиеся должны досконально знать все Священные Писания и не бояться обсуждать острые и порой непонятные положения, имеющие место в Божественных Посланиях. К сожалению, порой такой подход не совсем по душе тем представителям религии, которые не вникают в суть многих заповедей Всевышнего и избегают обсуждения вопросов, представляющих определенные трудности для людей. Исследуемая нами проблема наказания как раз и относится к темам, по которым и в науке, и в религии существуют различные взгляды и подходы по отдельным позициям. Известно, что правовым и философским вопросам наказания с древних времен уделяется достаточно много внимания. К сожалению, этого мы не можем сказать, когда речь заходит о понимании такого исторического феномена Всевышним в Его Посланиях — Ветхом и Новом Заветах, в Коране. Именно это и послужило для нас основанием и причиной обратиться к исследованию института наказания в мировых религиях.

1. Бог, Священные Писания, Пророки (Моисей, Иисус, Мухаммад) всегда были предметом различных объяснений. В зарубежных исследованиях подчеркивается, что в современных западных обществах еще совсем недавно делались уверенные прогнозы об отмирании религии в общественной жизни. К настоящему времени, однако, ситуация существенно и во многом неожиданно изменилась: религия стала занимать значительное место как внутри

государства, так и на международном уровне. Вот почему мы считаем весьма актуальным исследование феномена наказания в связи с его пониманием в религии. Однако прежде всего каждый исследователь должен определить свое отношение к Богу, к Священным Писаниям и к Пророкам, посредством которых, как утверждают представители всех религий, Всевышний посылал людям Свои установления и заповеди в разные периоды исторического развития человечества. Как известно, некоторые даже пытались «научно», математически доказывать существование Бога. Другие, наоборот, отрицают, не признают наличие Бога и, тщательно изучив Библию и Коран, обнаружив в них противоречия, пытаются доказать принадлежность этих Священных книг человеку. Несмотря на все это, религия, тем не менее, и сегодня сохраняет свое значение, согревая души миллионов людей, не только отличающихся по цвету кожи и физиологическим особенностям, но и имеющих совершенно различную историю развития.

Человек вообще религиозен по своей природе. Поэтому, когда утверждается, что у какого-то народа нет религии, то подразумевается отсутствие надлежащей религии, такой, как монотеистические, или же религий, не основанных на Священных Писаниях, но признанных как мировые. Древние народы поклонялись силам природы: огню, ветру, снегу, дождю, грому и молнии, и представляли, будто в каждом этом явлении заключен дух. Они видели источник происхождения таких сил в небе и стремились контролировать собственные судьбы, поклоняясь ему и принося жертвы. Так и современные европейцы — христиане подсознательно зывают к небесам: «Царь наш Небесный!», а мусульмане: «О Аллах Небесный!»

Во времена советской власти, когда из нас пытались сделать атеистов, то есть безбожников, когда было запрещено произносить имя Господа Бога и Его пророков и, естественно, мы не имели возможности ознакомиться со Священными Писаниями, тем не менее, не постигая Всевышнего ни внешним, ни внутренним взором, мы чувствовали, что есть невидимая сила, от которой все всегда ждут помощи в трудную минуту, просят прощения за грехи, умоляют наказать того, кто совершает несправедливость и творит беззаконие в отношении других.

Теологи заявляют, что Бог не поддается человеческому пониманию и находится в ином мире, за пределами материального, но в то же время мы существуем в сознании, в мысли Бога. В Коране сказано: «Мы не бываем отсутствующими!» (Сура 7, аят 7), или: «Он ведает о том, что в груди» (Сура 11, аят 5). Непременное и постоянное существование Господа Бога вытекает также из изречения апостола Павла: «Мы Им живем, и движемся, и существуем» (Деян. 17,28).

Д.В. Щедровицкий пишет: «С какой бы стороны ни подходить к познанию Бога — с внутренней или внешней, оказывается, что Он поистине близок и “доступен” для вызывающей к Нему человеческой души. Говоря конкретнее, Он вообще самое близкое, что может познавать человек и к чему может стремиться, ибо в Нем — источник и жизни, и познания как таковых»¹.

Еще в VI в. до н. э. Ксенофан писал о Боге: «Он всегда остается в одном и том же месте, совершенно неподвижный; ему не пристало появляться в разных местах в разное время. Однако Он без труда потрясает все сущее силой своего разума. Все в нем видит, все мыслит и все слышит»². Но если это так, каким образом Он поддерживает связь с нашим миром, с людьми? Каким образом Он руководит нашими деяниями и дает направление нашим поступкам? Каким образом Он утешает нас, дает духовную поддержку? Почему Бог не препятствует насилию и преступлениям со стороны им же сотворенных людей? Что Он советует нам в борьбе с такого рода явлениями? Где найти ответы на эти вопросы? В состоянии ли религия и современная наука дать ответы на подобные вопросы?

Виднейшие представители всех религий всегда ставили перед собой цель доказать, что религия способна не просто принять вызов, брошенный разумом человека, но, наоборот, опровергнуть данные науки относительно вышеупомянутых и многих других вопросов, вытекающих из Священных Писаний. В то же время сегодня наука настолько откровенно могущественна, что теологи не в состоянии, как в Средневековье, небрежно отмахиваться от светских знаний. Если даже многие вещи, освященные Всевышним в Священных Писаниях, не могут получить подтверждения или быть отверженными, отдельные предположения, описанные, в частности, в Ко-

¹ Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. М., 2016. С. 123.

² Kirk et al. (1983). P. 169–1670.

ране, получили научное подтверждение в разные периоды развития человечества, что свидетельствует о существовании Бога и о Божественном происхождении этих Посланий, «иначе бы и Тора, и Евангелие, и Коран были бы на полках и не смогли бы завоевать столько сердец»¹.

2. Пожалуй, одним из самых обсуждаемых вопросов является принадлежность Священных Писаний Всевышнему. И этот спор возник не сегодня, а во времена Вольтера и Спинозы, которые подверглись жесточайшей критике со стороны священников и христиан за свои взгляды в отношении религии. Конечно же, и Еврейская Библия, и Евангелие так же, как и Коран, подготовлены и переданы Господом Богом посредством пророков, которые избраны из среды людей. Однако это вовсе не означает, что они являются авторами этих Священных Писаний, ибо человек вряд ли способен на такое творчество.

Папа Бенедикт XVI (годы правления с 2005 по 2013 г.) на вопрос, что означает термин «Божье Писание», ответил: «это — текст, который снизошел от Бога, и власть, направляющая людей». Но если конечным и единственным автором Посланий является Сам Бог, то почему в этих книгах столько противоречий и несостыковок, и почему все Священные Писания написаны неясно, запутанно, а Коран — стихами, которые простому и необразованному человеку очень трудно уяснить? Ведь если они обращены к простым смертным, то должны быть изложены предельно просто и понятно, ибо людей, обладающих блистательным разумом и глубокими знаниями, не так уж и много. Человеку, даже мало знакомому с Божественными Посланиями, нетрудно заметить, что Господь Бог наряду с Его милостивостью, добродетельностью и справедливостью, в этих книгах, в особенности в Еврейской Библии, предстает¹ жестоким и беспощадным, а иногда и бесжалостным. Именно поэтому у многих возникают сомнения в Божественном происхождении Священных Писаний. Удивительно, что, несмотря на развитие науки в самом широком смысле, разгадавшей многие тайны природы и загадки земных существ, человеческий ум все еще не смог предоставить доказательств, опровергающих принадлежность этих

¹Алекперов С. Великий парадокс, или Два почерка в Коране. М., 2005. С. 56.

книг Всевышнему. Существует простая и очень важная истина, заключающаяся в том, что Бог един, ибо, если бы существовало несколько Богов, несколько равных сил, создателей, управляющих Вселенной, ее законы не могли бы находиться в полной гармонии друг с другом.

В Священном Коране Всевышний нам напоминает: «Ваш Бог — Бог Единственный. Нет божества. Нет божества, кроме Него, Милостивого, Милосердного» (Сура 2, аят 163). Существование же трех родственных, но отличающихся друг от друга религий необходимо по желанию Господа Бога для осуществления только добрых дел каждой из них. Читаем Коран: «Каждому из вас Мы установили закон и путь. Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, однако Он разделил вас, чтобы испытать вас тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах. Всем вам предстоит вернуться к Аллаху, и Он поведаст вам о том, в чем вы расходились во мнениях» (Сура 5, аят 48). Из этой заповеди Всевышнего можно заключить, что каждая из вер имеет Писание — слово Бога, обладающего непререкаемым авторитетом; и чем точнее и преданнее следуют ему верующие данной религии, тем лучше для них и для всех окружающих¹. Важно помнить, что соблюдение заповедей Бога, установленных в Его Священных Писаниях, необходимо не в интересах Всевышнего, а в интересах людей, «поскольку божество обладает совершенной природой и потому ничего не теряет, равно, как и не приобретает от человеческих поступков»².

3. Разные представители монотеистических религий в разные исторические периоды хотели знать, какие из Священных Писаний, посланных Одним Богом, стоят на самых нравственных позициях? Трудно, конечно, ответить на данный вопрос. Но это не значит, что затрагивать его не следует. Обратимся к Посланиям: «Люби ближнего как самого себя» (Еврейская Библия); «Воистину, верующие — братья» (Коран). Апостол Павел внушал своим последователям: «Благословляйте гонителей ваших и никому не воздавайте злом за зло». Читаем Коран: «Оттолкни зло тем, что лучше, а тогда тот,

¹ Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. С. 123.

² Право и религия в междисциплинарной интерпретации / Под ред. А.Б. Дидкина. М., 2019. С. 17–18.

с кем ты враждуешь, станет для тебя словно близкий любящий родственник» (Сура 41, аят 34).

Многие христиане и евреи не согласны с тем, что их Бог — это Бог, которому поклоняются мусульмане. Коран отличается от Библии также не только по содержанию, но и по происхождению. Еврейская Библия (Ветхий Завет) — это кладезь жанров, как правильно подметил Р. Райт, ибо это и космическая мифология Бытия, и Свод законов, и обряд Левита, и многотомная история Древнего Израиля, насыщенная кровавыми войнами по велению Бога Яхве, а также жизнь и деятельность иудейских пророков. И Еврейская Библия, и Евангелие — плод труда десятков авторов, работавших на протяжении долгих лет. Коран же появился благодаря одному человеку всего за два десятилетия. В Коране Аллах требует примирения христианских и иудейских религий.

4. Всевышний периодически направляет к людям своего избранного среди них человека, миссия которого состоит в свидетельствовании Господа Бога — Единственного и Неделимого, а также посредством этих пророков привносит порядок в жизнь общества, установленный в Его Священных Писаниях. Однако нельзя считать пророков законодателями, то есть авторами, Писания. Их задача в том, чтобы довести до людей заповеди Всевышнего.

У Мухаммада много общего с Моисеем. Обоих возмущала несправедливость: Моисея — обращение египтян с евреями, Мухаммада — отношение богатых арабов к бедным. Оба в знак протеста возвысили голос. У Христа и Мухаммада как пророков тоже много общего: оба были настроены достаточно миролюбиво и призывали к религиозной терпимости: «У вас есть ваша религия, а у меня — моя!» И. Христос провозгласил, что грядет Царство Божье. Уже близок Судный день — время, когда грешникам предстоит раскаяться и утвердиться в вере единственно истинного Бога. Эту же мысль и Мухаммад пытался донести до слушателей: он требовал преданности, нарушающей традиционные узы: «О те, которые уверовали! Воистину, среди ваших жен и ваших детей есть враги вам. Остерегайтесь их» (Коран. Сура 64, аят 14). «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невесту со свекровью ее, и враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать

более, нежели Меня, не достойны Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин меня» (Мф. 10:35-38).

Наказание

Многогранность данного явления порождает и многообразие подходов к пониманию наказания в различных аспектах. Одно из таких направлений — подход, основанный на религиозных (божественных) основах наказания¹. Как справедливо констатировал В.С. Соловьев, «отдельность норм и учреждений политико-юридических от норм и учреждений религиозных есть факт сравнительно поздний, а первоначально эти две области сливались между собою»². Такой подход представляется весьма важным, поскольку в ходе многовековой истории религии «многие ее установления, наряду с другими неинституциональными нормами, выступают фактическими регуляторами общественных отношений. Мало того, они в значительной мере отражены в действующем законодательстве»³. Поэтому вопрос о религиозных (божественных) началах наказания неоднократно поднимался в исследованиях природы наказания.

Священные Писания указывают, хотя и туманно, что нравственный порядок в природе есть, он создан Всевышним, и для его незыблемого существования необходим инструмент обеспечения. Одним из таких механизмов и выступает наказание, установленное Создателем в Писаниях. Поэтому значение теологических позиций относительно зарождения и эволюции идеи о данном явлении не может быть оставлено без внимания, поскольку они тесно связаны с народными воззрениями на этот исторический феномен. Как справедливо утверждает В.Г. Графский, «религия оказала серьезное влияние на институт уголовного наказания, ибо уже в первобытном обществе наказания были тесно связаны с религиозными дозво-

¹ См., напр.: Христианское учение о преступлении и наказании: (коллективная монография) / Аркадий Авакович Тер-Акопов и др.; науч. ред.: Харабет К.В., Толкаченко А.А. 2009; Бачинин В.А. Секулярная криминология и библейская концепция преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра: тр. Санкт-Петербургского криминологического клуба. СПб., 2008., № 2 (15). С. 165–166.

² Соловьев В.С. Проповедник в пустыне: проповеди о праве (Избранные труды). М., 2014. С. 172.

³ Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень, С. 16.

лениями и запретами»¹. Без сомнения, истоки учения о наказании обнаруживаются в религии, и первые попытки определения сути и основания указанного понятия находятся именно в религиозных верованиях и источниках. Изучая Библию, Коран² — великие и уникальные в человеческой истории Книги — Писания, мы находим пласты идей, выражающих суть воззрений древнего человека на жизнь и смерть, убийство, кару и кровную месть.

Если Господь Бог естественным образом направляет человеческое сознание к нравственному просвещению (развитию), то независимо от замедленного или скачкообразного процесса развития сущность и целевое назначение наказания должны изменяться в сторону смягчения. История авраамического Бога и религий свидетельствует о том, что отношение Всевышнего к вопросу о наказании, его сущности и целевом назначении менялось с каждым Его посланием. Так, если Он в Еврейской Библии видит в наказании только возмездие, то в учении И. Христа, то есть в Новом Завете, Господь неожиданно меняет Свое отношение к этому средству воздействия на людей и провозглашает другую, совершенно противоположную заповедь: «Не противься злему».

В VII в. н. э. (если точнее, в 610 году н. э.) Всевышний посредством Пророка Мухаммада заявляет в Коране о возвращении к возмездию как сущности наказания, однако в отличие от Еврейской Библии и христианства уже нет ни одной крайности в формуле «зуб за зуб», ни другой — «подставь левую щеку, после того, как тебя ударили по правой». Господь Бог устанавливает «золотое» правило, согласно которому возможно прощение, если это целесообразно как для самого преступника, так и для общего блага, и тем самым начинается следующий этап Божьей идеи эволюции наказания. В этих трех религиях мы видим различный подход Всевышнего в отношении феномена наказания и его применения. В то же время следует заметить, что во всех Священных Писаниях основные начала наказания — понятия, цели, виды и характер, в принципе, остаются для Господа Бога неизменными.

В заключение хотелось бы подчеркнуть особенность этой работы для меня. Дело в том, что, если мои предыдущие книги, посвященные уголовно-правовым и философским проблемам, возникли

¹ Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. М., 2001. С. 41.

² В работе используется текст Корана в переводе Э.Р. Кулиева. (Баку, 2004).

у меня в голове, то представленная читателю работа исходила из самого сердца.

В целях облегчения понимания предмета исследования считаем правильным построить изложение книги следующим образом. Во-первых, постараемся рассмотреть зарождение, эволюцию и сущность наказания в понимании Всевышнего в Его Посланиях. Во-вторых, обратимся к особенностям этого феномена с точки зрения основных постулатов мировых религий. И наконец, в-третьих, будет полезным рассмотреть этот исторический институт в тех религиях, которые не основаны на Божественных Писаниях, а на учениях, получивших мировое признание.

Глава I

ОБЩИЕ НАЧАЛА БОЖЬЕГО НАКАЗАНИЯ В СВЯЩЕННЫХ ПИСАНИЯХ

§ 1. Библейская история происхождения наказания

Всякая концепция может быть правильно понимаема только тогда, когда известна ее история. Какова же история возникновения наказания с теологических позиций? Как наука воспринимает библейскую историю происхождения и эволюции представлений о наказании? Отметим сразу, что хотя мы и не придерживаемся взгляда, что первооснову наказания следует искать в Священных Писаниях, тем не менее значение религии и взглядов ее виднейших представителей не может быть оставлено нами без внимания, поскольку они тесно связаны с народными воззрениями на понятие и сущность этого исторического феномена.

Мы часто не имеем ясного представления о тех сложностях, с которыми сталкиваются как представители различных научных направлений, так и богословы при попытках точно описать историю зарождения и эволюции идеи института наказания.

Вот почему возникает совершенно резонный и закономерный вопрос: с какого же периода начинаются библейские корни преступления и наказания? Однозначного ответа на этот вопрос не только у богословов, но и у ученых-криминалистов не существует.

Как в дореволюционный, так и в советский период и в нынешние времена некоторые исследователи, пытаясь выявить Божественные начала уголовно-правовых запретов и наказаний за их нарушения, обычно в качестве отправной точки избирают описываемый в Ветхом Завете период исхода евреев из Египта под руководством Пророка Моисея¹.

¹ Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб., 1904; Тер-Акопов А. Законодательство Моисея: общая характеристика // Российская юстиция. 2003. № 9;

Ряд авторов указывают на то, что Ветхий Завет, в частности Книга Исход, содержит охранительные уголовно-правовые нормы с четко выраженной структурой (гипотеза, диспозиция, санкция) и признаками (общий характер, формальная определенность)¹. По мнению В.Г. Беспалько, Пятикнижие представляет собой «кладезь богатого юридического и исторического материала, который не только не остался в далеком прошлом, но еще долгое время будет формировать правовую культуру огромных масс людей, их отношение к власти и законам, преступлениям и наказаниям»².

В работах христианских ученых-правоведов можно встретить утверждение о том, что первое слово Господа Бога о преступлении и наказании сказано именно в Законе пророка Моисея³. А Протоиерей Александр Сорокин исходит из того, что Закон Моисея следует «принимать как Слово Бога, Присутствующего в самом Законе»⁴. Действительно, Моисей был не только первым из пророков, «глашаемым Слова Божия»⁵, но и его толкователем: «...народ приходит ко мне просить суда у Бога; когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим, и объявляю уставы Божии и законы Его» (Исх. 18:15-16). Но значит ли это, что до Моисеева Закона Всевышний еще не определил Свое отношение к понятию наказания и что началом его зарождения следует считать Десять заповедей, дарованных Богом Израилю на горе Синай, в которых о санкции ничего не говорится? Это и послужило основанием для многих утверждать, что термин «наказание» так же, как и термин «преступление», своими корнями восходит не к Десятисловию, а к грехопадению Адама и Евы⁶. В.А. Никонов полагает, что «закон, а особенно закон уголовный, изначально рассматривается в

Лопухин А.П. Законодательство Моисея. Исследование о семейных, социально-экономических и государственных законах Моисея. 1882.

¹ Федосова Н.С. Уголовное право и религия: Проблемы взаимовлияния и взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 12.

² Беспалько В.Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 5.

³ Христианское учение о преступлении и наказании / Науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М., 2009. С. 54.

⁴ Протоиерей Александр Сорокин. Введение в Священное Писание Ветхого Завета: Курс лекций. СПб., 2009. С. 72.

⁵ Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. С. 17.

⁶ Беспалько В.Г. Указ. соч. С. 30.

Священном Писании как прерогатива Бога»¹. Но чтобы убедиться в том, что в ветхозаветной истории человечества первым уголовно-правовым установлением можно, с некоторыми допущениями, считать именно библейскую заповедь, постановленную Богом для Адама после его поселения в саду Эдемском, необходимо доказать преступный характер деяния Адама и Евы, за который они были наказаны. Иначе мы не сможем проследить картину зарождения и последующего развития Божьего наказания и Его отношение к понятию преступления.

«И заповедовал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16-17). Следовательно, чтобы утверждать, что наказание зародилось именно с этой Божьей заповеди, необходимо установить: запрет, нарушение запрета, объявление данного запрета преступлением (грехом), опасность нарушения запрета, причинение вреда в результате нарушения запрета и соответствующую санкцию. Анализ выше отмеченной заповеди показывает, что первая в библейской истории норма, установленная Всевышним, имела своей целью не допустить нарушение того порядка, который определен Богом, для чего Он использует термин *«не ешь»*. Будем исходить из того, что это и есть Божий *запрет*.

И первым, кто нарушил созданный и устроенный Им (Богом) мир, был первый человек, которого звали Адам. Можно ли считать его поведение преступлением? В.Г. Беспалько полагает, что термин «преступление», являющийся одним из самых важных в науке уголовного права, своими корнями восходит к грехопадению Адама и Евы, ибо первое преступление было не чем иным, как преступлением против заповеди Божией. Оно стало архетипом всех последующих преступлений, совершенных и совершаемых людьми².

В чем, собственно, обвиняет В. Беспалько Адама и Еву? По его мнению, тяжесть их грехопадения кроется не столько в опасности их поступка, выразившегося вовне, сколько в их душевном помрачении, достигшем уровня неслыханной для религиозного общества

¹ Никонов В.А. Указ. соч. С. 20.

² Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб., 2015. С. 30.

дерзости — послушания воли Божией, воли любящего Создателя¹. Автор считает, что действие Адама служит «прообразом конкретного уголовно наказуемого деяния — преступного посягательства на всякую законную власть»².

В. Беспалько даже сравнивает поступок Адама и Евы с насильственным захватом власти или присвоением полномочий должностного лица. Непонятно, как возможно «посягнуть на всякую законную власть» Бога, как утверждает автор, если Господь Бог является единоличным Властелином и Создателем не только самого Адама и Евы, но и всей Вселенной? Представители религии в обвинениях Адама за его поведение пошли еще дальше. Святитель Игнатий (Бренганинов) считает, что поведение Адама — попытка человека стать равным Богу³. Более лояльно высказался Г.П. Чистяков, который усмотрел в действиях Адама не нарушение запрета, а «безответственность»⁴, а также Александр Мень, считающий, что «грехопадение было первым моментом, когда в человеке восторжествовала воля к власти»⁵. Безусловно, с точки зрения религии, поведение Адама и Евы можно расценивать как грех. Однако, как правильно подметил Т. Гоббс, «всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление»⁶. В чем же, собственно говоря, выражается общественная опасность деяния Адама и Евы? Кому же в итоге причинен вред? Как вообще могли «умственно нерадивые», а именно такими они представлены в Библии, осознавать преступный характер своих поступков? И, наконец, каким образом Адам мог бы «стать равным Богу», по утверждению Святителя Игнатия, если его создал Сам Всевышний?

Еще нелепее выглядит высказывание Б. Зальцманна (немецкий библист), который обвиняет Адама и Еву в краже собственности Бога⁷. Разве все, что существует и на земле, и на небе, не принадлежит Богу? Да, можно согласиться с Чистяковым, считающим,

¹ Там же. С. 33.

² Там же. С. 34.

³ Игнатий (Бренганинов). Жизнь и смерть. Слово о человеке. Слово о смерти. М., 2007. С. 101–102.

⁴ Чистяков Г.П. Пятикнижие: дорога к свободе. М., 2011. С. 48–49.

⁵ Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. М., 1999. С. 73.

⁶ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 200.

⁷ Зальцманн Б. Криминальные истории в Библии / Пер. с нем.; сост. Б. Зальцманн. М., 2005. С. 71–72.

что поступок Адама «безответственный», но не первородный грех. Поведение Адама можно сравнить с поведением ребенка, которому мать запретила пользоваться мобильным телефоном или компьютером, а он ослушался, за что она поставила его в угол на определенное время. Не более того. Поэтому вряд ли можно считать поступок Адама и Евы прообразом всякого преступления и первым преступлением, совершенным первым человеком, как утверждает Б. Беспалько. Весьма интересен тот факт, что Аллах в Коране уподобляет Иисуса Христа первому человеку Адаму: «Воистину, Иса (Иисус) перед Аллахом подобен Адаму. Он сотворил его из праха, а затем сказал ему: “Будь”!» — и тот возник» (Сура 3, аят 59). В данном аяте Создателем дана высочайшая оценка не только пророку И. Христу, но и Адаму как первому человеку. И это подтверждает тот факт, что для Всевышнего Адам не преступник и даже не грешник.

По Господу Богу, если в Адаме человечество получило начало своего физического развития, то в Иисусе — новое начало своей духовности, в нем оно как бы заново родилось. Божье установление «смертью умрешь», условно говоря, также считают первоначальным видом наказания Господа Бога. Вообще, следует констатировать, что данный эпизод многими исследователями истоков наказания оценивается буквально: акт неповиновения и его последствие в виде конечности жизни (в Эдеме люди были бессмертны).

Попробуем определить, что же вкладывал Всевышний в словосочетание «смертью умрешь» и в сущность выражения «ибо в день, в который ты вкусишь от него (дерева познания добра и зла. — *Авт.*), смертью умрешь?».

Здесь необходимо указать на различие религиозного и общепhilosophического, а также медицинского подходов к пониманию смерти. Религиозное понимание понятий «смерть» и «умереть», в отличие от философского и медицинского определений, означает завершение жизни человека, причем не как противоположность рождению, а как неотъемлемая часть воскрешения. Если рассматривать заповедь «смертью умрешь» с правовой, а точнее уголовно-правовой позиции, то можно установить, что Всевышний вкладывает в это словосочетание суть и цель того наказания, которое он применяет к Адаму. Бог не преследует цели умертвить его, ибо тогда Он использовал бы абсолютно другие слова: «казню» или «убью» и, наконец, «будешь казнен». Однако такие формулировки

в Священном Писании применительно к данной ситуации не используются. Бог дал понять Адаму, что тот будет наказан за непослушание в виде «смертью умрешь», что означает, на наш взгляд, закончить жизнь на грешной земле. Поэтому можно сделать вывод о том, что в высказанных словах нет угрозы и тем более наказания, а имеется только предупреждение о неизбежных неблагоприятных для человека последствиях — он сам уничтожает себя.

Таким образом, суть Божьего наказания в отношении Адама следует понимать как переход от бессмертия в смертную жизнь. Особенность же выражения «смертью умрешь» заключается не в том, что это понятие изначальное, самое первое, а в сущности и порядке исполнения лишения жизни Адама. Заметим, что религией (какой бы то ни было) понятие «жизнь» воспринимается гораздо шире — как полноценное духовное бытие, основанное на твердой вере в Создателя мира, покорности Ему, пребывании в постоянном внутреннем диалоге с Ним¹. Поэтому выражение «смертью умрешь», на наш взгляд, обозначает духовную, а не физическую смерть от Бога и рассматривается как «смерть для Бога», как «*духовный разрыв человека*» с Богом, лишение благодати Божьей² и не имеет собственно наказательной основы. Именно так поступил Бог с Адамом, переводя его в иную, смертную жизнь, хотя мог бы тут же умертвить его.

Следует заметить, что ни в одном Божественном Послании мы не сталкиваемся с понятием «смертная казнь», хотя ясно, что в любом случае выражение «смертью умрешь», так же как и перечисленные понятия, употребляемые Богом, имеют вид смерти и она от Господа, ибо именно Он впервые употребил данное выражение, когда предупреждал Адама относительно запрета. Поэтому прав В.А. Никонов, утверждая, что в словах «смертью умрешь» вовсе нет угрозы, а есть только предупреждение о неизбежных последствиях³.

Такое прекращение жизнедеятельности Адама вряд ли можно назвать смертной казнью и, более того, наказанием смертной казнью в современном понимании. Скорее, такое Божье наказание можно рассматривать как альтернативу смертной казни. Господь Бог,

¹ Щедровицкий Д.А. Сияющий Коран. Взгляд библиста. С. 10.

² Схожую мысль можно встретить у В.А. Никонова (см.: Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. С. 21).

³ Никонов В.А. Библия и уголовный закон. Тюмень, 1995. С. 12.

отправляя Адама в смертную жизнь как в заключение, тем самым ограничил его пребывание там физической смертью. Возможно, в этом есть проявление любви и милосердия к своему первотворению и отсутствие акта мести. Но, возможно, Бог изначально и не намерен был наказывать Адама, а хотел лишь проверить проявление присущих созданному Им человеку внутренней свободы, гордости и бесстрашия. По сути, поведение Адама есть свидетельство того, что Бог создал достаточно совершенное существо, способное к самостоятельному волевому выбору. Г.В. Лейбниц в свое время отмечал: «...мир есть наилучшее государство, монархом которого по истине и по праву будет совершеннейший из духов — Бог; что, если однажды твердо установлено, что всем позволено быть счастливыми, то никто не может быть несчастным, кроме как по собственной вине»¹.

Таким образом, представляется, что слова «смертью умрешь» нельзя понимать буквально как наказание вообще, в виде смертной казни в частности. По этому поводу Вольтер писал: «В Книге Бытия даже не сказано, что Бог осудил Адама на смерть за то, что он проглотил яблоко. Правда, он сказал: “Ты обязательно умрешь в день, когда вкусишь от него”, но, согласно этой же Книге Бытия, Адам прожил 930 лет после этого преступного завтрака»².

Смерть как наказание, указанное в санкции заповеди «смертью умрешь», следует рассматривать именно как смерть духовную, ибо с правовой точки зрения смерть — лишение человека физической жизни путем казни, а казнь — это уголовно-правовой, а не библейский термин, обозначающий справедливое воздаяние за совершенное преступление от имени соответствующей организации или должностного лица. Именно поэтому термин «казнь» используется только в выражении «смертная казнь».

Стоит заметить, что в Ветхом Завете, помимо Божьего установления «смертью умрешь», используются и другие выражения: «Хулитель имени Господня *должен умереть, камнями побьет его все общество*» (Лев. 24:16); «Если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, — да будут *преданы смерти* и прелюбодей, и прелюбодейка» (Лев. 20:10); «Кто убьет человека, того долж-

¹ Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 177.

² Вольтер. Из философского словаря. Бог и люди. Вопросы о чудесах. М., 2010. С. 164.

но *передать смерти*» (Лев. 24:21); «*Отдай* душу за душу» (Исх. 21:23); «*Всякий скотоложник да будет предан смерти*» (Исх. 22:19); «*Убей* женщину и скотину; да будут они преданы смерти, кровь их на них» (Лев. 20:16); «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно *передать смерти*» (Исх. 21:17).

Определенный интерес представляет тот факт, что Всевышний в Коране, в отличие от Библии, смертность человека не увязывает с актом его непослушания в раю и вообще нигде не использует понятие «смертью умрешь». Более того, в Коране неоднократно отрицается смертность в жизни вечной: «Там они не вкусят смерти после первой смерти» (Сура 44, аят 56); «С ними не покончат, и не умрут» (Сура 33, аят 36); «...а потом не умрет там и жить не будет» (Сура 87, аят 13). Если в Библии Бог велит Адаму не есть от этого дерева, говоря: «...а не то смертью умрешь», — то Аллах в Своем Послании — Коране только предупреждает Адама: «О Адам! Поселись в Раю вместе со своей супругой. Ешьте там вволю, где пожелаете, но не приближайтесь к этому дереву, а не то окажетесь одними из беззаконников» (Сура 2, аят 35). В другом месте Корана Всевышний еще раз предостерегает Адама от ослушания: «О Адам! Это враг тебе и твоей жене. Пусть же он не выведет вас из Рая, а не то ты станешь несчастным» (Сура 20, аят 117). Всевышний напоминает Адаму о той жизни, которая ждет его, если он Его не послушает: жизнь твоя станет полна тягот, страданий и мучений в противоположность тому, что в Раю, где ты будешь сыт и одет и никогда не будешь мучиться от жажды и зноя (Сура 20, аяты 118–119).

Отнятие жизни человека в качестве наказания существует в Священном Писании мусульман и в хадисах в качестве возмездия под другими наименованиями: «Воистину, те, которые сражаются против Аллаха и Его посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в воздаяние должны быть убиты или распяты, или у них должны быть отсечены накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны. Это будет для них позором в этом мире, а в Последней жизни для них уготованы великие мучения» (Коран. Сура 5, аят 33).

Вместо термина «смертная казнь» посланником Аллаха употребляется также понятие «*проливать кровь*». Со слов Абдуллаха ибн Масуда, посланник сказал: «Проливать кровь мусульманина, который свидетельствует, что нет божества, кроме Аллаха, и

что я — посланник Аллаха, можно в трех случаях: если он совершил прелюбодеяние после того, как вступил в брак; если он убил человека и если он отрекся от веры и откололся от общины». Этот хадис передали Ахмад, аль-Бухари, Муслим, ат-Тирмизи, Абу Давуд, Ан-Насаи и Ибн Маджа. Достоверными также считаются слова Аиши о том, что посланник Аллаха сказал: «*Убивать мусульманина можно...*».

Существует также хадис, где Пророк Мухаммад употребляет для обозначения наказания слово «*казнить*». Передают, что Абу Бакр б. Мухаммад б. Амр б. Хазм рассказывал со слов своего отца, а тот — со слов своего отца, что Пророк отправил в Йемен послание, в котором было написано: «Если доказано, что человек предумышленно и несправедливо убил правоверного, то его надлежит *казнить*».

2. Итак, опираясь на текст из Библии, первоначальным наказанием можно считать наказание, примененное Всевышним к Адаму и Еве. Однако это не наказание в уголовно-правовом смысле за уголовно-правовое деяние, а наказание духовное за безрассудное, легкомысленное поведение первого человека, подобное поведению малолетнего ребенка, которого Бог создал и любил так же, как мать любит свое непослушное дитя. Вторым деянием, признаваемым, по религии, преступлением, называют убийство Каином своего брата Авеля. Если эта библейская история соответствует действительности, то поступок Каина можно расценивать как умышленное убийство, а значит, и как преступление с уголовно-правовой точки зрения. Каково же было Божье наказание? «И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4:15). Несколько позже потомок Каина Лашех высказывает ту же мысль в стихах, выражение которых туманно, но цель очевидна: смерть Каина будет отмщена семь раз, а смерть Лашеха — семьдесят раз. А.П. Лопухин совершенно справедливо отмечает, что Бог мог бы наказать Каина смертью, однако он «должен был служить предостерегающим примером для других»¹.

Согласно еврейской религиозно-правовой традиции Господь освободил Каина от наказания «смертью умрешь», так как тот при-

¹ Лопухин А.П. Библейская история Ветхого завета. Киев, 2005. С. 50.

нес жертву и тем умилиствовал Бога не слишком гневаться на него (Иосиф Флавий). Христианские ученые-правоведы полагают, что назначенное наказание Каин воспринял как чрезмерное, ни с каким иным, даже со смертью, не сравнимое, что подтверждается цитатой из Священного Писания: «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно» (Быт. 4:13). Это наказание воспринимается как более суровое, чрезвычайное, исключительное, потому что Бог впервые произносит проклятие человеку именно за братоубийство, тем самым утверждая, что преступление Каина страшнее первородного греха прародителей, а значит, его наказание больше, нежели изгнание из рая в смертную жизнь. Святитель Иоанн Златоуст следующим образом описал отбывание Каином назначенного Богом наказания: «И Каин ходил всюду, как живой закон, как столп движущийся, безмолвный, и однако же издававший голос звучнее всякой трубы. Никто не делай, говорил он, того же, что я сделал, дабы не потерпеть того же, что я терплю»¹. Как бы мы ни пытались объяснить отношение Всевышнего к характеру наказания Каина, по сути своей оно не уголовно-правовое, а религиозное. Поэтому, если в действиях Адама мы не видим преступления, а есть наказание, то в случае с Каином — наоборот: есть преступление, но нет наказания с точки зрения уголовного права.

Итак, изначально, в допотопный период библейской истории, возможность наказания человека человеком за преступление смертью не предусматривалась. Месть запрещалась даже за совершение убийства, и право человека наказывать себе подобного смертной казнью дается ему Богом уже после Всемирного потопа, когда в результате Божьего наказания водами потопа «истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, все истребилось с Земли: остался только Ной и что было с ним в Ковчеге» (Быт. 7:23); наказанию смертью подверглись огромные массы грешников, так же как в Содоме и Гоморре. Это было следующее, *третье* наказание Бога, но уже в качестве кары за преступление против Его воли.

Как следует из Библии, после Потопа Бог через Ноя как патриарха и родоначальника нового поколения отправляет людям положение нового закона, в котором, в частности, говорится: «Кто прольет

¹ Святитель Иоанн Златоуст. Творения: В 3 т. Т. 1. Житомир, 2002. С. 132–133.

кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт. 9:6).

Согласно историко-религиозным источникам, в результате соглашения Ноя с Господом Богом человечество получило свод ясных правил, пусть и относительно небольшой по объему. Эти правила на долгое время стали основой правовой жизни его потомства вплоть до появления Моисеева Закона (под названием «Новые Законы»), предоставляющего человеку и обществу право наказывать другого человека смертью. Таким образом, Господь, как следует из текста Книги Бытия, отказался от собственного права применять в будущем потоп в качестве наказания за преступления людей (Быт. 9: 11-13). Хотя далее, как явствует из религиозных источников, свое право наказания Всевышний все же использовал для уничтожения жителей Содомы и Гоморры, обвинив их в порочных связях (особенно в гомосексуализме).

После Книги Бытия начинается эволюция института наказания и модернизация его еврейским обществом, о чем повествуется в следующих четырех из пяти книг Ветхого Завета: Исходе, Левите, Числах и Второзаконии. Именно с этого периода библейской истории следует считать формирование религиозной основы института наказания. Наступает то время, когда преступление уже не является, как раньше, личным оскорблением, а рассматривается как оскорбление Божества. Теперь наказание стало примирением с Богом, очищением от греха, искуплением вины. С этого времени нравственной основой наказания выступают уже не обычаи, традиции, а религия.

§ 2. Божественное начало права наказания

1. Как писал Платон, «мы ведь не то, что древние законодатели. Те были, как теперь рассказывают, и сами божественного происхождения, да и законы свои давали детям богов, героям, то есть существам также божественным»¹. Институт наказания в Священных Писаниях соприкасается, как считает религия, с признаком его богоустановленности, Божественной природой, то есть наказания не только устанавливаются Господом, но и непосредственно Им же применяются к виновным. Иначе говоря, теория Божественного происхождения права наказания ищет основы права наказания

¹ Платон. Законы. Сер.: Классическая философская мысль. М., 1999. С. 306.

не в начале нравственности, в общественном интересе, возмездии или же в свойствах отдельной личности, а в условиях возникновения человеческого общения, в законах мироздания, то есть в религии. Суть рассуждения такова: сам Бог с сотворения мира взял на себя труд управлять всеми делами в жизни физической, в жизни духовной, в политике, в религии; Он один сделал людей такими, какими они стали теперь; Он — их законодатель, учитель, их господин и судья.

В принципе, по логике, правом наказания обладает тот субъект, который установил правила поведения, определил, какое поведение считать правильным, а какое — противоправным, то есть преступлением. Поэтому, чтобы доказать, что право наказания принадлежит Богу, необходимо, в первую очередь, обратиться к Божественным Посланиям, которые рассматриваются религией как Божьи Законы, точно так же как законодательные акты. Если в них предусмотрено, что считать преступлением и какое наказание за это следует, то, безусловно, именно Богу как субъекту законодательства принадлежит право наказания на основании данных Писаний. Из содержания Священных Писаний усматривается, что Бог берет на себя *право наказания* за отступление от Его установлений: «Я — Бог, Всесильный твой, Бог-ревнитель, карающий за вину отцов детей до третьего и до четвертого поколения, тех, кто ненавидит меня, и творящий милость на тысячи поколений любящим меня и соблюдающим заповеди мои» (Тора. Второзаконие 5. /9/-/10/); «И совершу над ними великое мщение наказаниями яростными; и узнают, что Я — Господь, когда совершу над ними Мое мщение» (Иез. 25:17); «Я поражаю Своим наказанием, кого пожелаю, а Моя милость объемлет всякую вещь» (Коран. Сура 7, аят 156). Подобного рода постановления Божьи в Его Писаниях можно встретить довольно часто.

Разве Божьи изречения: «Я — Бог карающий» (Тора); «И совершу над ними великое мщение наказаниями» (Ветхий Завет); «Я поражаю Своим наказанием» (Коран) не дают хоть каких-либо оснований для постановки вопроса о Божественном происхождении права наказания? Однако в реальной действительности только государству принадлежит право наказания, а не Всевышнему. Значит ли это, что Бог свое право передал гражданскому обществу во главе с верховной властью? Если исходить из того, что и государство созда-

но Всевышним, то тогда все логично¹. Именно так и обосновывается всеми религиями право наказания Богом. Было время, согласно историко-религиозным источникам, когда Всевышний Сам применял свое же установленное наказание, например, изгнание Каина, уничтожение Содома и Гоморры, Всемирный потоп, казни египетские и т. д. Со временем Бог свое право карать преступников передает государству. И это представляется уже не правом государства наказывать, а обязанностью перед Божеством. Отныне институт наказания и его применение становятся подобием суда Божьего. В определенный период истории такую задачу выполнял Закон Моисея — Закон, переданный еврейскому народу Богом через Моисея. Канонисты в период Средневековья, ссылаясь на Божественные Писания, осуществляли с помощью наказания неописуемые по своей жестокости казни и пытки для достижения своих целей. В роли исполнителей Божьей воли, наказывающих преступников и отступников от Бога, выступала Церковь от имени и по велению Всевышнего, в точном соответствии с теми нормами, которые указаны Самим Основателем и его непосредственными учениками. В качестве видимого главы церкви, видимого наместника Христова на земле Папа воздавал должное наказание за преступление в виде возмездия, в том смысле, в каком Бог предоставил Себе Самому это возмездие, говоря: «Мне отмщение, Аз воздам». В отличие от Католической церкви, Православная церковь, не имея другого главы, кроме невидимого Христа, не может передать в руки какой-либо видимой власти воздаяние за преступления в виде удовлетворения Божественной справедливости, предоставляя это воздаяние непосредственному суду Божьему. Коран как Закон, посланный Аллахом для мусульман, действует для некоторых народов и сейчас (например, в Иране). Исполнение наказаний Аллаха осуществляется в таких странах специальными мусульманскими судами от имени Всевышнего и с Его одобрения. Как бы религия ни пыталась защи-

¹ Теологический взгляд на появление государства обосновывает причину образования государства в природе вещей — в Божественном происхождении государства и права. В соответствии с воззрениями представителей теологического направления «государство является результатом проявления божественной воли, практическим воплощением власти бога на земле» (Кулапов В.Л. Происхождение государства и права // Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 30).

тить право наказания за Божеством, наступило время, когда данный институт оказался в руках государства. Означает ли это присвоение себе не принадлежащего права, если считать, что свобода и жизнь человека — дар Божий и никто не вправе лишать человека свободы, а тем более жизни, если нет на то воли Творца? Но факт остается фактом: в процессе исторического развития человеческого общества данное право оказалось в руках общественной организации, образованной самими же членами сообщества. Религии ничего не оставалось, как согласиться с реальной действительностью и принять другую позицию: право отмщения, принадлежащее Богу, в то же время может быть делегировано духовным и светским властителям. На последних возлагается обязанность, а не право наказывать, ибо это право принадлежит лишь Богу и без Его полномочия никто, даже государство, не имеет право посягать на жизнь человека и его свободу. Однако прежде чем передавать свое право наказания какому-либо субъекту, Господь Бог должен создать этот орган, который мы именуем государством. Затем Он, как Творец, зная о том, что вечные раздоры между людьми неминуемы, решил пожертвовать частью свободы человека, созданному Им органу с тем, чтобы люди могли ею пользоваться спокойно и быть в безопасности. Таким образом, источником права наказания общественной власти, по установлению Всевышнего, является необходимость защищать общественную безопасность от насилия отдельных лиц. Тем самым Господь Бог освободил Себя от наказания людей в земной жизни, но оставил за Собой право наказания в жизни загробной. Приблизительно так может рассуждать сегодняшний глубоко верующий и образованный представитель общества. Подобная теологическая теория подкреплена также тем, что науки, в частности философия, история и право, не дают конкретного ответа на вопрос относительно образования государства. А без ответа на него, на самом деле, трудно ответить и на интересующие нас основные вопросы: как право наказания оказалось в руках государства, и у кого оно было до образования этого субъекта общества. В противном случае придется принять теорию Божественного происхождения государства, а значит, и Божественного начала права наказания.

2. Очень часто можно услышать от богословов, что истинно правосудным и справедливым может быть только один Бог, ибо именно Ему открыты самые сокровенные помыслы подсудимого,

его внутренние мотивы деяния. А это означает, что судью — человека можно простить в случае назначения несправедливого приговора, так как он не имеет дара, подобного Всевышнему, и не может проникнуть в душу подсудимого, чтобы поверить в искренность мотивов его поведения. Но ведь от судьи — человека и не требуется всеведения внутреннего мира подсудимого, подобного Богу. Да это не только не возможно, но и не нужно. Судья обязан лишь быть справедливым и правосудным, настолько, насколько возможно человеку. Но в какой мере Всевышний наградил своего раба — человека способностью быть справедливым?

Всевышний во всех Своих Священных Посланиях посвящает этому вопросу не одно установление. В своей судебной реформе иудейский царь Иосия стремился следовать постановлениям Книги Завета: «И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: “Выслушивайте братьев ваших, и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его. Не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте; не бойтесь лица человеческого; ибо суд — дело Божие...”»¹. В одном из своих псалмов царь Давид обращается к судьям: «Подлинно ли правду говорите вы, судьи, и справедливо судите, сыны человеческие? Беззаконие составляете в сердце, кладете на весы злодеяния рук ваших на земле. С самого рождения отступили нечестивые; от утробы матери заблуждают, говоря ложь»². Тот же мотив звучит в псалме Асафа: «Доколе будете вы судить несправедно и оказывать лицепрятие нечестивым? Давайте суд бедному и сироте; угнетенному и нищему оказывайте справедливость. Избавляйте бедного и нищего, исторгайте его из рук нечестивых. Не знают, не разрушают, во тьме ходят; все основания земли колеблются. Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы. Но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей...»³.

Пророк Амоса называл время, в котором он жил, «злым временем», когда «суд был превращен в отраву, а правда повержена на землю»⁴. К проблеме правосудия обращались также известные богословы, в частности, Блаженный Августин отмечал плачевное по-

¹ Пятая книга Моисеева. Второзаконие. Глава 1. Стихи 16–17.

² Псалтырь (Псалом 57, стихи 2–4).

³ Псалтырь (Псалом 81, стихи 2–7).

⁴ Книга пророка Амоса (Глава 5, стихи 7, 12–13).

ложение в судах, в правосудии: «Невинный выходит из суда не только отмищенным, но и осужденным, не имея сил бороться с неправдой судьи или опровергнуть ложные свидетельства, а злодей, его противник, наоборот, не только безнаказанным, но и торжествующим над ним...»¹. «Суды людей... Какое представляют собою скорбное зрелище! Ведь судят те, которые не могут знать совести тех, кого судят»². Фома Аквинский полагал, что наказание — не главное в правосудии. Он так же, как и Аристотель, подчеркивал верховенство закона перед судом: «Как сказал Философ, лучше, когда все вопросы регулируются законом, а не оставляются на усмотрение судей»³. Законодатели, по его мнению, судят абстрактно о будущих событиях, тогда как судьи — о делах настоящих, к которым они пристрастны.

Во всех Священных Писаниях часто говорится о весах правосудия, то есть о Божием наказании. Читаем Ветхий Завет: «Посему Я буду судить вас, дом Израилев, каждого по путям его, — говорит Господь Бог, — покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших, чтобы нечестие не было вам преткновением...» (Иез. 18. 30-32); «Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое» (2 Кор. 5,10). Это — второе послание коринфянам. Теперь посмотрим, что сказано в Коране: «В день воскресения Мы установим справедливые Весы и ни с кем не поступят несправедливо. Если найдется нечто весом с горчичное зернышко, Мы принесем его. Довольно того, что Мы ведем счет!» (Сура 21, аят 47). Что примечательно в этих трех установлениях Всевышнего? В Ветхом Завете Всевышний ясно и однозначно предупреждает, что Он лично будет судьей и каждого израильтянина будет судить по его делам в смертной, земной жизни. В Евангелии весы правосудия находятся в руках Иисуса Христа, и именно Он примет решение о мере наказания каждого в зависимости от того, как он вел себя в этой жизни, что делал хорошего и плохого. В Коране Всевышний обращает внимание на следующие моменты. Во-первых, говорится о справедливых весах и особо подчеркивается, что суд будет только справедливым. Во-вторых, суд Аллаха состоит не только из одного Его, ибо Всевышний употребляет слово «Мы». Необходимо

¹ Блаженный Августин. О граде Божием. С. 1061.

² Там же. С. 1015.

³ Аквинский Фома. Часть 2. Книга 2. Вопрос 60. Раздел 5.

подчеркнуть также, что в Ветхом Завете Всевышний не только Сам осуществляет правосудие, но Он при необходимости возлагает эту функцию и на человека: «Так сказал Бог воинств, повелев: судом истинным судите, и добро и милость оказывайте каждый своему брату...» (Зхарья. 7./9/8/14/ /17/. Книга пророка Захарии). Всевышний в Ветхом Завете предупреждает израильтян о том, что будут подвергнуты наказанию не только те, кто не исполняет Божии Законы, но и те, кто не исполняет царские законы.

Важно также отметить, что по характеру содержания наказания правосудие Всевышнего разнится в Ветхом и Новом Заветах. В Ветхом Завете наказание и правосудие характеризуются своей жестокостью и наведением страха. Как правило, Господь Бог напоминает людям об использовании при наказании меча и огня: «Ой, нечестивцу — плохо, ибо то, что руки его заслужили, будет сделано с ним!.. Ибо огнем судится Бог и мечом своим — со всякой плотью, и много, много будет трупов убитых Богом» (Иешаягу 3./11/66/16/); «А беззаконнику — горе, ибо будет ему возмездие за дела рук его... Ибо Господь с огнем и мечом своим произведет суд над всякою плотью, и много будет пораженных Господом» (Исх. 3,11; 60,16. Книга Пророка Исаии). Вообще, надо заметить разнообразие видов наказания, отличающихся жестокостью за различные деяния людей, установленные в Ветхом Завете. Вот, например, как описывается правосудие в отношении прелюбодейц: «Я буду судить тебя судом прелюбодейц и проливающих кровь... И созовут на тебя собрание, и побьют тебя камнями, и разрубят тебя мечами своими. Сожгут дома твои огнем и совершат над тобою суд перед глазами многих жен; и положу конец блюду твоему, и не будешь уже давать подарков» (Иез. 16.38-41). Господь Бог в Ветхом Завете предупреждает даже о том, что при нарушении Его заповедей и неисполнении их Он может еще более ужесточить наказание: «Если же не слушаете Меня и не будете исполнять всех заповедей сих, и если презрите Мои постановления... то Я всемерно увеличу наказание за грехи ваши... Если же (после сего) пойдете против Меня и не захотите слушать Меня, то я прибавлю вам ударов всемерно за грехи ваши» (Лев. 26. 14-15, 18-21). Правосудие в Новом Завете отличается своей доброжелательностью, гуманизмом и милосердием в отношении беззаконников и преступников: «Ибо каждый понесет свое бремя...

Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет» (Гал. 6, 5.75).

В Новом Завете Всевышний обращает большее внимание при осуществлении правосудия и назначении наказания не на наведение страха путем жестоких мер в отношении грешников, а на милосердие и прощение: «Тогда Петр приступил к нему И сказал: Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18, 21-22). Однако надо иметь в виду, что Новый Завет — Евангелие в основе своей имеет заповеди Ветхого Завета. Поэтому многое из того, что есть в Ветхом Завете, в том числе относительно наказания и правосудия, нашло свое отражение в Евангелии, хотя это и противоречит учению И. Христа.

Если говорить о весах правосудия в Коране, то несмотря на их суровость, Аллах отдает предпочтение справедливому воздаянию. Вообще, следует заметить, что принцип справедливости при назначении наказания Всевышним за грехи проходит в Коране красной нитью от начала до конца: «Воистину, Аллах повелевает блюсти справедливость...» (Сура 16, аят 90); «Потом будет сказано тем, кто поступает несправедливо: Вкусите вечные страдания! Разве вам не воздается только за то, что вы совершали?» (Сура 10, аят 52). Вместе с тем в Коране речь идет о наказаниях не в этой, а в загробной жизни. Правосудие в Коране так же, как и в Ветхом Завете, предусматривает усиление наказания, в частности за грехи (преступления) против заповедей Всевышнего: «Для тех, которые не уверовали и сбивали других с пути Аллаха, Мы будем прибавлять мучение к мучениям за то, что они распространяли нечестие» (Сура 16, аят 88); «Мы запишем то, что он говорит, и протянем ему наказание усиленно!» (Сура 19, аят 79).

Правосудие Господа Бога осуществляется не только над теми людьми, которые явно, в открытую противостоят установлениям Корана, но над теми, кто скрывает свою оппозиционную позицию в отношении Священного Послания. Аллах называет их лицемерами, которых Пророку трудно определить. Однако Всевышний как бы успокаивает Мухаммада и обещает снять с них маску лицемерия. Читаем Коран: «Среди бедуинов, которые живут вокруг вас, а также среди жителей Медины есть лицемеры. Они упорствуют в лицемерии, но ты не знаешь их. Мы же знаем их и подвергнем их

мучениям дважды. А затем они будут возвращены в великие мучения» (Сура 9, аят 101).

В то же время в Священных Писаниях Всевышнего есть заповеди, подтверждающие Прощающий и Милосердный характер Господа Бога: «Но, по великому милосердию Твоему, Ты не истребил их до конца и не оставил их, потому что Ты — Бог благий и милостивый... Во всем постигшем нас Ты праведен, потому что Ты делал по правде, а мы виноваты» (Неем. 9,26-31.33. Писание Пророка Нехемья. Книга Неемии. ТаНаХ). В этой заповеди речь идет о том, что люди не хотели признавать Всевышнего и Его установления и убивали Его пророков, которые увещевали их обратиться к Богу. За это Господу Богу приходилось неоднократно наказывать людей и напоминать им обратиться к Его закону. Но по великому милосердию Всевышнего, Он не истребил людей до конца и не оставил их. Именно поэтому Господь Бог принимается как Бог — Прощающий и Милосердный. Таким Он показан и в Новом Завете: «Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты. Блажен человек, которому Господь не вменит греха» (Рим. 4, 7-8).

Многочисленные аяты (статьи) Корана также напоминают людям, что наряду с характером карающим, суровым Аллах в то же время Прощающий и Милостивый: «Твой Господь — Прощающий, обладающий милосердием. Если бы Он стал наказывать за то, что они приобрели, то ускори́л бы их мучения, но для них назначен срок, и они не найдут от него спасения» (Сура 18, аят 58); «Если кто-либо совершит злодеяние или будет несправедлив по отношению к себе, а затем попросит у Аллаха прощение, то он найдет Аллаха Прощающим и Милосердным» (Сура 4, аят 110).

Всевышний Аллах, прощая людей за их преступные деяния, в то же время направляет их на совершение добрых, благих дел: «И если кто из вас сотворит зло по своему невежеству, а затем раскается и станет совершать праведные деяния, то ведь Он — Прощающий, Милосердный» (Сура 6, аят 54). Господь Бог требует от своих рабов, чтобы и они умели прощать своих братьев за их преступления: «И воздаянием зла — зло, подобное ему. Но кто простит и уладит, — награда его у Аллаха. Он ведь не любит несправедливых» (Сура 42, аят 40).

Кстати, эта норма Корана очень эффективно применялась в мусульманском мире, даже в странах постсоветского периода, в

частности в Азербайджане, когда возникали конфликты уголовно-правового характера. Было достаточно того, чтобы потерпевшая и виновная стороны помирились. Если раньше роль примирителей выполняли старейшины (аксакалы), то потом в данном процессе принимали участие и сами представители правоохранительных органов. Эта традиция была одобрена обществом и целиком вытекала именно из установлений Корана.

§ 3. Основание Божьего наказания

Существует мнение о том, что современная система понятий преступления вобрала в себя Кодекс Моисея — Ветхий Завет, нормы которого, преодолев века, вошли в законы почти всех государств¹. Всевышний ни в одном из своих Священных Посланий, в том числе и в Ветхом Завете, не определяет понятия преступления. Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в этих книгах позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в их содержание и как велит нам понимать сущность данного явления. Теологи утверждают, что поскольку религиозные нормы — нормы от Бога, постольку они не подлежат никакой критике, равно как и изменению.

Какие же деяния с религиозной точки зрения считаются греховными (преступными)? Начнем с Ветхого Завета — Еврейской Библии: «Проклят тот, кто не выполнит слов учения этого и не исполнит их! И скажет весь народ: амен!» (Дварим. 27/26/). Из данного установления Всевышнего вытекает, что любое поведение человека вопреки этой заповеди можно считать греховным (преступным). «Идущий путем безупречным, идет уверенно, а ступающий кривыми путями, пострадает» (Мишлей. 10/9/). В этом случае под преступлением понимается такое поведение человека, которое не соответствует правильному пути, установленному Господом Богом. Одним словом, Ветхий Завет считает преступлением любое деяние, которое нарушает установления, адресованные людям в Писании. В первую очередь, речь идет о деяниях против Бога и религии. Но в чем заключается характер зла, которое имеет тенденции совершать преступление против религии?

¹ Беспалько В.Г. Указ. соч. С. 30; Христианское учение о преступлении и наказании... С. 16.

И. Бентаму принадлежат следующие слова: «Я говорю: преступление против религии как фиктивного объекта, а не преступления против Бога как реального существа. Ибо какие страдания может слабосильный смертный причинить существу, не доступному страданиям? Как может преступление затронуть его? Будет ли это преступлением против Его личности, Его собственности, Его репутации или Его положения?»¹. С автором строк невозможно не согласиться, ибо непонятно на самом деле, как можно Всевышнему навредить? Ведь Он Всемогущ, Всесилен.

Аяты Корана, имеющие законодательное содержание, объявляются «матерью Писания», то есть основой, определяющей угодный Аллаху образ жизни. Именно они и составляют фундамент шариата. Читаем Коран: «Он — Тот, кто написал тебе Писание, в котором есть ясно изложенные аяты, составляющие мать Писания...» (Сура 3, аят 7). Только усваивая содержание ясно изложенных аятов, имеющих законодательное содержание, и следуя им на практике, человек может переходить к постижению более высоких уровней откровения, на которых становятся явными тайны духовного мира. Вот почему очевидны актуальность и важность осмысления изложенных в Коране понятий преступления, греха, наказания, ответственности, свободы воли в понимании Всевышнего, которые являются составной частью законодательной сущности Священного Писания мусульман.

Не только в исламе, но и в других религиях утверждается, что грех есть в то же время преступление. Иными словами, понятие греховности в религии отождествляется с понятием преступления. Если мы изучаем поведение людей в качестве явления социальной категории, то прежде всего необходимо дать определение того, что Всевышний Аллах понимает под понятием «преступление» как вид социального явления. Хотя самого определения данного понятия в Коране нет, тем не менее из содержания некоторых аятов Писания можно понять, что под понятием преступления (греха) Аллах имеет в виду и о чем предупреждает: «А кто преступит границы дозволенного после этого, тому будут уготованы мучительные страдания» (Сура 5, аят 94). В данном случае Всевышний употребляет слово «преступить», что и понимается как преступление. Более того, как

¹ Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М., 1998. Глава VIII.

видно из содержания указанной нормы Корана, Аллахом установлена определенная граница, переходя которую, человек считается совершившим преступление (грех). Определена также санкция за нарушение данного установления. В другом месте Корана Всевышний использует вместо слова «границы», как было в аяте 94 Суры 5, понятие «ограничения», что в общем-то по смыслу и содержанию идентично. «Таковы ограничения Аллаха, не преступайте же их. А те, которые преступают ограничения Аллаха, являются беззаконниками» (Сура 2, аят 229). Тем не менее и здесь Он употребляет для обозначения понятия «преступление» слово «преступать». Определение преступления как «преступать» можно встретить также в другом аяте Корана: «А тех, кто ослушается Аллаха и Его Посланника и преступает Его ограничения, Он ввергнет в Огонь, в котором они пребудут вечно. Им уготованы унижительные мучения» (Сура 4, аят 14).

В соответствии с религиозными воззрениями Бог в Своем вечном царстве судит и карает грешников по началам абсолютной справедливости; так же и государство — наместник Бога на земле должно судить и наказывать преступников. Утверждается, что, нарушая законы, человек восстает против воли Всевышнего, ибо именно Он вложил в человека стремление к общежитию, которое не может существовать без власти и законов, а значит, немыслима и общественная жизнь. Поэтому, согласно религиозным догматам, вечный закон справедливости, установленный Богом, требует, чтобы ни одна противозаконная воля не могла утвердиться и одержать победу над высшим Божественным порядком, чтобы за зло, грех и преступление неизбежно следовало наказание, которое должно уничтожить противозаконное воздействие преступника на правопорядок. Таким образом, любое преступление расценивается как неповиновение именно Богу посредством нарушения спокойствия созданного Им миропорядка, общежития. Значит ли это, что, установив наказание, Всевышний объявляет человека свободным в своих деяниях, следовательно, ответственным за них?

Исходя из теологической концепции сотворения государства и права, можно констатировать, что, сотворив нас, Бог изложил в Своих Посланиях правила поведения и подробно определил то, что благочестивый человек должен делать; что случится с ним, если он не исполнит должного, и каким образом он может искупить свое прошлое и снова стать человеком благочестивым. Наделив человека

качествами добра и зла, Бог в то же время требует от него не совершения зла, а, наоборот, постоянного стремления быть добрым. Вот что по этому поводу говорится, например, в Коране: «Кто бы ни совершил добро — (хотя бы) на вес пылинки, он обретает (воздаяние) за него. Кто бы ни совершил зло — (хотя бы) на вес пылинки, он обретает (возмездие) за него» (Сура 99, аяты 7-8); или: «Тому, кто предстанет (перед Аллахом) с добрым деянием, воздается десятикратно. Тому, кто предстанет (перед Аллахом) со злым деянием, воздается тем же. И к ним (то есть к сотворившим злое деяние) не будет проявлена несправедливость» (Сура 7, аят 8). Практически аналогичное Божье предупреждение можно встретить в Евангелии: «...и изыдет творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения» (Иоан. 5:29). Следует обратить внимание на то, что в соответствии с процитированными выше источниками Бог совершение добра и зла полностью возложил на созданное Им существо, предупредив о той пользе, которую тот получит от своей добродетельности. Однако для совершения добра человеку нужны свобода воли, свободный выбор поведения. В противном случае он не может нести ответственность и быть наказанным за свои деяния. Логично возникает вопрос о том, наделил ли Всевышний его этими качествами (свойствами)? Обратимся к Божественным постановлениям в Его Посланиях: «Если вы вершите добро, то вершите для себя; если же вы вершите зло, то опять же для себя» (Коран. Сура 17, аят 7); или: «Тот, кто творит добро, (поступает) лишь на пользу себе. Тот, кто творит зло, (поступает) во вред себе. А Господь твой не притесняет (своих) рабов» (Коран. Сура 41, аят 46); «Добро, которого я хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, делаю» (Рим. 7:19). Вне всякого сомнения, в этих постановлениях как раз и подчеркивается Всевышним, что поступок человека добровольен, зависит от него самого, что его никто не принуждает. Суть Божественных Посланий заключается в том, что Бог создал человека как самостоятельное, волевое живое существо, деяния которого могут соответствовать или не соответствовать Божественной воле. Все, что было необходимо сделать Всевышнему, — даровать человеку свободу воли и выбор, после чего было достаточно даровать созданному Им существу разум для руководства своими действия-

ми¹. Следовательно, для Бога основаниями для наказания являются самовольное злое поведение человека, жестокость и преступление. Согласно мусульманским религиозным источникам, Всевышний, создав нас, хотел видеть человека только добродетельным: «Воистину, Коран ведет (людей) наиболее прямым путем и возвещает верующим, которые вершат добрые деяния, весть о том, что им уготована великая награда» (Сура 17, аят 9). И в других Священных Посланиях можно найти Божественное постановление, особо подчеркивающее вознаграждение за добрые поступки. Однако Всевышний заранее знает, что дарованная Им свобода выбора будет использована человеком и для злых дел, для преступлений. Может быть, сам Бог наделил нас инстинктом зла и жестокости, которые и приводят многих к совершению убийств, насилия и других жестоких деяний? Т. Гоббс по этому поводу замечает: «Человек от природы является существом злым и деструктивным; он напоминает убийцу, которого от любимого занятия может удерживать только страх перед более сильным убийцей»². Но здесь возникает сомнение: не может быть, чтобы Бог сотворил человека с кровожадными наклонностями. Из содержания Божественных Посланий можно прийти к выводу о том, что все наши действия известны Богу и зависят от Него. Если так, то почему Он позволяет человеку совершать преступления против своих же братьев, а потом за это наказывает? Иоанн Дамаскин признает, что поскольку Бог — начало и причина всякого блага, любое доброе дело человека совершается с Его одобрения, при Его содействии и с Его помощью; порочных дел Бог хотя и не желает, но «позволяет свободной воле»³. По мнению Августина, произволение человека возможно лишь по отношению к греху, к благу же он может устремляться лишь с помощью Божественной благодати⁴. Д. Дорофеев в связи с этим совершенно справедливо полагает, что «такой подход привел к необходимости и терминологически различать произвольный выбор человека, сделанный в отчуждении от Бога, и

¹ Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. С. 23.

² Подробнее см.: Гоббс Т. Левиафан. 4.2. О государстве // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 324.

³ Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. Ростов н/Д, 1992. С. 115.

⁴ Блаженный Августин. О граде Божьем. М., 1994. С. 250–253.

подлинно свободный выбор, который мог быть осуществлен только в Боге»¹.

Вообще следует отметить, что принципиального подхода религии относительно способности человека свободно распоряжаться своим поведением не существует. В письме к апостолу Павлу Августин по этому поводу пишет: «От неведения ли человек не обладает свободной волей выбирать то, что он, собственно, должен делать. Или же вследствие плотских влечений, которые по природе своей еще более усиливаются силой губительного первородного греха. Он, видя, как должно поступать правильно, и желая этого, не может, однако, совершить это». Сам же Августин пытался доказать, что никакой свободы воли не существует и жизнь человека предопределена Богом, который либо дарует ему блаженство, либо налагает на него проклятье. Но тогда получается, что человек совершает преступление по воле Бога, а значит, первопричина преступления — воля Бога. Если это так, то человек не может или не в состоянии отвечать за свои поступки, в том числе и преступления. Возникает проблема ответственности за совершаемые поступки. В другом месте Блаженный Августин утверждает, что «человек свободен в выборе поступков и лишь под воздействием злой воли, результата вселения в него злых сил он совершает преступление»². Но откуда появляются злая воля и злые силы? Должен ли человек в таком случае отвечать за свои поступки и быть наказанным, если он бессилен противостоять этим силам? Однозначного ответа на данный вопрос христианская религия в лице крупнейших своих представителей не дает.

П. Абелер попытался пересмотреть аргументы Августина о воле как инициаторе греха. Ход его мысли был таким: во-первых, воля не есть начало греха; во-вторых, воля, обузданная добродетелью воздержания, перестает инициировать грех; в-третьих, грех совершается человеком добровольно; в-четвертых, различными могут быть цели деяния; в-пятых, следует разграничивать понятия «намерение» и «поступок»; в-шестых, определение греха следует давать через намерение, через добровольное, осознанное согласие на злодеяние³. Каждый христианин, по мнению Абелера, наделен

¹ Дорوفеев Д. Под знаком философской антропологии. М.; СПб., 2012. С. 86.

² Блаженный Августин. О граде Божьем. С. 43.

³ См.: Неретина С.С. Верующий разум. К истории средневековой философии. Архангельск, 1995. С. 275.

свободой воли и свободным выбором, то есть «самостоятельно решает: грешить или не грешить»¹. «Как бы ни хотели мы совершить то, за что впоследствии, знаем, нас должно постичь возмездие, то есть за что мы удостоимся наказания, — мы, однако, наказанными быть не желаем. Тем самым мы, очевидно, неправедны потому, что хотим совершить неправедное, но не хотим подвергнуться беспристрастному праведному наказанию; праведная кара неприятна, неправедное же деяние приятно»².

Ириней Лионский полагал, что если «каждый человек свободен в своих решениях, то и каждый человек Ответствен. Верно, что грех уменьшил степень нашей свободы, но он не отменял ее»³. Он постоянно подчеркивал значение свободной воли как основы нравственной и религиозной ответственности.

Что касается отношения ислама к этой проблеме, то мусульманские богословы уверены в абсолютном предопределении всего того, что происходит с человеком. Иначе говоря, все его поступки являются желанием Аллаха, хотя, по Корану, Всевышний провозгласил превосходство разума, который удерживает человека от того, что может навредить ему. В случае возникновения вопроса о наказании человека за деяния, которые он совершает не по своей воле, а по воле Аллаха, ислам дает ответ: человеческое действие является просто воплощением демиургической воли Аллаха. Он — единственный подлинный действитель; человек — действитель лишь в фигуральном смысле (ашариты). Это означает, что от других творений Аллаха человек отличается только тем, что сам отвечает за свои действия, независимо от того, хорошие они или плохие, добрые или преступные, хотя диктуются они Аллахом. Иначе говоря, Аллах как бы создает действие и параллельно наделяет человека способностью его осуществить, следовательно, именно человек и должен нести за это ответственность. Данный вопрос будет подробно освещен, когда речь пойдет о наказании в религии ислама.

3. В заключение можно сказать, что религия при рассмотрении вопроса о свободной воле никогда не возлагает ответственность за

¹ *Абелер П.П.* Этика, или Познай самого себя. Теологические трактаты / Пер. с лат., коммент., ввводн. статья *С.С. Неретина*; сост. *С.С. Неретина*. М., 1995. С. 1.

² Там же. С. 46.

³ См.: *Нильсон Э.* Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века: Монография / Пер. А.Д. Бакулов; ред. *С.С. Неретина*. М., 2004. С. 34.

любое зло со стороны человека на Бога и считает этот выбор причиной преступного поведения и основой Божьего наказания. В связи с актуальностью данной проблемы хотелось бы предложить свое мнение, которое основано на исследованиях различных наук. Мне приходилось очень часто слышать от людей, совершивших преступления, известные всем слова: «Такова моя судьба, определенная Богом». Подобная убежденность приводит многих к мысли о том, что существует предопределенность, неумолимая Судьба, которой подвластны все и вся, ибо она предначертана Самим Всевышним. Однако все ли предопределено, или мы можем каким-то образом изменить ход событий силой нашей воли, наших желаний? Данный вопрос имеет принципиальное значение в рассмотрении проблемы преступного поведения человека, ибо если это судьба, которая предопределена с момента его рождения, то применение карательных мер к преступнику смысла не имеет. В индийской философии говорится о Дхармане — законе, управляющем Вселенной и всеми ее обитателями. Она также учит, что существует Садхана — смысл жизни и предопределенный путь, на протяжении которого этот смысл проявляется. Кроме того, утверждается, что существует Карма — закон действия и реакции. Древние греки также почитали божество, стоящее выше самого Зевса, владыки Олимпа; его называли Зевс — Зен. Эсхил говорит о нем как о божестве, управляющем судьбой. В древнееврейской Каббале его называли «Ничто». Это тот, кто находится на вершине короны, кто управляет всеми невидимыми существами. Его импульс исходит с высот, чтобы дойти до нашего мира. Одним словом, все древние народы интуитивно чувствовали, что далеко за пределами проявленного, даже выше божества, существует загадочный принцип судьбы.

Что же такое судьба? Можем ли мы изменить ее? В чем тогда может быть свобода выбора, которая дана человеку? Как понять, кто из идущих по жизненному пути будет добрым, а кто — преступником?

У античных язычников судьба — непостижимая предопределенность событий и поступков человека. Судьба язычника — это рок, фатум. Человек — игрушка судьбы, раб обстоятельств. От судьбы нельзя уйти, ее нельзя изменить, ей можно только поклониться, как призывали делать стоики. Такое понятие судьбы абсолютизирует только один аспект — несвободу человека.

Аналогичный подход мы наблюдаем у метафизиков, которые утверждают, что человеком руководят высшие безличные силы, власть которых над ним беспредельна. То, что кажется индивиду свободным проявлением его воли или возможностью выбора, — всего лишь иллюзия. Существует неведомая человеку линия его судьбы, и провидение, или рок, ведет его по ней, предоставляя тому довольствоваться ролью игрушки чьей-то безмерно могущественной воли.

В религиозном сознании существует понятие судьбы как теологической детерминации, то есть Провидения. Не слепой рок, не безличные физические законы, а Премудрый и Благой Творец управляет жизнью человека. Как видим, религия, в отличие от языческой или естественнонаучной роковой детерминации, дает идею свободы и благого Промысла Божия. Лично человек свободен в выборе между добром и злом. Поэтому только от него зависит, какова будет его судьба: станет он добродетелем или преступником. Свою судьбу человек осуществляет в течение всей жизни.

Не рассматривая здесь вопрос о свободе воли подробно, что слишком отвлекало бы нас от основной проблемы, хотелось бы, однако, подчеркнуть, что философия почему-то всегда пыталась отнести эту проблему только к предмету своего познания, игнорируя тем самым другие конкретные науки, в частности психологию, социологию и психофизиологию, в то время как в основе волевых актов лежит именно рефлекс высших мозговых центров.

Человек наделен от природы могучим разумом, обладает способностью рассуждать и отличать добро от зла, правомерное поведение от зловредного. Как говорил Д. Дидро, Бог дал человеку сердце для того, чтобы различать добро и зло, не делать другим того, чего он не желает себе. Следовательно, поведение человека предопределено его сознанием и волей, между которыми существует неразрывная связь. Поэтому чем определеннее и яснее мы понимаем, что воля зависит от сознания, побуждающего ее к воздействию в известном направлении на внешний мир, тем наказание становится целесообразнее. Где же нет сознания, где оно не развито, помрачено или разрушено, там не может быть речи о нормальном соотношении между сознанием и волей. А если это так, то человек, сознание которого составляет самую сущность его **Я**, сам является деятелем своих действий. Иначе говоря, тот, кто со-

вершил убийство, — мог его и не совершать. Он свободно выбрал зло и должен быть наказан. Побуждением, мотивом, удерживающим человека от совершения ужасного преступления, является утвердившееся в сознании представление о том, что такие действия повлекут за собой потерю жизни. Сознание выражается прежде всего в понимании, осмыслении определенных фактов и положений, а затем — в постановке определенных целей и подыскании средств для их достижения. Деятельность разума характеризует сознание как доминирующее явление психики человека. Следовательно, сознание можно рассматривать как высшую форму психической деятельности человека, подчиняющую, регулирующую и контролирующую все другие явления психической жизни. В то же время сущность сознания можно определить как некое духовное состояние, которое субъективно отражает объективность и на этой основе производит, создает, творит человеческое сознание. Одним словом, сознание — чрезвычайно объемное, целостное и многостороннее историческое образование, отнюдь не исходная предпосылка человека, а результат его многовекового развития в общественной среде. Как справедливо отмечает Д.А. Керимов, сознание, глубоко погружаясь корнями в эту среду, не только питается ее соками, но и наполняет ее своеобразием индивидуальности.¹

Под сознанием следует понимать сформированность нравственных знаний, суждений, чувств и поступков. Поэтому общество, где такие качества стали убеждениями для его членов, руководством в сфере деятельности, обладает *высоким уровнем* сознания, когда нормы поведения становятся осознанной необходимостью. Они обуславливаются внутренними мотивами — потребностями, диктуемыми не только общественными нормами морали и существующими правовыми нормами, но и собственной совестью. Такое высокоразвитое сознание, естественно, весьма положительно влияет и на волю человека, и тем самым создается побуждение, возникают мотивы, удерживающие человека от совершения преступления.

¹ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2011. С. 371.

§ 4. Сущность, цели и виды Божьего наказания

1. Возмездие. В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о сущности и содержании наказания вообще, ибо это слишком широкая проблема. Достаточно отметить, что на протяжении многих веков вокруг понятия и сущности наказания шли оживленные дискуссии, появилось большое количество различных концепций, теорий, учений, в том числе и теологических¹. Даже в отношении самого слова «наказание» никогда не существовало однозначного мнения. Познать наказание и определить его понятие возможно только через уяснение его сущности. Соответственно, чтобы дать определение понятию наказания, по Господу Богу, то есть так, как Он и религии это понимают, необходимо обратиться вначале к уяснению его содержания на основе Божественных Посланий. Всевышний ни в одном из своих Священных Писаний не определяет понятие наказания. Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в книгах Ветхого и Нового Заветов, Корана позволяет нам уяснить то, что Он вкладывает в содержание наказания и как понимает сущность данного явления.

Во всех религиях утверждается, что наказание по сути своей есть возмездие, и обосновывается это следующим образом: справедливость требует воздаяния злом за зло. Такое начало прямо выражено во всех Посланиях, начертано Творцом в разуме и совести человека и базируется на постулатах Ветхого Завета: наказание — воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона — «око за око, зуб за зуб» (Втор. 19:21); «Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд» (Ветхий Завет. Иов 19:20); «Ибо, если через Ангелов возвышенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние» (Новый Завет. Евр. 2:2); «Я накажу мир за зло, и нечестивых — за беззаконие их, и положу конец высокоумию гордых, и уничтожу надменность притеснителей... По мере возмездия, по этой мере Он воздаст противникам Своим — мезтью» (Ветхий Завет. Исх. 13:11; 59:18).

¹ Стоит отметить, что еще на рубеже XIX–XX вв. в отечественной уголовно-правовой науке учеными-криминалистами выделялось достаточно большое количество теорий относительно сущности происхождения и основных свойств наказания (см., напр. *Таганцев Н.С.* С. 23–26; *Калмыков П.Д.* Учебник уголовного права. Части: Общая и Особенная. СПб., 1866. С. 158–176).

А теперь обратимся к Корану: «Воистину, те, которые сражаются против Аллаха и Его Посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в воздаяние должны быть убиты или распяты, или у них должны быть отсечены накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны...» (Сура 5, аят 33).

Классическая форма талиона содержится во всех Священных книгах: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:23-25). «И предписали Мы им в нем, что душа — за душу, и око — за око, и нос — за нос, и ухо — за ухо, и зуб — за зуб, и за раны — возмездие» (Коран. Сура 5, аят 45). В этих Божественных указаниях талион проникнут духом устрашения, то есть Бог именно посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием, что может привести в перспективе к истреблению целых родов. Кстати, принцип талиона был также предусмотрен в римских Законах XII таблиц (451–450 гг. до н. э.), где говорится: «Если причинить членовредительства и не помириться с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое». Как указывает В.А. Никонов, «в этом и состоит объективный и сущностный характер наказания: снятие неправа и восстановление права»¹.

На самом деле толкование указанных выше источников дает основание предположить, что Бог посредством принципа талиона стремится ограничить кровную месть, ибо вполне понимает опасность кровопролития. Поэтому талион, в общем-то, стал предвестником института наказания. Смысл талиона, по Господу, заключается в том, чтобы дать людям почувствовать, испытать на себе, что такое зло, насильственный акт, на который они идут.

Рассматривая разницу между местью и возмездием, З.А. Целищева считает, что это разные по своему содержанию понятия. По ее мнению, *месть* — вредящее действие одного человека в отношении другого, сделанное из побуждения ответить за несправедливость, совершенную ранее, а *возмездие* — своего рода перепоручение мести Богу. Оно предполагает неминуемую, исходящую от Всевышнего кару высшего порядка за совершенное зло и преступление Божественного закона. З. Целищева утверждает, что Церковь

¹ Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. С. 23.

Средневековья пыталась совершенным насилиям, произволу и пыткам придать вид возмездия, то есть кары от Бога¹. На самом деле, с понятием возмездия связаны, прежде всего, представления о потустороннем мире. Библейский Бог давал человеку закон в виде повеления. Это и обусловило важную роль возмездия в сознании человека. В ветхозаветной традиции существовал так называемый день Яхве — полная и окончательная победа Бога над своими врагами на земле (Исх. 2,11; 13,16; 61,2; 23,6; Иер. 46,10).

В свете изложенного выше небезынтересным представляется одно обстоятельство: Новый Завет содержит положения, которые, на первый взгляд, противоречат принципу талиона: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38-39). Об этом подробно будет сказано в третьей главе. Но, как представляется, в данном случае речь идет немного о другом — о желании усостыжить ударившего и не более. Позднее эта фраза в философских трудах получила наименование «золотое правило нравственности».

В Новом Завете написано о возмездии следующее: «Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисуса, Господе нашем» (Рим. 6.23). О том, что месть — это право Бога, а не человека, говорится в следующем установлении Нового Завета: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, я воздам, говорит Господь» (Рим. 12,19). Тема возмездия вообще вызывала большой интерес у ученых, мыслителей, философов, начиная от античных философов и религиозных представителей, в особенности Средневековья. Достаточно отметить, что, например, для греков идея возмездия имела значение идеи справедливости. Они знали, что если человек сможет избежать наказания со стороны общества, то кара богов неизбежна.

Таким образом, основываясь на текстах, содержащихся в Писаниях, все религии рассматривают возмездие как законное и самое целесообразное воздействие на созданного Богом человека. В то же время из содержания Божественных Писаний усматривается, что Всевышний считает возмездие действительным и справедливым злом, страданием за причиненное преступное зло. Справедливость,

¹ *Целищева З.А.* Символы возмездия в западноевропейской средневековой культуре. 2014. С. 33, 58.

по Богу, есть нравственно-религиозное начало сущности наказания — возмездия.

Критики Библии и Корана, придерживающиеся атеистических убеждений, видят в сущности наказания жестокость и несправедливость со стороны Божества, ссылаясь, естественно, на Божьи законы. Так, утверждается, что Бог проявил жестокость по отношению к Адаму и Еве, поскольку они были сосланы в места, не столь отдаленные и приговорены к вечным каторжным работам¹. Приводятся также в пример истории, связанные с жителями Египта, Содома, Гоморры и Всемирным потопом. Бог в этих библейских сюжетах действительно предстает как кровожадное, злобное, мстительное существо, применяющее дикие казни. Однако следует заметить, что Всевышний всегда использует самые тяжкие суровые наказания именно за послушание воли Божьей, которое рассматривается Им как самое тяжкое из всех возможных преступных деяний. При этом Господь Бог применяет разнообразные силы природы для наказания непокорных. Достаточно отметить наказание в водах Всемирного потопа или же события в Содоме, когда его жители были уничтожены огнем и серой, низвергнутыми с неба. За что именно им эти наказания? Например, Адам и Ева были наказаны не за кражу собственности Господа, а конкретно за нарушение запрета. Казнь египтян следует рассматривать, по мнению В.Г. Беспалько, «как кару небесную, возмездие фараону и египетскому народу за неисполнение воли Божьей, требующей отпустить богоизбранный народ для служения Господу»². «Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении» (Быт. 15:14). Поводом для уничтожения жителей Содома и Гоморры Всевышним послужили блуд и разврат (особенно гомосексуализм), процветавшие там. Однако, как представляется, остается неразрешенным вопрос о неизбирательности наказания и несоблюдении принципа личной ответственности, поскольку в этих городах погибли жители обоих полов, включая детей, которые к данным преступным деяниям вообще не имели никакого отношения.

Несмотря на то что Всевышний усматривает наказание как возмездие, Он в то же время напоминает о вразумлении, несущем в себе доброту, сострадание и излечение: «Одним из проявлений пра-

¹ Ярославский Е.М. Библия для верующих и неверующих. М., 1977. С. 60, 62–63.

² Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. С. 139.

ведности, справедливости Божьей является его милосердие»; «Господь, Бог твой, есть Бог милосердия» (Втор. 4:31); «Не может быть у Бога неправды или у Вседержителя неправоудия. Он по делам человека поступает с ним и по путям мужа воздаст ему. Истинно, Бог не делает неправды и Вседержитель не извращает суда» (Иов. 3:25; 10:14; 34:10-12). А вот что сказано в Коране: «Я желаю только исправления, пока могу» (Сура 11, аят 88).

Итак, рассмотрев сущность наказания по Священным Писаниям, можно определить Божье наказание как изначально установленное Им средство воздействия на созданное Им человеческое существо. Если религия, исходя из Священных Писаний, рассматривает наказание как понятие Божественное, то философы, соответственно, как явление философское, а юристы, в свою очередь, считают, что это категория правовая, а точнее, уголовно-правовая.

Изначально учение о наказании, как и многие другие явления науки, было предметом философской мысли. Поэтому на протяжении многих веков вокруг данного понятия разворачивались оживленные дискуссии, в результате которых, как уже отмечалось, появилось большое количество различных концепций, учений, теорий. Говоря о наказании, мы, юристы, должны, бесспорно, рассматривать это понятие как правовое, а не как философское, то есть нас должна интересовать юридическая сторона вопроса. Следовательно, при определении понятия наказания юрист не может обойтись без элементов, имеющих чисто юридическое значение, а не характеризующих наказание как явление философское, социологическое или психологическое. В то же время следует помнить, что разрешить проблему наказания никогда не удастся, если отделять право от реального мира фактов и явлений, на основе которых оно выросло. А это означает, что нельзя переоценивать роль юридических признаков при определении понятия наказания.

Философия, так же как и религия, считает, что отличительной чертой наказания, по сравнению с другими правовыми мерами, является присущий ему элемент возмездия¹. Например, подчер-

¹ Первым философом, признающим идею наказания как возмездия, был Кант, хотя эта мысль встречается и у Платона, Цицерона, Сенеки, Гуго Гречия. Особое значение как для развития философской мысли, так и в доктрине уголовного права имела теория возмездия Гегеля. Идеи наказания как возмездия оказались настолько живучими, что на века «пережили» представителей этих идей.

гая юридическому анализу Пятикнижие Моисея, В.Г. Беспалько приходит к выводу о том, что представления о наказаниях как заслуженных карах, мерах принуждения и иных неблагоприятных последствиях, применяемых к преступившему закон лицу Богом, обществом или потерпевшей стороной, призваны служить достижению карательно-предупредительной (устрашающей), восстановительной (компенсаторной) и исправительной целей на фоне явного приоритета первой¹.

Из содержания Священных Писаний ясно усматривается Божеская мысль о том, что возмездие есть явление, лежащее в объективной природе наказания. Философия понимает возмездие как момент, характеризующий саму суть наказания. В этом смысле в определении понятия наказания как возмездия существует единство во взглядах религиозных деятелей и философов. Первые обосновывают свое мнение ссылками на Библию и Коран, а вторые — на методы философии, способные познать сущность наказания, выявить главное, основное и определяющее в его функционировании и развитии. Именно философское осмысление сущности наказания дает нам возможность вмешаться в суть этого явления, подвести его под выработанные философской мыслью категории и найти ответ на вопрос: какие же цели ставит перед собой Господь Бог, применяя наказание?

2. Цели. Всякая цель субъективна, ибо формируется людьми, выражается в законодательстве и реализуется субъективной деятельностью людей. Следовательно, наказание, в принципе, не преследует каких-либо целей, тем более невозможно их перед ним ставить, ибо цели могут быть определены субъектом с учетом объективных возможностей наказания и закреплены в законе. А это значит, что наказание следует рассматривать как средство достижения цели. Именно из такого подхода следует исходить, когда мы рассматриваем те цели, которые в соответствии с имеющимися памятниками религиозной мысли Всевышний ставит перед Собой с использованием такого средства, как наказание. Разумеется, опираясь на дошедшие до нас историко-религиозные источники, можно сделать вывод о том, что Господь Бог для достижения поставленной цели может использовать и другие средства и возможности. Под целями, как выте-

¹ Беспалько В.Г. Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея. С. 24.

кает из содержания Священных Писаний, Всевышний понимает тот идеально желаемый результат, к которому Он стремится, применяя наказание или другие меры воздействия на людей. О каких же целях идет речь? Любая религия однозначно утверждает, что наказание установлено Богом с целью искупления зла, ибо *искупление* — это верховный закон мира. Всякое зло должно быть искуплено, ни одно не должно оставаться безнаказанным. Следовательно, до тех пор, пока на земле будут совершаться преступления, необходимо, чтобы постоянно имело место и наказание. Религиозные каноны четко дают понять, что поскольку Бог установил данный институт, то наказание будет существовать, пока Всевышний Творец Самого не отменит. В связи с этим уместно вспомнить высказывание Г.В. Лейбница: «Бог может сделать, чтобы добродетель существовала в мире без всякой примеси порока, и даже будто он может сделать это легко. Но поскольку он допустил существование греха, необходимо, чтобы миропорядок, находящийся в преимущественном положении по отношению ко всякому прочему порядку, потребовал его»¹.

Религия вообще считает, что наказание — это не самоцель, а милость Божья, ибо земное страдание избавляет от более ужасного страдания в будущем. Так, Н.С. Федосова утверждает, что «по христианским канонам цель наказания — исправление грешника, недопущение совершения новых грехов и устрашение»².

Тексты всех Божественных Писаний свидетельствуют о том, что Божье наказание — это в значительной мере охранительное средство: «Не убивай. Не прелюбодействуй; и не кради; и не отзывайся о ближнем своем ложным свидетельством» (Дварим 5.17-/18/ — Второзаконие). То же самое читаем в Ветхом Завете: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20: 13-16). «О те, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые Аллах сделал дозволенными для вас, и не преступайте границы дозволенного. Воистину, Аллах не любит преступников» (Коран. Сура 5, аят 87). После такого предупреждения Аллах напоминает о тех последствиях, которые будут за нарушение Его заветов: «А кто преступит границы дозволенного после

¹ Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 211.

² Федосова Н.С. Указ. соч. С. 17.

этого, тому будут уготованы мучительные страдания» (Коран. Сура 5, аят 94).

Как видим, за суровостью Божественного предупреждения кроется грозное устрашение. При этом, конечно же, нельзя забывать, что хотя Господь Бог считает основной своей целью достижение желаемого результата — *предупреждение преступлений*, в Писаниях немало места уделяется также и цели исправительной. Например, Коран гласит: «Я желаю только исправления, пока могу» (Сура 11, аят 88); или: «Бог к вам пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не согрешили» (Исх. 20:20).

В принципе, система наказаний во всех Священных Писаниях построена таким образом, что сдерживающей силой для человека является не только внешний контроль, но и внутренняя мораль. Изначально религия фокусируется не на каких-либо внешних правилах, а на внутреннем удерживающем факторе — совести и прилагает все усилия, чтобы взрастить ее в человеке уже с детства и привить каждому самые благородные качества. В Ветхом Завете читаем: «Если и после сего не исправитесь и пойдете против Меня, то и Я (в ярости) пойду против вас и поражу вас всемеро за грехи ваши» (Лев. 26:24). Мотивом правопослушного поведения Всевышний считает *страх наказания*. Вместе с тем Он открыто заявляет об этом людям: «Мы непременно испытаем вас незначительным страхом, голодом, потерей имущества, людей и плодов. Образуйте терпеливых» (Коран. Сура 2, аят 155). Согласно религиозной философии, существенным фактором и мотивом, поддерживающим Божественно освященные устои официального порядка, был страх перед наказанием при жизни или неминуемо после смерти за те или иные прегрешения либо проступки. Этот страх успешнее всего культивировался там, где опирался на стойкую веру в бессмертие души и загробный суд богов. «Дикарь, — пишет Б. Малиновский, — соблюдает свои табу не из-за страха перед общественным наказанием и порицанием. Он воздерживается от их нарушения отчасти потому, что боится дурных последствий, непосредственно проистекающих из божественной воли или действия священных сил, но, главным образом, потому, что его личная ответственность и совесть не позволяют ему делать это»¹.

¹ Малиновский Б. Магия, наука и религия. URL: [http:// malinovskii-magia. ofilosofii.ru](http://malinovskii-magia.ofilosofii.ru)

Совершая грех, Адам понимал, что нарушает запрет, то есть Божий Закон, и что за это будет наказан. Тем не менее он не смог себя удержать. Запрет, с одной стороны, вызывает в нем желание, а с другой — страшит, поскольку одновременно пробуждает в нем возможность свободы. Вот почему природу первородного греха религия объясняет через категорию страха, который является содержанием любого наказания. Угроза воздействия на людей порождает у них страх перед наказанием и тем самым уберегает во многих случаях от совершения преступлений. Этот страх возникает еще до наступления последствий от противоправных деяний, в результате которых может наступить наказание.

Чувство страха имеет инстинктивно-биологические основы и присуще всем людям. То, что бывают люди, которые вообще не ощущают страха, следует понимать в том смысле, что и Адам никогда не почувствовал бы страха, нарушая запрет, если оставался бы просто животным. Поэтому неспособность страшиться является доказательством того, что данный индивид — либо животное, либо ангел, а они оба, также в соответствии с Божественными Писаниями, менее совершенны, чем человек. Следовательно, страх выступает выражением совершенства человеческой природы. Угрозой наказания Всевышний оказывает воздействие на психологическое состояние, разум и эмоции человека с целью предотвращения противоправных действий с его стороны. Хорошо зная созданное Им существо, Бог глубоко убежден в эффективности устрашительно-предупредительной силы наказания. Оно воздействует на психику человека, то есть возбуждает в нем чувства страха, заставляя его соотносить свое поведение с установленными требованиями Господа Бога. Таким образом, Всевышний рассчитывает на то, что устрашение способно противостоять тем качествам, потребностям, желаниям, которые толкают человека на совершение преступления, предупреждая его о невыгодных последствиях.

3. Виды. *Смертная казнь* является самым распространенным видом наказания во всех религиозных и религиозно-правовых памятниках. В то же время именно эта мера подвергается серьезной критике как мера безнравственная и противоречащая Божественным установлениям. Обратимся к Священным Писаниям: «Тот, кто ударит человека так, что тот умрет, да будет предан смерти» (Тора.

Шмот 21./12/); «Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти» (Лев. 24:17). В целом, в Ветхом Завете вероятность смертной казни существовала за такие преступления, как убийство, кража, блуд, изнасилование, побои (Быт. 28:41; 31:32; 34:27-29; 38:34; Исх. 2:11-12). Иные историко-религиозные памятники также допускают применение смертной казни: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный — за свободного, и раб — за раба, и женщина — за женщину...» (Коран. Сура 2, аят 178); «Если же убьет христианин русского или русский христианина и будет схвачен убийца родичами (убитого), то да будет он убит» (ст. 13а Договора Руси с Византией 944 г.). Интересно отметить, что приведение в исполнение смертной казни, назначенной за убийство, возлагалось на ближайших родственников потерпевшего. При этом для того, чтобы предотвратить случайную гибель лица, причинившего смерть по неосторожности (неумышленно), Ветхий Завет определяет шесть вольных городов или убежищ (Чис. 35:11-15). Вообще книга Пятикнижия «Числа» интересна еще и тем, что в ней содержатся: а) дальнейшая дифференциация способов исполнения смертной казни в зависимости от характера и степени общественной опасности преступлений; б) включение в систему наказаний временных изгнания и изоляции вне стана; в) детальная регламентация оснований назначения и порядка отбывания наказания в виде удаления в город убежища как законной меры ограничения применения обычая кровной мести и легальной альтернативы смертной казни».

Из этих установлений следует, что смертная казнь как основной вид наказаний благословлена и одобрена Господом Богом.

Следует отметить, что в Священных Писаниях есть также упоминание о наказаниях, которые по юридической природе и карательному воздействию напоминают такие современные меры, как пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок, штраф.

Пожизненное лишение свободы как вид наказания довольно часто встречается в Священном Писании: «И прибыл Давид в свой дворец в Иерусалиме, и взял Давид десять жен-наложниц, которых оставлял беречь дом, и отдал их в отдельный дом под охрану, и обеспечивал их едой, но больше к ним не входил. И остались они скован-

ными до самой смерти — соломенные вдовы» (Шмуэль II — Вторая книга Царств. 11.20/3/); «А глаза Иидкиягу он выколол, и заковал его в кандалы, и привел его вавилонский царь в Вавилон, и поместил его в застенки до дня его смерти» (Ирмеегу 52./10/-11 — Книга пророка Иереми); «И должно обществу спасти убийцу от руки мстителя за кровь, и должно возратить его общество в город убежища его, куда он убежал, чтобы он жил там до смерти великого священника, который помазан священным елеем» (Чис. 35:25); «Вы узнаете, к кому придет наказание, унижая его, и над кем пребудет наказание вечное» (Коран. Сура 39, аят 40).

Лишение свободы на определенный срок также находит отражение в шкале наказаний, присутствующих в Священных Писаниях, и представлено там довольно широко. В качестве примера можно привести следующие положения из различных источников: «И посадили его под стражу, доколе не будет объявлена им воля Господня» (Лев. 24:12); «И ответил ему его Господь и отвратил от него их козни. Поистине, Он — слышащий, знающий! Потом вздумалось им, после того как они видели знамения, непременно заточить его на время... И пробыл он в темнице несколько лет» (Коран. Сура 12, аяты 32-35, 42); «И были сыны Израиля в пустыне, и нашли они раз человека, собиравшего хворост в день субботний. И привели его те, кто нашли его собирающим хворост, к Моше, и к Агарону, и ко всему обществу. И оставили его под стражей, потому что не было еще определено, как следует поступать с ним» (Бемидбар 15./32/-/34/).

Штраф, так же как и лишение свободы на определенный срок, является весьма распространенным видом наказания имущественного характера: «Если на него наложен будет выкуп, пусть даст выкуп за душу свою, какой наложен будет на него» (Исх. 21:30); «Когда выкуп будет наложен на владельца, он должен заплатить все, что будет наложено на него во искупление души его» (Шмот 21./30/).

4. Божие наказание в загробной жизни. В создании удерживающего фактора наказания Бог считает решающими неотвратимость и суровость наказания, и не только в земной жизни, но и в загробной, о чем упоминается во многих местах всех Божественных Писаний.

Вместе с тем уместно отметить отсутствие «загробного возмездия» в Ветхом Завете. На это обращал внимание еще Вольтер в памфлете «Бог и люди», указывая, что «ни в книге Левит, ни во Второзаконии законодатель не угрожает загробными карами и не

обещает никакого воздаяния... Законодатель иудеев, наоборот, всегда говорил, повторял, внушал, что Бог накажет только живущих»¹.

А.А. Гусейнов «отсутствие идеи загробного воздаяния» объясняет именно тем, что, помимо религиозного текста, «Десятизаконие является также юридическим документом»². Пожалуй, А.А. Гусейнов прав, ибо наказание после смерти рассматривается в мистических учениях иудаизма, в частности в Каббале: «Души евреев безбожных, убивших еврея или изменивших иудейской вере, по смерти переходят в растения и животных, потом мучаются в аду в течение 12 месяцев, а после этого срока мучения переходят для исправления сначала в неодушевленные предметы, потом в зверей, далее в язычников и, наконец, опять в евреев»³.

О каком же возмездии Господа Бога в другой, загробной жизни идет речь? Евангелие и Коран дают четкий ответ на вопрос, что бывает с теми, кто не получает должного воздаяния в земной жизни как за добро, так и за зло. Христианство, так же как и ислам, исходит из того, что земная жизнь скоротечна и в загробной жизни нас будут судить по тому, как мы преодолевали испытания, встречавшиеся на нашем земном пути. Тех, кто не согласен, что любое наказание в загробной жизни заслуженно, Коран спрашивает: «Должно ли с теми, кто насильствовал, убивал, мошенничал и мучил других, обращаться так же, как с теми, кто ухаживал за больными, заботился о вдовах и сиротах, расходовал из своего богатства, чтобы помочь бедным, и из всех сил старался следовать наставлениям Господа?».

Вообще страх наказания перед Судным днем — характерный признак, в особенности мусульманина. Он должен находиться в состоянии постоянного душевного бодрствования, как если бы уже в следующее мгновение ему предстояло предстать перед последним судом. Это суд Аллаха — мгновенный и справедливый. В некоторых местах Корана говорится о групповых наказаниях, когда речь идет о группах, коллективно отвергших богов. Л.Р. Сюкиейнен пишет: «Перспектива загробного наказания хотя порой и не оказывает

¹ *Вольтер*. Из Философского словаря. Бог и люди; Вопросы о чудесах / Пер. с фр.; вступ. ст. С. Артамонова; примеч. А. Коробочко. М., 2010. С. 218–219.

² *Гусейнов А.А.* Великие пророки и мыслители. Нравственные учения Моисея наших дней. М., 2009. С. 103.

³ *Тихомиров Е.* Загробная жизнь, или Последняя участь человека. М., 1999. С. 434–435.

существенного влияния на конкретное поведение мусульманина, но в целом является важной стороной социально-психологического механизма действия религиозных норм, в отличие от правовых правил поведения»¹.

Описания адских мук, которые мы находим в Коране, столь ужасны и убедительны, что служат для верующих мощным мотивирующим фактором: «Воистину, те, кто воюет против Аллаха и Его Посланника и творит на земле нечестие, будут в воздаяние убиты, или распяты, или у них будут отрублены накрест руки и ноги, или они будут изгнаны из страны. И все (эти наказания) для них — великий позор в этом мире, а в будущей жизни (ждет) их великое наказание» (Сура 5, аят 33).

«Великое наказание», «мучительное наказание» очень часто встречаются в Коране, например: «Будут обитателями ада, и будут они пребывать в нем во веки веков» (Сура 7, аят 36). То же самое можно встретить в Евангелии: «Те, что вершили зло и погрязли в грехах, — обитатели ада на вечные времена» (Мк. 11:24-26).

«Пристанище вам — огонь, и вечно вы в нем пребудете, если только Аллах не пожелает иначе» (Коран. Сура 6, аят 128). Еще страшнее наказание предусмотрено в аяте 4 Суры 10: «Тем же, которые не уверовали, уготованы питье кипящее и мучительное наказание за то, что они не веровали».

Аллах предусматривает в Коране и такое наказание, как «гешенна», в качестве воздаяния в загробной жизни. Следует отметить, что Коран не только предупреждает людей о суровых наказаниях в загробной жизни за их преступления в этой жизни, но одновременно напоминает о тех наградах, которые заслуживают правверные и вообще люди за добрые дела: «Так “обрадуй” же их вестью о мучительном наказании, за исключением тех, кто уверовал и творил добрые деяния. Этим же — награда неиссякаемая» (Сура 84, аяты 24-25). Что же это за награда? «А те, которые уверовали и вершили добрые дела, — обитатели рая на вечные времена» (Сура 2, аят 82). Коран раскрывает также понятие рая: «Воистину тех, которые уверовали и творили добро, Аллах поместит в сады, где текут ручьи. Там будут они носить золотые браслеты и жемчуг, а их одеяния будут из шелка» (Сура 22, аят 23).

¹ Сюкийейнен Л.Р. Указ. соч. С. 24.

Почему же Бог не наказывает людей, совершающих зло, преступление, в земной жизни? На этот вопрос Коран дает очень мудрый ответ: «Если Аллах наказывал бы людей за их нечестие (на земле), то не оставил бы на ней ни одного живого существа. Но он дает им отсрочку до определенного времени. Когда же настанет их срок, то они не смогут ни на час отдалить или приблизить его» (Сура 16, аяты 61-62). Иными словами, кого, когда, за что и как наказывать — право лишь Аллаха, который стремится, чтобы люди не только на земле жили без зла, ненависти, преступлений, но и в загробной, другой жизни не чувствовали злости и не творили жестокости: «И мы исторгли из сердец (людей) ненависть (взаимную), и они, как братья, восседают на ложах, обратившись друг к другу. Ничто не будет там их огорчать, и не изгонять оттуда» (Сура 15, аяты 47-48).

Следует подчеркнуть, что верование в возмездие (воздаяние) в другой жизни за зло (преступление) имело место во всех человеческих племенах, обществах, нациях в форме оживающего другого **Я** покойника.

Например, индусские верования относительно загробной жизни человека и буддистские учения, в существенных чертах развившиеся из них, предусматривали, что переселение души имеет такое же важное значение, как и прямые награды и наказания, которые во всех своих формах признаются не вечными, а временными по своему существу. Станет ли человек в будущей жизни растением, пресмыкающимся, птицей, женщиной, брамином, мудрецом, зависит от него самого, от того, как он себя ведет в земной жизни. А это значит, что если человек при жизни не смыл пятно надлежащим покаянием, то он будет одной из самых низких тварей; если же он умер чистым, то может достигнуть высшей ступени человечества.

В частности, книги Вишну и Ману можно причислить к книгам законов, поскольку они содержат в себе правила поведения, определенные с величайшей точностью, а также наказания за нарушения этих правил. Преступники высшей категории переселяются преемственно из одного растения в другое, проходя все виды растительного царства. Виновные в смертном грехе переселяются в тела червей и насекомых. Лица, совершившие меньшие проступки, переселяются в тела птиц. Преступники четвертой категории обращаются в водяных животных. Те, кто совершил преступление,

ведущее к изгнанию из касты, переселяются в тела земноводных (Вишну. XLIV.2). По этому закону, кто присвоит себе в собственность проезжую дорогу, тот делается змеей, живущей в пещерах; кто украл хлеб в зерне, обращается в крысу; кто украл воду, тот делается водяной дичью.

Устрашение загробным возмездием путем переселения души из одного существа в другое оказывало еще до Божественных Посланий сильное влияние на житейские правила, которые впоследствии входили в законодательные своды. Нарушение правил, совершение преступлений, злых деяний, противоречащих существующим законам, накладывает на нарушителя особый отпечаток, который, если не будет смыт добровольным покаянием при земной жизни, останется на его душе и после смерти и может быть очищен в загробной жизни только более сильными карами. По индусским законам, если, например, будет убит кем-либо брамин, то сколько пылинок окрасится его кровью на знойной почве Индии, столько же тысячелетних периодов должен убийца провести в аду, то есть в загробной жизни (Ману. ХТ 20).

Итак, на основании имеющихся историко-религиозных источников можно сделать вывод о том, что Всевышний ставит перед собой цель — предупреждение людей от нарушения или отступления от Его заветов, установленных в Посланиях. При этом Он, разумеется, далек от мысли, что при всей сложности факторов, которые Ему известны, одно только наказание не в состоянии справиться с данной задачей, ибо всеобщее повиновение всем требованиям Писания — совершенство, достигнуть которого невозможно. Именно поэтому можно сделать вывод о том, что Он особое внимание во всех Своих Посланиях уделяет духовному и нравственному совершенствованию людей, хотя и понимает, что это слишком долгий и трудный путь. Характерная особенность Божественных Писаний — отчетливо проявляющаяся установка на внушение людям понимания неизбежности, неотвратимости наказания в качестве основного и непреложного принципа: «Ибо Господь, Бог твой, есть огонь поедающий, Бог-ревнитель» (Втор. 4:24); «Я — Бог, Всесильный твой, Бог-ревнитель, карающий за вину отцов детей до третьего и до четвертого поколения» (Тора. Двар им 5./9//10/). Коран гласит: «Он сказал: “Наказанием Моим я поражаю, кого желаю...”» (Сура 7, аят 156).

Как отмечает В.Г. Беспалько, «в любом случае, противоположная далекой умозрительности реальность прижизненного исполнения наказания за совершенное преступление обеспечивала его неотвратимость, а последняя со своей стороны — неизбежность уголовного законодательства»¹. Реализация данного принципа и по сей день выступает показателем эффективности уголовной политики.

Таким образом, Божественное установление исходит из того, что не жестокость наказаний, а их неизбежность есть одна из могучих сил, обуздывающих преступление. Так что и Коран, и Библия выступают настоящими выразителями уголовной санкции в ее гуманно-правовом основании, в ее настоящей природе. Самое главное, что придает наказанию силу, что делает его страшным и грозным, — это не мера его, не степень внушаемого страха, а его неизбежность, неотвратимость. Формально юридическим выражением справедливости Божьего наказания, по Писаниям, является принцип соответствия тяжести причиненного данным преступлением вреда размеру наказания: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, отомщение за отомщение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх. 21:23-25). Данным установлением Всевышний стремится к обеспечению абсолютной справедливости, присущей только правде Божьей. Придет время, и И. Кант согласится с этим: «Зло требует оплаты злом, только одно воздаяние по принципу равенства может определить меру и объем наказания либо равенство по силе действия»². Абсолютность и практически безальтернативность Божьего наказания означает превосходство принципа абсолютного равенства перед Законом Божьим всех без исключения виновных в преступлениях.

На основании изложенного можно сказать, что абсолютно определенный и безальтернативный характер наказания, установленно-го Богом, задан такими принципами, как равенство, неизбежность и справедливость мер ответственности, которые в свою очередь являются закономерными воплощениями в законах Божьих одного из свойств, характеризующих его Законодателя, — всеправедности.

¹ Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. С. 362–363.

² Кант И. *Metaphysische Anfangsgrunde der Rechtslenze*, 1797 (см.: Ойзерман Т.И. *Философия Канта и современность*. М., 1974. С. 187–191).

Глава II

ИУДАИЗМ

(ВЕТХИЙ ЗАВЕТ ИЛИ ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИЯ): «...ОКО ЗА ОКО, ЗУБ ЗА ЗУБ...». ЗАКОН ВОЗМЕЗДИЯ

§ 1. Значение Десятисловия и Ветхого Завета в эволюции идеи института наказания

1. *Иудаизм* — религия, у которой нет конкретного основателя, или лидера, или группы, как в исламе, христианстве или буддизме. Евреи (приверженцы традиции) верят в то, что Пятикнижие, «пять книг Моисея» были дарованы Моисею в Божественном откровении и записаны им как единый текст. «И кто (тот) великий народ, у которого законы и приговоры праведны так, как все это учение, которое я даю вам нынче?» — говорит Моисей (Втор. 4:8). Но какой Бог даровал эти законы? Израильтяне не думали, что Яхве, Бог Синайский, о котором говорил Моисей, — единственный на свете Бог. Они просто, по настоянию Моисея, дали обет, что не будут поклоняться никому, кроме Него (Яхве), а других божеств отвергнут. В Пятикнижии вообще трудно отыскать хотя бы одно монотеистическое утверждение. Существование иных божеств открыто признается даже в Десяти заповедях: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Библия ясно дает понять, что люди, которых называют древними израильтянами, представляли собой союз множества этнических групп, объединенных, прежде всего, верой в Яхве, Бога Моисеева. Библейские книги были, однако, написаны столетия спустя, около VIII в. до н. э., хотя, несомненно, опирались на более ранние письменные источники.

Есть мнение о том, что, скорее всего, религия Яхве являлась «подлинным творением израильского народа. Она радикально отличалась от любой веры, когда-либо известной языческому миру» (И. Кауфман). «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим» (Исх. 20:3). Это подтверждает тот факт, что до того как израиль-

ская религия стала отрицать любых других богов, кроме Яхве, она прошла этап признания их существования, но осуждала поклонение им. Иначе говоря, израильская религия достигла монотеизма только после периода исключительного поклонения одному Богу, при котором не отрицается существование других. Внимательно читая Библию, нетрудно заметить, что Еврейская Библия (Ветхий Завет) повествует о Боге в состоянии эволюции, о Боге, характер Которого кардинально меняется с начала до конца изложения. Еврейская Библия обретала форму постепенно, в течение долгих веков, и порядок, в котором были написаны ее тексты, не соответствует порядку, в котором они расставлены ныне. Кстати, то же самое можно сказать относительно времени получения посланий Аллаха в Коране и порядка составления текста в Священном Писании. Ясно одно: христиане и мусульмане, подобно иудеям, прослеживают происхождение своего Бога до того самого Бога, Который согласно Библии, явился Аврааму во втором тысячелетии до н. э. И хотя все три группы претендуют на одно и то же «родословие» своего Бога, представители каждой из них не всегда считают представителей остальных поклоняющимися тому же самому Богу.

Изначально евреи представляли собой кочевой народ. Они были угнетаемы и притесняемы на протяжении всей своей истории. Хотя знание о раннем периоде истории народа Израиля основано прежде всего на библейских повествованиях, наука не убеждает в исторической точности данных свидетельств. Не вполне понятно и то, кто были эти люди — герои библейских повествований, откуда они взялись. Некоторые ученые считают, что слово «еврей» восходит к слову «bebiḡa», которым обозначались представители низших слоев общества, безземельные люди, изгои; их использовали как наемников. Согласно другой версии, слово «еврей» происходит от ивритского слова «ivrit», переводимого как «кочевники» или «странники». Из-за кочевого образа жизни израильтяне имели смешанное этническое происхождение, включая еврейские, арамейские и хананейские корни. Ясно одно, что народ этот до Моисея был необузданным, с твердым затылком, как отмечено и в самой Библии (Втор. 9:13). Бог Яхве свое отношение с этими дикими племенами решает упорядочить на основе законов, призванных сдерживать их страсти. Он понимал, что для того, чтобы племена израильтян «переплавились» в народ, из дикого этноприродного состояния перешли в историческое, они

должны в определенный момент осознать себя в качестве духовной общности. В определенный момент Бог Яхве дал понять Моисею, что в жизни его народа должно появиться что-то более значимое, чем материальное, — идея единого Бога, а также необходимость в общих нравственных принципах, в рамках которых племена могут объединиться в целостный народ. Конечно, Моисей понимал, что это было не просто, однако отступать от выполнения Божественной миссии не стал. Основная задача пророка Моисея, в рамках которой разворачивается его религиозная и нравственно-законодательная деятельность, — вывести евреев из Египта, куда они пришли в свое время желанными гостями, спасаясь от голода. По истечении времени их стали преследовать из-за того, что они становились многочисленнее и сильнее самих египтян. Скорее всего, это была не единственная причина, ибо история свидетельствует о том, что такие факты случались с евреями и в последующем при совместном проживании с другими народами. Опасаясь конкуренции, египтяне поработили их, подвергали дурному обращению и изнуряли тяжелой работой. Фараон приказал умерщвлять всех новорожденных еврейских мальчиков, — все это делало дальнейшее пребывание израильтян в Египте невыносимым. В конечном счете, как известно, Бог Яхве помог Моисею вывести его народ из Египта. Однако Моисей понимал, что именно праведные законы, нравственные нормы и учение возвышают любой народ, делают его великим. Но сам он им не обладал. И в этом, как известно из Библии, ему помог тот же Бог, которого евреи стали называть Своим Богом — Яхве. Через Моисея он дал еврейскому народу известное Десятисловие (или Декалог), которое войдет потом в христианство — европейскую культуру как самостоятельные и самоценные исторические Божьи заповеди.

Что это за документ, в чем его суть? Чего требует Бог Яхве от израильтян через Моисея в Декалоге?

Если коротко, то суть заповедей Десятисловия — способность жить по законам, предначертанным Богом. Если исходить из того, что центром всех усилий Яхве с помощью Моисея, посредством Декалога является государственное устройство Израйля, создание политической системы для объединения и становления еврейского народа, то Десятисловие следует считать в первую очередь документом законодательным, в котором, кстати, особое внимание уделяется именно уголовно-правовым нормам: «Не убивай», «не

прелюбодействуй», «не кради», «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего».

В целом, из содержания Декалога видно, что Бог «делает ставку» не на убеждение и свободу духа, а на принудительную силу заповедей. Поэтому Десятисловие с государственно-политической точки зрения благоразумно и эффективно с учетом уровня развития еврейского народа, но по нравственным критериям эти заповеди слишком спорны. Можно даже сказать, что моральные критерии в указанном документе отсутствуют, ибо некоторые нормы Декалога концентрируют внимание не на внутреннем мире человека, не на моральном образе мыслей, а на внешних действиях человека. Принципы Декалога выступают как принуждение, а иногда даже как угроза: «...ибо Я Господь, Бог твой, Бог-ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода...» (п. 2 Десятисловия).

В дальнейшем мы убедимся, что смысловым центром Закона Моисея, основанного на принципах Декалога, будут не милосердие и добродетель, а суровость, жестокость и беспощадность. А.А. Гусейнов отмечает, что «идея милосердия и добродетели в нем (в Десятисловии. — *И.Р.*) выражена крайне слабо... и не обрела самоценного значения...»¹.

Обратимся к текстам знаменитых заповедей:

1. «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20, 2-3);

2. «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им; ибо Господь, Бог твой, Бог-ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» (Исх. 20,4-6);

3. «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20,7);

4. «Помни день субботный, чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои; а день седьмой — суббота Господу

¹ Гусейнов А.А. Великие моралисты. 2-е изд. М., 2008. С. 110.

Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни скот твой, ни пришлец, который в жилищах твоих. Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятил его» (Исх. 20, 8-11);

5. «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Исх. 20, 12);

6. «Не убивай» (Исх. 20,13);

7. «Не прелюбодействуй» (Исх. 20, 14);

8. «Не кради» (Исх. 20,15);

9. «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20,16);

10. «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20,17).

Как видим, Десятисловие представляет собой систему религиозных, повседневно-житейских, нравственных и юридических (правовых) норм. При этом более всего в данном документе Бог уделяет внимание тем деяниям человека, которые, по Его мнению, являются особо опасными, а значит, более запрещенными. Говоря о наказании, в Декалоге Бог связывает его только с неисполнением Его заповедей, касающихся религиозных установлений.

А.А. Гусейнов считает, что «десять заповедей — это общие религиозно-нравственно-юридические принципы, своего рода философия Моисеева законодательства»¹. Следует отметить, что заповеди, которые Моисей якобы получил лично из рук Бога, присутствуют фактически во всех религиях, включая те, которые возникли задолго до христианства. Например, такие заповеди, как «не убий», «не кради», «не прелюбодействуй», фиксировались в индуизме и буддизме. Есть совпадение двух «Десяти заповедей» — Бога Яхве и Будды. Поэтому не стоит говорить об уникальности заповедей Моисея или Бога иудеев. Кодекс Хаммурапи гласит: «Если кто выбил зубы лицу, равному ему, то ему выбьют зубы» (§ 200). Библия устанавливает: «Око за око, зуб за зуб» (Исх. 21. 24). Каково же значение Декалога в эволюции идеи института наказания?

¹ Гусейнов А.А. Великие моралисты. С. 110.

В истории найдется не так много народов, которые, подобно евреям, тщательно сохраняли, сохраняют и творчески преумножают свои традиции. Иудейское учение о понятии и образовании наказания, связанное с религией, уходит корнями в глубокую древность и представляет собой сложную систему, развивавшуюся на протяжении значительного промежутка времени. Традиционно считается, что Десять заповедей, или Декалог, — древнейшие из еврейских законов, где можно встретить понятие «наказание», — были получены Моисеем от Бога примерно в XV в. до н. э., за 480 лет до начала строительства Храма Соломона. Особое значение имеет тот факт, что Декалог лежит в основе Пятикнижия, где можно встретить эволюцию идеи института наказания. Исключительное место Десяти заповедей в законодательной части Пятикнижия подчеркнуто тем, что Бог израильтян Яхве возвестил их израильтянам лично Сам, в отличие от других законов, которые он предписал через избранника Своего и пророка Моисея, а также тем, что они записаны на скрижалях. Протоиерей Ростислав Снегирев отмечает, что из самой Библии, от Адама до Моисея, слово Божие не записывалось, но передавалось из уст в уста, из поколения в поколение, ибо из Книги Бытия следует, что после грехопадения и изгнания из Рая люди лишены возможности быть в непрестанном диалоге с Богом, слушать Его слова¹.

Основные религиозные и законодательные принципы Пятикнижия образуют цельный кодекс из Десяти заповедей, которые представляют собой вводную часть развернутой системы религиозных, законодательных, повседневных житейских норм, составляющих основные положения Пятикнижия и имеющих исключительно важное значение для понимания сути и цели института наказания. Следует отметить, что из десяти заповедей только четыре «не»: не убий, не лги, не кради, не прелюбодействуй — нормы Пятикнижия. Специалисты отмечают, что «идейную основу учения о преступлении и наказании в Пятикнижии, реконструированного в результате анализа и обобщения конкретных норм заповедей Божиих, установлений патриархов, синайской и девтеронимической редакций Моисеева уголовного права, а также прецедентов исторических

¹ Протоиерей Ростислав Снегирев. Священное Писание Ветхого Завета: Учеб. пособие: В 10 вып. Вып. 1: Введение в изучение Священного Писания Ветхого Завета. Саратов, 2006. С. 5, 8.

повествований, мифов и иных религиозно-правовых установлений, составляют:

— верховенство идеи богоустановленности и богоугодности уголовного закона, институтов преступления и наказания, направленных на предупреждение нарушений устроенного Богом или под Его руководством миропорядка и потому имеющих важное общественное и сакральное значение;

— признание Десяти заповедей идеологическим основанием криминализации общественно опасных деяний, очертившим перечень важнейших объектов правовой охраны и установившим, тем самым, общий объект всех преступлений, а также через закрепленную ими иерархию социальных ценностей предопределившим строение системы преступлений в Моисеевом уголовном праве»¹.

А.П. Лопухин, отмечая значение знаменитого Десятисловия, указывает, что «слова эти были просты и общедоступны», но вместе с тем «исполнены такого глубокого значения, что легли в основу всякой нравственности и всякого законодательства. Такое положение Декалога в системе социальных норм объясняется тем, что вытекающие из него законы «сродни естественным, объективным законам природы, а потому не могут устареть или потерять своего значения»².

Святитель Николай Сербский (1881–1956) назвал Декалог Моисея главным Божиим Законом³. А по мнению В.Г. Беспалько, данные заповеди не просто образуют основной закон или конституцию всего ветхозаветного законодательства, но и по сей день являются своего рода протоконституцией правовых систем всех христианских государств⁴. Российские правоведы также утверждают, что «Десятисловие — закон правовой», что «его следует признать в качестве своеобразного метаправа по отношению к современному

¹ См.: *Беспалько В.Г.* Учение о преступлении и наказании в Пятикнижии Моисея: Автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 5, 23.

² *Лопухин А.П.* Библейская история Ветхого Завета. Киев, 2005. С. 213.

³ *Святитель Николай Сербский.* Объяснение десяти заповедей, данных Моисею. Клин, 2007. С. 4.

⁴ *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные корни уголовного права в Пятикнижии Моисея. СПб., 2015. С. 161.

праву, что и делает необходимым сверять наше право с ветхозаветным»¹.

В основе Десяти заповедей — Закона Господа Бога и его центральной части, Декалога, — лежат две группы правил поведения. Это правила веры и правила жизни, и носят они исключительно запретный характер. Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие в Декалоге наказаний как таковых, соблюдение норм носит как бы добровольный, сознательный характер. Сразу возникает закономерный вопрос: почему же отсутствуют наказания за нарушение запретов? Ведь не может быть уголовно-правовой нормы без соответствующей санкции. Мы считаем, что Декалог скорее всего выступает в роли декларации или конституции, которая провозглашает наиболее важные социальные ценности и излагает общие положения, поэтому в ней отсутствует и ответственность за неисполнение установленных правил поведения. Возможно, Всевышний сознательно отказался от санкций, рассчитывая на то, что израильтяне будут добровольно, без принуждения соблюдать запреты. А может быть, Господь Бог еще не определился относительно характера наказаний за нарушение конкретных установленных Им запретов. Ясно одно: по той или иной причине в Декалоге отсутствует средство принудительного воздействия на человека за неисполнение Его воли. И только когда Господь Бог убедился в том, что созданное Им человеческое существо не в состоянии в силу своего сознания и уровня развития, без принуждения и силы соблюдать правила поведения и запреты, определенные в Декалоге, Он посредством Моисея заявил о необходимости наказаний, которые предусмотрены и определяются в остальной части Ветхого Завета, то есть в книгах: Исход, Левит, Числа, Второзаконие.

Исход. Анализ наказаний, содержащихся в Книге Исхода, относящихся к Синайскому законодательству, показывает, что, *во-первых*, подавляющее их большинство являются абсолютно определенными, и, *во-вторых*, в основной своей массе они безальтернативные. Безусловно, это можно понимать как превосходство принципа абсолютного равенства перед Законом Божиим всех виновных в преступлениях над принципом индивидуализации наказания. Иными словами, Господь, как Законодатель, исходит из

¹ Христианское учение о преступлении и наказании / Науч. ред. К.В. Харабет, А.А. Толкаченко. М., 2009. С. 47.

верховенства принципа равенства над принципом целесообразности и индивидуализации ответственности. Это свидетельство воплощения в законе всеправедности, справедливости Бога как одного из свойств Божьих.

Таким образом, значение принципа равенства как отражение общественных представлений о справедливости наказания за преступления в Книге Исхода состоит не только в том, что через него утверждалась понятная всем идея допущения и дозволения равного возмездия преступнику, но также тем, что данным установлением одновременно определялись границы наказуемости. Следует отметить, что наказаний, связанных с лишением или ограничением личной свободы, в Книге Исхода еще не существует. Речь идет только: а) о телесных наказаниях: смертная казнь, членовредительство; б) об имущественных наказаниях: выкуп, лишение имущества; в) об иных наказаниях: порабощение, удаление в города-убежища. В связи с этим Д.В. Щедровицкий пишет: «Господь не учредил тюремного (а тем более лагерного) заключения в качестве наказания, ибо цель Закона Божьего — возмездие, но вразумление и исправление человека»¹.

Левит. Система наказаний по Книге Левита, предусмотренных за совершение преступлений, традиционна и схожа с тем, как этот институт был регламентирован в Книге Исхода. Так же широко применяется смертная казнь. Исходя из древнего принципа талиона, предусмотрены и членовредительные виды наказаний за преступное причинение телесных повреждений. Впервые в Левите мы находим упоминание о заключении под стражу. Например, сына израильтянки, совершившего богохульство, привели к Моисею и посадили под стражу, доколе не будет объявлена им воля Господня (Лев. 24:11-12). Наказание же в виде лишения свободы в данной Книге не упоминается. Интересно, что в Левите прослеживается зарождение института амнистии: речь идет об учреждении священного праздника юбилейного пятидесятого года, в честь которого подлежали освобождению из рабства лица, наказанные порабощением за преступления против собственности.

Числа. Практически не учреждая новых видов наказания, Книга Чисел вносит свою весомую лепту в развитие уголовного законо-

¹ Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2003. С. 446.

дательства Израиля. Моисей учреждает новый институт уголовного права — города-убежища. Это было проявлением гуманизма, которого мы сейчас себе и представить не можем.

Второзаконие. Книга Второзакония содержит собственную формулу талиона (inustalion): «Душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу» (Втор. 19:21). Таким образом, и во Второзаконии справедливость выражается Богом через присущий древнему обычному праву принцип талиона, согласно которому мера наказания должна буквально воспроизводить вред, причиненный преступлением. Характерная особенность Второзакония — отчетливо проявляющаяся в нем установка пророка Моисея на внушение народу понимания незыблемости закона в качестве его основного и непреложного принципа. Обращаясь к народу своему, Он говорит: «Итак, люби Господа, Бога твоего, и соблюдай, что повелено Им соблюдать, и постановления Его, и законы Его, и заповеди Его во все дни» (Втор. 11:1).

Следует особо подчеркнуть стабильность законодательных норм Ветхого Завета и последовательность применения смертной казни. Например, система наказаний, по Книге Левита, традиционно схожа с тем, как данный институт был регламентирован в Книге Исхода, где тоже широко применяется смертная казнь за подавляющее большинство преступных деяний.

В Книге Чисел, так же как и в предыдущих книгах, лидирующее место в системе наказания по-прежнему занимает смертная казнь с дифференциацией способов ее исполнения: как правило, побивание камнями, повешение. Для более действенного психологического устрашения применяется сожжение. За умышленное убийство допускается кровная месть. Устрашение людей через угрозу смертной казни мыслилось библейским законодательством в Пятикнижии самым эффективным средством сдерживания преступных проявлений. Современные ученые-правоведы отмечают родство Ветхого Закона и уголовного законодательства, а Книгу Исхода называют главным источником уголовно-правовых норм христианства. При этом они исходят из того, что данное законодательство восстанавливает в человеке Богом данный природный закон. Иудейская и основанная на ней христианская уголовно-правовые доктрины исходят из убеждения, что Бог — главный автор всей описываемой в Пятикнижии древней системы уголовных наказаний — в том чис-

ле смертной казни, — получившей обобщенное название Моисеева законодательства по имени проводника этих запретов, санкций в народную среду.

2. Итак, в основе письменных источников норм иудейского уголовного законодательства — Тора (Пятикнижие), Талмуд, Шулхан — Арух — Ветхий Завет — лежат именно эти Десять заповедей.

Евреи (приверженцы традиции) верят в то, что Пятикнижие, «пять книг Моисея» были дарованы Моисею в Божественном откровении и записаны им как единый текст. «И кто (тот) великий народ, у которого законы и приговоры праведны так, как все это учение, которое я даю вам нынче?» — говорит Моисей (Втор. 4:8). Почему же тогда Закон, данный Богом, приписывается Моисею и называется Законом Моисея?

Нидерландский философ Баруха Спиноза в свое время высказывал сомнения относительно Божественного происхождения Библии, доказывая ее человеческое происхождение. Спиноза отрицал саму возможность Божественного откровения и утверждал, что Бог — это лишь совокупность природных явлений. Он подходил к Писанию с совершенно объективной точки зрения и требовал рассматривать Библию не как Божественное откровение, а как самый обычный текст¹.

Обратимся к самой Библии. На горе Синай Моисей получил от Бога текст Завета и законы, которые он должен был объявить своему народу. Об этом прямо говорится в Библии (Исх. 20, 1-17; 21, 1-36; 2,1 -31; 23, 1-33). Это был договор между Богом и еврейским народом. Следует заметить, что автором письменного текста документа в виде Книги Завета был Бог, что тоже подтверждается Ветхим Заветом: «И сказали они: все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны» (Исх. 24,7). Моисей же всего-навсего получил от Бога «скижали каменные», «закон и заповеди», которые Господь «написал для научения их» (Исх. 24,12). Далее в Библии говорится: «Скрижали были дело Божие, и письмена, начертанные на скрижалях, были письмена Божии» (Исх. 32,16).

Сам же Моисей всегда говорил о *Божьем Законе*. Например, он выполнял от имени Бога также функцию Верховного судьи, которая

¹ Спиноза Б. Краткий трактат о Боге, человеке и его блаженстве. 1861.

определялась пророческим статусом Моисея, — суд, как и закон, считался Божественным: «...народ приходит ко мне просить суда у Бога; когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим и объявляю им уставы Божии и законы Его» (Исх. 18:15-16). На первый взгляд может показаться, что данное уточнение не имеет принципиального значения. Однако, называя Божии Законы Законом Моисея, мы тем самым ставим под сомнение их Божественное происхождение. Поэтому является также ошибочным называть учение Христа Новым Законом Христа, ибо Он не только не является автором Евангелия, но и не может претендовать на соавторство. И Моисей, и Христос, так же как и Пророк Мухаммад, исполняли волю Всевышнего, доводя Его слова до людей. Мусульмане, кстати, всегда считали и сейчас считают, что Коран — это Закон Аллаха, и никто никогда не слышал, чтобы называли эту Священную книгу Законом Мухаммада.

Моисея можно назвать великолепным законодателем и государственным деятелем своего народа, который смог объединить еврейские племена. Недаром его статуя стоит на здании Верховного суда США. Но вряд ли его можно назвать автором Еврейской Библии, ибо непонятно, как Моисею удалось описать события, которые произошли после его смерти.

В начале XIX в. некоторые скептики не были уверены в том, что Моисей мог написать первые пять книг Библии. И эти сомнения имеют под собой серьезные основания. В многочисленных работах утверждается, что процесс оформления Ветхого Завета длился чуть ли не тысячу лет. В целом все же Пятикнижие формировалось между VIII и IX вв. до н. э. Эти сомнения подкрепляются также наличием большого количества противоречий в Писании.

В XIX в. немецкие исследователи Библии разработали критический метод, позволяющий выделить четыре источника первых пяти библейских книг — Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие. Было установлено, что в V в. до н. э. эти тексты приобрели окончательный вид, образовав так называемое Пятикнижие, однако порой противоречат сами себе и содержат пары довольно несхожих рассказов о таких важнейших событиях, как, например, Сотворение мира или Всемирный потоп. Библеист Чарльз Вейт, написавший книгу «История христианской религии за двести лет» (1992), отмечает,

что из 150 000 разногласий, которые Гризбах (Crielbach) обнаружил в рукописях Нового Завета, около 149 000 — дополнения и вставки.

Но откуда эти противоречия? Надо иметь в виду, что существование множества библий не случайно, что их переводы, которые делались с различных языков (иврита, арамейского, греческого, латыни) нередко серьезно отличались и отличаются друг от друга.

Религия, ссылаясь на Библию, утверждает, что от Адама до Моисея слово Божие не записывалось, но передавалось из уст в уста, из поколения в поколение. До Законов Моисея существовали, конечно, нормы поведения, как и у всех других народов, по которым жил еврейский народ. Но они были основаны на обычаях и традициях. Если считать, что Библия — Священное Послание Всевышнего, значит, Бог и есть законодатель, остававшийся долгие века до появления государств. В.Г. Беспалько считает, что «для каждого верующего и ныне авторитет Бога как Законоположника и Его воли, выраженной через слово в законе, несомненны и беспрекословны»¹. И далее: «Это единственный, бесспорно, высоконравственный и в высшей степени справедливый закон»².

Что значит для современной системы наказания Ветхий Завет или Закон, который также называется Моисеевым? Существует идея о том, что Законодательство Моисея обладает рядом показателей, свойственных уголовному праву. Это касается в первую очередь института преступления и наказания. Протоиерей Александр Сорокин отмечает: «Все, что было в юриспруденции государств, по крайней мере христианской ориентации, изначально исходило из Законов Моисея»³.

В.Г. Беспалько вообще утверждает, что «и ранняя, и современная христианская традиция рассматривает данную Богом заповедь Адаму и Еве не как частный уголовно-правовой запрет, установленный для определенных условий времени, места и субъектов, но и как прообраз всякого закона вообще — и уголовного, и нравственного, как универсальную формулу, вместившую в себя все богатс-

¹ Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни. С. 16.

² Там же.

³ Протоиерей Александр Сорокин. Введение в Священное Писание Ветхого Завета: Курс лекций. СПб., 2009. С. 72.

тво всех последующих заповедей и законов, исходящих от Бога или отвечающих качеством справедливости Божией»¹.

Авторы монографии «Христианское учение о преступлении и наказании» считают, что «христианство вобрало в себе один из древнейших юридических кодексов — Ветхий Завет, нормы которого, преодолев века, вошли в законы практически всех государств». Поэтому «христианство может быть рассмотрено как мегаправо, поскольку является прародителем многих современных правовых систем»².

Но что именно вобрала в себя современная система понятий преступления и наказания из Ветхого Завета? «Заповеди и Законы Моисея носят общечеловеческий глобальный характер; они так или иначе присутствуют в законодательстве всех цивилизованных государств»³. Если авторы книги «Христианское учение о преступлении и наказании» считают, что Законы Моисея изложены в четырех из пяти книг (Исход, Левит, Числа, Второзаконие), то В.Г. Беспалько попытался доказать, что возникновение и развитие уголовного права относится к Книге Бытия⁴. Кстати, по Тертуллиану, в том общем и первоначальном Законе Божиим (речь идет о законе, данном Адаму) содержались заповеди последующего закона, которые были объявлены впоследствии через Моисея.

Ученый-правовед В.В. Сорокин писал: «Первый закон от Бога был просто правовым (правильным, истинным, абсолютным), а последующие обрели еще и нравственное качество. Можно сказать, что Первозакон был развит и трансформирован в развернутую систему Заповедей и совесть»⁵. Православное богословие исходит из того, что уголовный и все ныне политические и социальные законы суть лишь «парафразы нравственного закона Бога, его отrostки, созданные ради удобства практического применения во всех случаях жизни человека в обществе»⁶.

¹ Беспалько В.Г. Ветхозаветные корни. С. 30.

² Христианское учение о преступлении и наказании. С. 16.

³ Там же. С. 55.

⁴ Беспалько В.Г. Указ. соч. С. 13.

⁵ Сорокин В.В. Понятие совести в правовом измерении. История гос-ва и права. М., 2009. № 21. С. 6.

⁶ Святитель Николай Сербский (Велимирович). Слово о Законе (Помология). М., 2005. С. 15.

Современные христианские богословы также отмечают, что «естественный нравственный закон» дан Богом и является общим достоянием всех людей. Архимандрит Платон (Игумнов) пишет: «Все люди ответственны за нарушение требований нравственного закона и знают, что неповиновение закону влечет за собой будущее возмездие»¹.

Русская Православная церковь считает, что понятие греха, установленное православными нравственными нормами, гораздо шире, чем представление светского уголовного права о преступлениях².

Ю.А. Зюбанов выдвигает идею о необходимости признания религиозных норм социальным источником уголовного законодательства³. Ю.В. Тихонравов оценивает христианство как «метатеорию российского права», отмечая, что «христианская религия, являясь нравственно-нормативной системой, оказывает влияние на формирование и реализацию светских правовых норм, что происходит своеобразная имплементация ее в право, в результате чего мы пользуемся правом, по сути, прибегая к помощи христианства»⁴.

В сущности, из 613 мицвот большинство касается ритуальной, а не этической (нравственной) стороны жизни. Так, в Левите, в первую очередь, говорится о ритуальных, а не этических законах. Вплоть до мельчайших подробностей повествуется о законах, касающихся жертвоприношений, телесных выделений, обрезания, искупления, идолопоклонства, татуировок, проституции, шаббата, питания, мужского гомосексуализма. Кстати, лесбиянство нигде в Библии не упоминается.

§ 2. Сущность наказания, по Ветхому Завету

Существует мнение о том, что современная система понятий преступления и наказания вобрала в себя Закон Божий — Ветхий

¹ Архимандрит Платон (Игумнов). Православное нравственное богословие. М., 1994. С. 34.

² См.: П. XI. I. Основ социальной концепции Русской Православной Церкви.

³ Зюбанов Ю.А. Христианские основы Уголовного Кодекса Российской Федерации: Сравнительный анализ норм УК РФ и Священного Писания. М., 2007. С. 5.

⁴ Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение. Фундаментальный курс. М., 1998. С. 61–62.

Завет, нормы которого, преодолев века, вошли в законы почти всех государств. Всевышний ни в одном из своих Священных Посланий, в том числе и в Ветхом Завете, не определяет понятия преступления и наказания. Однако глубокое осмысление постановлений Господа Бога в этих книгах позволяет уяснить то, что Он вкладывает в их содержание и как велит нам понимать сущность данных явлений. Религия иудаизма, как и все другие, исходит из того, что преступление есть в то же время грех. Иными словами, понятие греховности в религии отождествляется с понятием преступления. Теологи утверждают, что, поскольку религиозные нормы — нормы от Бога, постольку они не подлежат ни критике, ни изменению.

Какие же деяния, по Ветхому Завету, считаются греховными (преступными)? «Проклят тот, кто не выполнит слов учения этого и не исполнит их! И скажет весь народ: амен!» (Дварим. 27/26/). Из этого установления Всевышнего вытекает, что любое поведение человека вопреки указанной заповеди можно считать греховным (преступным). «Идущий путем безупречным, идет уверенно, а ступающий кривыми путями, пострадает» (Мишлей. 10/9/). Преступлением в данном случае понимается такое поведение человека, которое не соответствует правильному пути, установленному Всевышним. Одним словом, Ветхий Завет считает преступлением любое деяние, которое нарушает установления, адресованные людям в Писании. В первую очередь речь идет о деяниях против Бога и религии. Но в чем заключается характер зла, которое имеет тенденции производить преступление против религии? Религия иудаизма исходит из того, что наказание, по сути своей, есть возмездие, и обосновывает это следующим образом: справедливость требует воздаяния злом за зло. Это начало прямо выражено во всем Послании, начертано Творцом в разуме и совести человека и базируется на постулатах Ветхого Завета: наказание — воздаяние за зло; устрашение по правилам талиона — «око за око, зуб за зуб» (Втор. 19:21); «Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд» (Иов. 19:20); «Я накажу мир за зло, и нечестивых — за беззаконие их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей... По мере возмездия, по этой мере Он воздаст противникам Своим — мстью» (Исх. 13:11; 59:18).

Классическая форма талиона содержится в Ветхом Завете: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку

за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушии за ушии» (Исх. 21:23-25).

В этих Божественных указаниях талион проникнут духом устрашения, то есть Бог именно посредством талиона желает предотвратить агрессивность людей и покончить с насилием, что может привести в перспективе к истреблению целых родов. Кстати, принцип талиона был также предусмотрен в римских Законах XII таблиц (451–450 гг. до н. э.), где говорится: «Если причинить членовредительства и не помириться с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое». В свое время Аллах данный принцип римлян установит в виде заповеди и в Коране. Как указывает В.А. Никонов, «в этом и состоит объективный и сущностный характер наказания: снятие неправа и восстановление права»¹.

Весьма интересно, что концепция наказания Г.В.Ф. Гегеля воспроизводит указанное положение практически полностью: «Снятие преступления есть возмездие постольку, поскольку это возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения и поскольку преступление по своему наличному бытию имеет определенный качественный и количественный объем, и тем самым его отрицание как наличное бытие имеет такой же объем»².

На самом деле, толкование приведенных выше источников дает основание предположить, что Бог посредством принципа талиона стремится ограничить кровную месть, ибо вполне понимает опасность кровопролития. Поэтому талион, в общем-то, приближен к институту наказания. Смысл талиона, по Господу, заключается в том, чтобы дать людям почувствовать, испытать на себе, что такое зло, насильственный акт, на который они идут.

Таким образом, основываясь на текстах, содержащихся в Ветхом Завете, религия иудаизма рассматривает *возмездие* как законное и самое целесообразное воздействие на созданного Богом человека. В то же время из содержания этого Божественного Писания усматривается, что Всевышний считает возмездие действительным и справедливым злом, страданием за причиненное преступное зло. Справедливость, по Богу, есть нравственно-религиозное начало сущности наказания — возмездия.

¹ Никонов В.А. Уголовное наказание. Поиск истины. С. 23.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 148–149.

Критики Ветхого Закона, придерживающиеся атеистических убеждений, не без оснований, видят в сущности этого Закона жестокость и несправедливость.

В Десяти заповедях говорится: «Я Господь, Бог твой, Бог-ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого (рода), ненавидящих Меня...». «И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов и гадов, и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их» (Быт. 6:7). Из текста Еврейской Библии видно, что Яхве был склонен к жестокому и беспощадному наказанию неверных во все времена и ориентирован на возмездие в момент рождения монотеизма. Вообще эволюция Божьего наказания является в некотором смысле естественным неотъемлемым компонентом истории человечества, людей, их нравственного развития. Бог Яхве чистосердечно заявляет во Второисае, что пока он готовится вершить над народами суд, «острова будут уповать на Меня и надеяться на мышцу Мою» (Исх. 51:4-5). Однако первым пунктом плана по приведению мира в порядок оставалось наказание для тех, кто угрожал этому порядку, то есть для всех врагов Израиля, которые на тот момент составляли бо́льшую часть мира. Яхве объясняет израильтянам: «Притеснителей твоих накормлю собственной плотию, и они будут упоены кровью своею, как молодым вином; и всякая плоть узнает, что Я — Господь, Спаситель твой и Искупитель Твой, Сильный Иаковлев» (Исх. 49:22-23, 49:26).

Только потому, что фараон отказался выполнять требования Бога, Он ниспослал на *весь* народ Египта многочисленные бедствия (казни), не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков, ни птиц, ни животных, и беспощадно покарал его. «В полночь Господь порази́л всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И встал фараон ночью сам и все рабы его и весь Египет; и сделался великий вопль (во всей земле) Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца» (Исх. 12:29). Было применено десять египетских казней: 1) превращение вод Нила в кровь; 2) нашествие жаб; 3) нашествие мошки; 4) нашествие песьих мух; 5) поголовный мор скота; 6) болезни людей и животных, нарывы и воспаления; 7) огненный дождь и град; 8) нашествие саранчи; 9) тьма египетская; 10) смерти всех первен-

цев в египетских семьях и у всего скота египтян. Во время десятой казни ангел смерти убил всех египетских первенцев и «миновал» дома евреев, которые были отмечены кровью жертвенного животного. По случаю этого чуда получил свое название еврейский праздник Песах, что значит «миновал». Однако ни в одном из египетских источников нет ни малейших упоминаний ни о казнях египетских, ни о каких-либо событиях, которые можно было бы отождествить с ними. Бог Яхве в Еврейской Библии наставляет израильтян на захватническую политику: «И истребишь ты все народы, которые Яхве, Бог твой, дает тебе: да не сжалится глаз твой над ними» (Втор. 7:16. — См. также: Втор. 20:16-17; Чис. 31:17-18; Втор. 13:12-16; Чис. 25:5; Втор. 17:2-5).

Уильям Фоксуэлл Ольбрайт в своей книге «От каменного века до христианства», опубликованной в 1940 г., писал, что израильтяне пришли в Ханаан из Египта и, не теряя времени, продолжали разрушать и захватывать хананейские города по всей стране», быстро заменяя местное язычество принципиально иным яхвизмом. «Совершу над ними (имеются в виду филистимляне и критяне. — *И.Р.*) великое мщение наказаниями яростными; и узнают, что Я — Господь, когда совершу над ними Мои мщения» (Иез. 25:11, 25:8, 25-17). «Узнают, что Я — Господь, когда произведу суд над ними и явлю в нем святость Мою; и пошлю на него моровую язву и кровопролитие на улицы его, и падут среди него убитые мечом, пожирающим его отовсюду; и узнают, что Я — Господь» (Иез. 28:22-23). Здесь речь идет о территории Иезавели, а точнее Сидона. Обращает на себя внимание слово «святость». Представляется, что Бог Яхве под этим понятием имеет в виду свою сверхъестественную, высшую силу, внушающую страх и трепет, величие, пред которым благоговейют. Для чего было необходимо Яхве истреблять другие народы во благо израильтянам? Может быть, из нетерпимости к чужеземным религиям как таковым? Скорее всего, уничтожение целых чужеземных городов оправдывалось не тем, что их боги были плохи сами по себе, а тем, что поклонение этим богам могло заразить израильскую религию яхвизма. Из сути главы 20 Второзакония вытекает, что Бог требует уничтожить людей именно за чужую веру.

Читаем текст 20 Второзакония: «А в городах сих народов, которых Господь, Бог твой, дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хетмеев и Аморреев, и Ха-

нанеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев и Гергесеев, как повелел тебе Господь, Бог твой, дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом, Богом вашим».

Однако Филон Александрийский¹ считает, что Еврейская Библия — учение о религиозной терпимости. У Филона, как видно, свой подход к уяснению сути главы 20 Второзакония. На самом деле, из содержания Еврейской Библии можно увидеть, что Бог назначал и приводил в исполнение любому городу, сопротивляющемуся израильскому завоеванию, только одно наказание — смерть.

Во время Крестовых походов христиане, расположенные к истреблению неверных, были прекрасно осведомлены о том, что в некоторых текстах Библии Богом разрешены массовые убийства на основании религиозной принадлежности. В главе 20 Второзакония Господь Бог в довольно ясной форме дает израильтянам инструкцию ведения войны: когда и что следует предпринимать до сражения, в процессе и в результате его окончания и т. д.

Филон Александрийский, рассуждая об идеях справедливости в Еврейской Библии, также обращается к законам войны, изложенным в главе 20 Второзакония. Казалось бы, невозможно увязать данный текст, подразумевающий массовые убийства женщин и детей, с образом справедливости Бога, который стремится изобразить Филон. Когда читаешь эти стихи, невозможно не согласиться с Р. Райтом: «Если в Священных Писаниях монотеистических религий приемлемым считается убийство неверных и если эти Писания будут признаны в последней инстанции, какая только есть в мире ядерного и биологического оружия, мы увидим бойню, по сравнению с которой крестовые походы покажутся образцом кротости»².

Следует отметить, что Яхве за отклонение от любви к Нему не щадил и «избранный народ»: «И послал Господь язву на израильтян от утра до назначенного времени; и умерло из народа, от Дана до Вирсавии, семьдесят тысяч человек» (I. Цар. 24:15). Когда Моисей увидел картину разнузданных плясок вокруг золотого тельца, он был настолько разгневан, что швырнул в сторону скрижали, на которых Божьей рукой были выведены законы, и приказал предста-

¹ Филон Александрийский — религиозный иудей и ревностный монотеист, родился ближе к концу I в. до н. э.

² Райт Р. Эволюция Бога. М., 2017. С. 202.

вителям своего колена мечом привести народ к покорности, что и было сделано. За день было истреблено около трех тысяч человек. На следующее утро пророк объявил израильтянам, что они «согрешили великим грехом» (Исх. 32:30). В главе 31 Книги Чисел Господь приказывает Моисею отомстить миднанитянам, после чего послушный Моисей обрушился на своих военачальников, сказав им: «Для чего вы оставили в живых всех женщин?.. Итак, убейте всех детей мужского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте; а всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя» (Чис. 31:17-18).

В другом месте Бог Яхве устами своего пророка Исаи говорит о наказании, которому подверг несколько народов: «Я пошел на них в своем гневе и покорил их моей яростью» (Исх. 24; Иер. 32:30-37; Иез. 5:11; 24). Как усматривается из Библии, Бог, как правило, жестоко уничтожал тех, кто Его не признавал и ненавидел: «Эти народы привели меня в гнев своими пороками и злодеяниями, но я также сделаю их предметом моего гнева и кар: ибо огонь, зажженный моим гневом, будет жечь глубоко до самых низин, он пожрет всю землю и сожжет основание гор; я пошлю на них все бедствия, все мои стрелы, они будут истощены голодом, истреблены горячкою и лютою заразою... Я пошлю свои кровавые стрелы и мой меч...»; «Я наведу мщение на тех, которые меня ненавидят» (Втор. 32:21-25).

В эпизоде с золотым тельцом в Библии говорится, что убивали руками священников. При этом убивали не врагов — филистимлян или хананеян, а своих же: брата, друга, ближнего. По поводу данного эпизода Арин замечает: «Но этот же эпизод со всей наглядностью демонстрирует специфическое понимание любви Бога даже к своему избранному народу».¹ Примерам жестокости и беспощадности пророков, Самого Бога Яхве нет конца. Так, наказ Бога к еврейскому народу звучит так: «Не ешьте никакой мертвечины: иноземцу, который случится в жилищах твоих, отдай ее, он пусть ест ее, или продай ему, ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего» (Втор. 14:21). Мог ли Бог дать такой совет евреям? Томас Пейн (1737–1809) — выдающаяся личность в истории Европы и США — в своем трактате «Век разума» (1794–1796) пишет, что все, кто знаком с Ветхим За-

¹ Арин О.А.. Наука о Боге: В 3 т. Т. I. М., 2019. С. 99.

ветом, должны знать, сколько народов, женщин и детей было уничтожено по велению Бога, сколько городов было разрушено, сколько преступлений было совершено во имя одного народа по велению возлюбившего его Бога.

Но можно ли верить Библии, рисующей Бога таким кровожадным? Ответ богословов в данном случае предельно прост: Бог всесовершенен, поэтому суд Божий не может быть предвзят и несправедлив, ибо Господь свят и всеправеден; не может быть жесток, так как Он милостив. По мнению У. Брюггемона, события в Содоме не подрывают всеправедности Господней и идеи Божественной справедливости. Напротив, отсутствие оценки данного события в тексте Библии «указывает на то, что Судия действовал справедливо, поскольку мы не слышали здесь возражения ни со стороны повествователя, ни со стороны Авраама»¹. Что касается жесткого наказания за гомосексуализм, развращающий нацию, то современный исламский ученый Надия аль-Авади, проанализировавший статистические данные о связи гомосексуализма с болезнями крови, пишет: «Глядя на эти цифры, начинаешь задумываться о том, что уничтожение Аллахом Sodoma было проявлением Его Милосердия ко всему человечеству, потому что не известно, какие страшные болезни могли распространиться из этого города по всей земле. Поскольку в те времена медицина была на очень низком уровне, эти болезни могли уничтожить все население планеты»².

Филон Александрийский, отводя книге Бытия роль удивительной преамбулы к Моисееву законодательству³, пожалуй, впервые в богословской и юридической мысли прямо заявил об однозначной производности и прямой зависимости суровых наказаний от свойств Бога: «У Бога среди прочих высших Его сил есть одна, по ценности не уступающая прочим, — законодательная, ибо Он Сам — Законодатель и Источник Законов, а все частные законодатели суть последователи Его. Природа этой силы двояка: одной своей стороной, благодательной, она обращена к тем, кто стремится жить

¹ Брюггемон У. Великие молитвы Ветхого Завета. М., 2009. С. 45–50.

² Надия аль-Авади. Гомосексуализм // Любовь и секс в Исламе: Сб. статей. М, 2004. С. 60.

³ Филон Александрийский. О сотворении мира согласно Моисею. Ст. (31) Сочинения Филона Александрийского. Толкование Ветхого Завета. URI [http // www.bihicciastudies.ru isilon.html](http://www.bihicciastudies.ru/isilon.html).

правильно, другой, карательной, — к тем, кто грешит»¹. Филон Александрийский этой мыслью подтверждает, что Закон, который называется Моисеевым, на самом деле является Законом Божиим. Поэтому и характер наказаний в нем определяется не Моисеем, а Всевышним. Вот почему М. Твен, говоря о жестоком характере наказания, присущем Божественным Писаниям, с критикой обращается не к Моисею, а к Богу: «Все его деяния, изображаемые в Ветхом Завете, говорят о его злопамятности, несправедливости, безжалостности, мстительности. Он только и делает, что карает, — карает за ничтожные проступки с тысячекратной строгостью; карает невинных младенцев за проступки их родителей; карает ни в чем не провинившихся обитателей страны за проступки их правителей; и снисходит даже до того, что обрушивает кровавую месть на смиренных телят, ягнят, овец и волов, дабы покарать пустяковые грешки и их владельцев»².

Авторы коллективной монографии «Христианское учение о преступлении и наказании», которые также не оставили в стороне вопрос о чрезвычайно суровом характере наказания, присущем Ветхому Завету, дают этому следующее объяснение: «Ответственность за нарушение положений Закона своей жестокостью может произвести удручающее положение на современника. Но надо учитывать, что общественное сознание древнего народа вполне было адаптировано к установленной строгости, да и чрезвычайные условия, связанные с освоением “земли обетованной”, требовали соответствующей дисциплины и строгости. В полной мере указанные в законодательстве санкции в нынешних условиях, конечно, не применимы, и их строгостью не решить коренных проблем преступности, но, учитывая, что мы по своей натуре в значительной части остались ветхозаветными, отношение ко многим деяниям, не признаваемым преступными, должно быть пересмотрено»³.

Обоснование, данное А.П. Лопухиным этому явлению, на наш взгляд, более убедительное: «Нужно было приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и потому всякие нарушители его карались беспощадно. Если так наказывались отдель-

¹ Филон Александрийский. О рождении Авеля и о том, как принес жертву Богу он и брат его Каин (Там же).

² Твен М. Размышления о религии. М., 1964. С. 3–4.

³ Христианское учение о преступлении и наказании. С. 95.

ные неисполнители закона, то, конечно, еще с большей строгостью должны были караться те, которые сознательно и преступно восставали и возмущали народ против постановлений закона»¹. В продолжение данной мысли далее автор отмечает: «Имея дело с народом жестоковыйным и своевольным, законодатель не щадит жезла в приучении этого народа к точному исполнению данных законов, и многие преступления, особенно против религии и нравственной чистоты, наказываются смертной казнью»².

Следует также иметь в виду, что еврейский народ предстает необузданным, «народом с твердым затылком» (Втор. 9:13). Богу, естественно, необходимо было упорядочить отношения с этим народом. И Он решил сдерживать страсти любимого Им народа Своим гневом и жестокостью. Моисей с достоинством справился с данной задачей Всевышнего.

Действительно, по своей жестокости ответственность за нарушение положений Закона может произвести удручающее впечатление на современника. Смертная казнь была установлена за такие деяния, как идолопоклонство и богохульство, продажа свободного в рабство, изнасилование и прелюбодеяние, и вообще за преступления против нравов. Нужно было приучить народ к точному исполнению законов, и потому всякие отступления карались беспощадно. Нельзя забывать, что жестокость вообще-то есть явление, не подлежащее раз и навсегда данному четкому определению, ибо представление о ее содержании всецело зависит от исторического периода развития человеческого общества, от существующего в обществе уровня нравственности отдельных народов. «Моисей тотчас пал на землю и поклонился (Богу) и сказал: если я приобрел благоволение в очах Твоих, Владыка, то да пойдет Владыка посреди нас; ибо народ сей жестоковен; прости беззакония наши и грехи наши и сделай нас наследием Твоим» (Исх. 34, 6-9). Справедлив был Ч. Беккариа, когда утверждал: «Суровость наказания должна соответствовать состоянию самой нации. На грубые души народа, едва вышедшего из состояния дикости, необходимо действовать более сильными и более чувствительными впечатлениями...»³.

¹ Лопухин А.П. Библейская история Ветхого Завета. С. 234.

² Там же. С. 281.

³ Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. М., 2004. С. 156.

Условия жизни и стремление к выживанию и сохранению народов требовали именно такого наказания, которое установлено Богом и принято еврейским народом. Понятие преступления и наказания, по Ветхому Закону, отражало потребности и представления о нравственности и справедливости евреев. Мотивом правопослушного поведения является страх наказания. «Страх наказания — мотив намного сильнее, чем жажда награды» (Сефер Ха Сидил); «Бог не наказывает без предупреждения» (Йосе б. Голафта — Толмуд Санхедрин, 566).

Изучая Священные Писания, каждый раз задаемся вопросом: неужели Всевышний в Священных Писаниях считает приемлемым, разрешаемым, дозволенным убийство неверных как на индивидуальном уровне, так и на уровне межнациональном, народном?

Некоторые, склонные к детерминизму Божьих Писаний, дают на этот вопрос положительный ответ, особенно после событий 11 сентября 2001 г., ибо стали искать в Коране отрывки, пропагандирующие насилие над неверными, но не сочли нужным прежде взглянуть в Библию и ознакомиться с содержанием главы 20 Второзакония. Нам знаком принцип, изложенный в Библии: око за око и зуб за зуб, в котором наказание пропорционально изначальному преступлению. Этот принцип действует на индивидуальном уровне независимо от религиозной принадлежности. В данном случае проявляется мстительное свойство человека, наверняка заложенное в генах нашего вида. Другое дело, когда одни народы уничтожают или наказывают другие народы по принципу: верные и неверные, мы сталкиваемся с понятием «теология возмездия», или «карательная теология»¹, когда месть осуществляется за непризнание или оскорбление твоего Бога и Его пророка, твоей религии, твоей мечети, церкви, синагоги, одним словом, твоего храма Бога.

Возможно ли вообще, чтобы Господь Бог всех трех монотеистических религий, которые признают только одного, единственного Его, используя силу одной из этих религий, уничтожал (наказывал) представителей другой монотеистической религии? Если бы Всевышнему необходимо было уничтожить (наказать) другие народы по принципу: верные Ему и неверные, то тогда Ему следовало бы объединенными усилиями всех трех верных Ему монотеистических религий наказать те народы, которые Его не признают: индуистов,

¹ *Райт Р.* Указ. раб. С. 201–202.

буддистов и вообще всех многобожников, которые все еще существуют на нашей земле. Но если Он так не делает, значит, богов других народов уже не существует, хотя и эти народы Ему не поклоняются.

Следовательно, Всевышний не давал и не дает указаний какому-либо народу наказывать тех, кто не принял монотеизм. Это и есть терпимость Господа Бога в отношении иноверных. Итак, будет правильным говорить о том, что все кровопролития, убийства, которые существовали и имеют место в настоящем, между монотеистическими религиями, есть не что иное, как борьба за верность Господу Богу. Каждая религия хочет доказать, что Бог, которому они верят, — это Бог его народа и что именно они более достойны этого Бога, и что именно их пророк является самым почетным и уважаемым у Всевышнего.

В заключение хотелось бы отметить следующее: история еврейского народа свидетельствует о том, что во все времена странствования израильтян действовали необыкновенно строгие законы, немилосердно карающие смертной казнью каждого нарушителя религиозных или общественных установлений, так как нужно было приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и потому всякие нарушители приговаривались к смертной казни беспощадно. Такие преступления, как ворожба, колдовство, преступное бездействие в виде неисполнения требования об обрезании, безнравственные деяния и т. д., сурово наказывались смертью как преступное пренебрежение милостью Божьей. Так, преступно безнравственными и караемыми смертью признаются в Ветхом Завете действия Онана, который женился на жене своего покойного брата. Интересно отметить, что Книга Чисел приводит точные данные о количестве подвергнутых смертной казни за поклонение чужому Богу: «Умерших же от поражения было двадцать четыре тысячи» (Чис. 25:9). Как известно из Книги Исхода, когда-то при горе Синай левитами по приказу Моисея были казнены около трех тысяч израильтян, предавших Господа и поклонившихся идолу — золотому тельцу. Нужно особо обратить внимание на то положительное обстоятельство, что в израильском законе человек всегда ценился несравненно выше какого бы то ни было имущества, ибо из всех Божьих творений только он один был создан по образу Творца. Поэтому убийства наказываются по общему правилу смертной казнью:

«Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (Исх. 21:12).

В то же время наказание, по Ветхому Завету, — это вразумление, которое несет в себе доброту, сострадание и излечение, создает условия, предупреждающие совершение нового преступления.

Итак, Пятикнижие — это первые систематизированные и писанные законы, данные Богом, а не Моисеем еврейскому народу. Следовательно, можно с полным основанием считать, что наказание как институт появился именно в этом Божием Послании, которое считается первым словом Господа Бога. Наказание — неотъемлемый и важнейший компонент Божьего Закона, он Им освящен, принят еврейским народом как должное. Если бы этот Закон был бы не от Бога, а от Моисея, то вряд ли евреи могли бы существовать в течение 4000 лет, руководствуясь человеческим законом.

Провозглашенная Богом религиозность, основанная на Ветхом Завете, покоится на единобожии, законодательство — на принципе равного возмездия. Бог, народ, справедливость — так кратко можно было бы обозначить суть иудейской религии.

В ответ на просьбу коротко определить суть иудаизма, обобщить Тору в единственной фразе Гиллель ответил: «Не делай другим того, чего не хотел бы от них для себя. В этом вся Тора, остальное — комментарии»¹.

Вообще, уголовное законодательство по Ветхому Завету представляет особенное явление, поскольку на протяжении существования еврейского народа оно не только не исчезло, как у многих народов, а, наоборот, совершенствовалось и дополнялось устными преданиями и юриспруденцией. Даже римское завоевание, разрушение Иерусалимского храма, уничтожение огромного числа евреев и рассеяние остальных не смогли подавить дальнейшее развитие еврейского уголовного права. Казалось, что еврейский уголовный закон исчезнет совсем, как исчез Карфаген. Однако именно этот закон, по мнению христиан, стал подготовкой для Закона Христа, который не отвергает Пятикнижие, но усовершенствует его, обновляя одновременно и природный закон. Господь Бог в Пятикнижии заложил не только религиозные, но и в определенной системе нравственные основы законодательства. Без сомнения, можно

¹ Вавилонский Талмут. Шаббат 31 а.

утверждать, что религиозные начала понятия института наказания по принципу «око за око, зуб за зуб», предусмотренного в Ветхом Завете, являются первыми по времени. Моисей понимал, что главное — государственное устройство, создание политического пространства для становления и развития еврейского народа. А для этого следует делать ставку не на свободу духа, не на совесть человека, а на принудительную силу, жесткие и суровые меры наказания, принцип равного возмездия, деяния и конкретный вид наказания за данное преступление. Именно поэтому, на наш взгляд, нравственные основы наказания в Пятикнижии выглядят довольно слабо. Складывается твердое убеждение после знакомства с Ветхим Законом, что он совершенно далек от понятий нравственности и добра. Поэтому, на наш взгляд, не стоит слишком преувеличивать роль Моисея в качестве духовного отца евреев. Его можно, безусловно, назвать великолепным законодателем и государственным деятелем своего народа, сумевшим объединить еврейские племена. Но в то же время нельзя не упомянуть отношение данного Закона к другим народам, ибо враждебность в этом Законе является беспредельной. Да, Моисей считается с реальностью, с тем, что вражда между отдельными племенами и народами в те времена было делом обычным, и это, конечно, не изобретение Моисея. Но ведь «Моисей не только локализует беспощадную жестокость, считая, что она оправдана только по отношению к семи непосредственным конкурентам Израиля в его праве на Палестину. Он одновременно подводит под эту жестокость другую (неэтническую) аргументацию, оправдывая ее тем, что речь идет о народе, практикующем человеческие жертвоприношения и другие варварские обычаи»¹.

¹ Гусейнов А.А. Великие моралисты. С. 109–110.

Глава III

ХРИСТИАНСТВО (УЧЕНИЕ ИИСУСА ХРИСТА): «...НЕ ПРОТИВЬСЯ ЗЛОМУ...». ЗАКОН БЛАГОДАТИ И ЛЮБВИ

§ 1. «А я говорю вам: не противься злому...»

1. Перед каждым интересующимся религией рано или поздно встают вопросы относительно христианского вероучения, о причинах и обоснованности разногласий между Ветхим Законом и учением Иисуса Христа, об исторической реальности личности Христа. Следует ли рассматривать христианство не только как религиозную, но и как нормативную правовую систему? Если христианство «само есть система норм и правил, является регулятором поведения, фактически действуя через тот же механизм, что и право», то тогда возникает вопрос относительно автора этих установлений — Господь Бог или Иисус Христос? Вообще, можно ли считать Его учение законом?

В Новом Завете нет сколько-нибудь подробных сведений о детстве Мессии Иисуса. Отдельные эпизоды есть только в Евангелии от Луки.

Первые письменные упоминания о том, что Иисуса распяли, появились лишь через два десятилетия после его смерти. Следовательно, ранее об этом человеке сведений не было. Весомые доказательства существования «исторического Иисуса» скудны. Библейские книги, рассказывающие о жизни и высказываниях Иисуса, — Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна были написаны приблизительно в 65–100 гг. н. э., через 35–70 лет после его смерти.

По словам Иоанна Богослова, Христос есть Логос и, более того, Логос есть Бог (Иоанн. 1:2). Логос — инструмент, посредством которого Бог вызывал к существованию прочие свои создания.

В Евангелии от Марка «Иисус выглядит вполне» обычным человеком: семья, братья и сестры — и никаких ангелов, возвещающих его рождение и поющих над колыбелью.

Арий: Христос возвышен Господом до божественного положения. От нас Логос отличен тем, что его Господь создал Сам, а все прочие — опосредованно, через Слово. Итак: Бог воплотил в человеке Логоса, который безупречно должен исполнить Божию волю. Следовательно, Господь наградил его статусом пророка и не более. Апостол Павел говорил, что Бог вознес Иисуса к высочайшему положению, наградив его божественным званием Господа за то, что Христос был покорен Богу даже на кресте (Фил. 2:6-11).

Как известно, Павел был казнен, хотя он постоянно призывал быть покорным власти, много сделал для нее добра и вместо награды, похвалы — казнь через отсечение головы. Возникает вопрос: если Бог — это есть Иисус Христос, то получается, что его воля, его слуга, то есть император, наместник на земле отрубил голову самому любимому ученику Иисуса Христа. Христианский богослов Маркион (100–165) утверждал, что Иисус поведал людям о существовании другого Бога, о котором в древнееврейских книгах не упоминалось. Этот второй Бог (видимо, в отличие от Моисеева жестокого Бога) «кроток и ласков и весьма добр, даже чрезвычайно»¹. Иными словами, Бог Иисуса совсем не похож на свирепого, жестокого «Судию», создавшего нашу Вселенную и заведывавшего нам суровые, невыносимые законы, в том числе наказание. По Маркиону, также следует отказаться от Ветхого Завета и сосредоточиться исключительно на Новозаветных текстах, сохраняющих дух Иисуса.

Безусловно, вместе с Иисусом в мир пришло нечто совершенно иное. Для многих христиан слово «Иисус» в буквальном смысле синоним «спасителю». Бог послал своего сына, чтобы, как сказано в Новом Завете, «узрела всякая плоть спасение Божие» (Лк. 3:6). Хотя православные христиане по-прежнему не могут взять в толк: если Бог один, то как понимать Троицу? Священное Писание дает понять, что начало деяния — Отец, осуществляется оно при посредстве Сына, а действительным в мире становится благодаря имманентному (присущему) Святому Духу. Взаимозависимость этих трех ипостасей, или божественных лиц, люди могут наблюдать на

¹ См.: *Тертуллиан. Против Маркиона*, 1,6,1; Пер. Н.Н. Щеглова.

своим опыте: мы никогда бы не услышали от Отца, не будь откровения Сына, а Сына не узнали бы без посредства вездесущего Святого Духа. В Православной церкви считается, что созерцание Троицы приносит вдохновляющее религиозное переживание, в то время как для многих христиан Запада идея Троичности по-прежнему почти непонятна. Богословом, давшим определение Троицы для католической церкви, стал Блаженный Августин. Сам же Августин был убежден, что Бога следует искать в собственном разуме.

Как известно, буддизм утверждает, что просветленность является естественным человеческим предназначением. И. Христос благодаря Господу Богу стал просветленным до статуса Спасителя. Гаутама стал Буддой благодаря самому себе. Христиане почитают Иисуса Христа так же, как буддисты преклоняют голову перед изображениями просветленного Гаутамы, ибо он был первым, кто своим примером восславил и исполнил человеческое предназначение, так же как и И. Христос, которого Бог первым вознес к высочайшему положению Спасителя рода человеческого.

Когда и кем была написана книга Новый Завет, однозначных ответов нет, в связи с чем не прекращаются дебаты среди ученых, богословов, теологов, библеистов вплоть до наших дней. Лео Таксим утверждает, что Иисуса, Иуды, Матфея, Марка, Луки и Иоанна не было в принципе. Папа Бенедикт XVI (годы правления — 2005–2013 гг.) на вопрос, что означает термин «Божье Писание», ответил: это текст, который снизошел от Бога, и власть, направляющая людей. Если это так, то почему в данной книге столько противоречий и несостыковок? Евангелист Иоанн цитирует изречение Иисуса: «Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня». На самом деле, когда внимательно читаешь эти Писания (Библию и Коран) и начинаешь глубоко вникать в каждую статью, то нетрудно заметить, что почему-то все Священные Писания написаны запутанно, а в Коране — стихами, которые очень трудно уяснить. Ведь если они обращены к простым людям, то должны быть изложены предельно ясно и понятно. Арин отмечает: «Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы, читая Библию, не заметить: чуть ли не на каждом шагу нестыковки и противоречия, которые ставят под сомнение подлинность событий, описанных в Священном Писании»¹.

¹ Арин О.А. Наука о Боге: В 3 т. Т. 1. М., 2019. С. 220.

Итак, был или нет целостный подлинник Нового Завета, не установлено, точно так же, как нет доказательств существования так называемых каменных скрижалей, якобы написанных Самим Богом. Но известно, что писалась эта книга на протяжении почти 300 лет, и через 150 лет после предполагаемой смерти Иисуса. Вообще об учении И. Христа мы знаем только по свидетельствам его учеников и учеников его учеников, ибо сам И. Христос не оставил никакого письменного источника. Он не сформулировал ни одной новой идеи ни в одной области человеческого жития. Достаточно отметить, что сформулированные в Евангелии общие принципы закона любви и добродетели были установлены за 500 лет до христианства буддизмом, которые, кстати, оказали большое влияние на раннее христианство. Например, многие притчи Иисуса непосредственно восходят к буддизму, например притча о блудном сыне. Все мыслящие люди всегда задаются простыми вопросами: какую новую идею, которая не существовала бы до него, явил миру Христос; какие реформы государства или церкви он предложил; и, наконец, какое влияние оказало его учение на эволюцию идеи о наказании в истории тех народов, которые приняли христианство?

2. Обычно христиане, когда речь идет о жестоковидности Ветхого Завета, говорят о том, что Закон Моисея — одно, это, действительно, меч, а вот Новый Завет — другое дело, это мир и любовь. В то же время христианские богословы утверждают, что Новый Завет основан на пророчествах Ветхого Завета. Действительно, Иисус, излагая свое отношение к Ветхому Завету, не ставит перед собой задачу нарушить Законы Моисеевы и учение пророков, а стремится дополнить, уточнить их и сделать универсальными. Поэтому Иисус бросал вызов не Закону Моисея, но тому его пониманию, которое сложилось и продолжало эволюционировать в раввинистической среде, а также лицемерию тех, кто во всеуслышание заявлял, что живет по Закону¹. Вот слова самого И. Христа, обращенные к тем, кто сидит на «Моисеевом седалище»: «Итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают» (Мф. 23:3). Неверно думать, будто Иисус был равнодушен к обычаям и традициям своего народа или даже попираал их. Он чтил эти обычаи, конкретные предписания

¹ См.: Фишер М.П. Религии, которые меняют мир сегодня. М., 2019. С. 534.

Моисеева Закона, хотя язычников, принимавших христианство, Павел и другие апостолы, из понятных целесообразностей, учили не следовать иудейскому закону, требующему обрезания. М.П. Фишер отмечает: «Отказ от традиционного требования обрезания явился важным примером вживания христианства в местные культуры и его способности адаптироваться к различным культурным контекстам; так началось отделение христианства от иудаизма»¹.

Не вникая глубоко в религиозное содержание учения И. Христа, попробуем понять отношение Нового Завета к институту наказания, которое и расходится с Божескими заповедями, установленными в Ветхом Завете. В Нагорной проповеди, по Евангелию от Матфея (Мф. 5:21–48), Иисус Христос ведет прямую полемику с древним Законом и отменяет этот Закон, провозглашая свое учение, которое в отличие от Торы, направленной только еврейскому народу, расширило пределы духовного действия Божьего Закона, ибо Тора ко времени И. Христа не могла быть принята другими народами. И он это понимал.

Если это было понятно и Господу Богу, то Всевышний именно через И. Христа решил внести определенные изменения в Свой старый Закон. В литературе некоторые авторы утверждают, что «Иисус Христос переосмыслил старый Закон, раскрыл содержащийся в нем изначальный смысл, а именно “благодать и истину”, который предназначен новому поколению евреев, созревших для его усвоения»².

Действительно, Евангелие содержит данные, указывающие на то, что И. Христос исправлял некоторые положения Ветхого Завета. Однако Новый Завет И. Христа не исправлял основы Священного Писания — Десять заповедей Бога. Будем исходить из того, что все изменения, которые И. Христос вносил в старый Божий Закон, были от Всевышнего. Как было указано ранее, Ветхий Завет предусматривает жесткие наказания. Господь Бог посредством учения И. Христа поставил точку в вопросе о человеческой мести и наказании как возмездии: христианство более определенно и последовательно, чем иудаизм, отказывает людям в праве вершить месть и возмездие (наказание), закрепляет такое право за Богом, как и предусмотрено во всех Писаниях. Значит ли это, что учение И. Хри-

¹ Фишер М.П. Указ соч. С. 548.

² Мировые религии о преступлении и наказании / Науч. ред. А. Толкаченко, К. Харабет. М., 2013. С. 134.

ста отрицает, отвергает Ветхий Закон Божий? Сам И. Христос на данный вопрос отвечает так: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить» (Мф. 5,17). Далее: «...доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» (Мф. 5,18). Тем не менее он отменяет принцип талиона «око за око, зуб за зуб» и отдает приоритет заповеди любви как основе предупреждения преступлений не наказанием, а именно любовью, прощением, добротой. «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 22,39) — императив И. Христа.

Одним словом, христианское этическое требование было иным, нежели иудейское: «отвечай на зло добром», «не старайся побеждать злым злое», «не противься злему». Соответственно данному требованию и суть наказания должна была быть другой.

В связи с этим уместно привести слова Илариона: «О Законе, Моисеем данном, и о Благодати и истине, в Иисусе Христе явившихся; о том, как Закон отошел, а Благодать и истина всю землю исполнили»¹.

Он писал о том, что Закон Моисея исполнился и «как вечерняя заря погас». Но прежде:

«Закон предтечей стал и слугой
Благодати и истине,
Истина же и Благодать — слуга веку будущему,
жизни нетленной...

Прежде Закон, потом она, Благодать,
Прежде лишь тень, потом — истина».

В этом рассказе митрополит Иларион пытается осмыслить значение новой христианской Руси, ее место в истории и в укреплении христианского мира.

Почему же все-таки с пришествием Христа прежний Ветхий Закон был заменен Новым Законом? В христианской религии считается, что причиной послужило не то, что Ветхий Закон не был хорошим, а потому, что изменился сам человек и средства обеспечения справедливости Ветхого Закона, в том числе связанные с пониманием преступного поведения человека и применением наказаний, не

¹ Слово о законе и благодати — первое рождение до наших дней, произведение на русском языке. Впервые оно было публично исполнено Илларионом 29 марта 1049 г.

были универсальными. Апостол Павел в Послании к галетам сравнивал человека, живущего по Ветхому Завету, с ребенком, ведомым учителем, а человека, живущего по Новому Завету, со взрослым человеком, который больше не находится под наблюдением учителя. Нельзя сказать, что объявление сторонниками И. Христа о новом учении, противоположном Старому Закону, не сталкивалось с сопротивлением. Например, Стефан, один из семи помощников апостолов, был обвинен в том, что призывал изменить обычаи Моисея. За это его предали казни, побив камнями, а в Иерусалиме апостол Павел ждал осуждения за то, что всех и повсюду учил отступлениям от Законов Моисея.

В чем же состоит принципиальное отличие между Ветхим Законом и учением И. Христа в области института наказания? Иначе говоря, на основе каких принципов следует определять наказание по Новому Завету?

Христиане называют Новый Закон законом любви, добродетели, так как в отличие от Ветхого Закона он не высечен в камне, а «начертан в сердцах». Поэтому исправить действующие законы, вдохнуть в них новую жизнь и адаптировать их к новым условиям жизнедеятельности людей можно было только верой в Христа. Как писал Данте, она учила видеть не цвет, а свет¹, проникать в суть тех явлений бытия, которые лежали в основе мировоззрения.

Митрополит Иларион даже говорил, что эти Законы — Ветхий и Новый — отличались, как день отличается от ночи и свет от тьмы:

«Как отошел свет луны, когда солнце воссияло,
Так и Закон — пред Благодатью явившейся.

И стужа ночная побеждена.

Солнечная теплота землю согрела.

И уже не теснится человечество в Законе,

А в благодати свободно ходит.

Ибо иудеи при свече Закона себя утверждали.

Христиане же при благодательном солнце

Свое спасение зиждут»².

¹ Данте. Божественная комедия. Рай. Песня 10 — Мир Данте. Т. 1. М., 2002. С. 42.

² Слово о законе и благодати Митрополита Илариона. Повести Древней Руси. М., 2002. С. 17.

Соблюдая Тору, евреи, в их понимании, могли хоть немного приблизиться к своему Богу. Господь Бог в противостоянии Ветхого Закона и нового учения И. Христа в Коране встает на сторону Старого Закона: «Муса (Моисей) явился к вам с ясными знаменами...» (Сура 2, аят 92).

«Мы ниспослали Таурат (Тору), в котором содержится верное руководство и свет» (Коран. Сура 5, аят 44). Иларион видел в образе Христа не только божественное, но и человеческое, близкое каждому.

3. Как известно, один из догматов, то есть столпов, христианства, — искупление и прощение грехов. Искупление — это раскаяние, которое может быть принято только после испытания наказанием. На философском языке — снято наказанием, а на юридическом — снято отбытием наказания. И. Христос учит, что единственное спасение человека состоит в осознании того, что противостояние злу злом является ложным. Апостол Павел говорит: «Никому не воздавайте злом за зло... Не мстите за себя». Подобно этому Иисус, прежде чем посоветовать людям любить врагов, заявляет: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:44; Рим. 12:14-20; Мф. 5:39). Иначе говоря, когда тебя бьют по щеке, надо подставлять другую и не сопротивляться и даже поблагодарить обидчика. Значит ли это отрицание наказания как средства противостояния злу? Смиренное отношение человека к злу реализуется у И. Христа в установках: «Не судите других», «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас, благословляйте проклинаящих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6:27). Из сути этой заповеди можно заключить, что наказание — так же как и насилие, тоже зло и что зло злом не устранить. В то же время в Евангелии сказано: «Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отомститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13:1-5). Данное положение учения И. Христа совершенно противоположно установке Ветхого Завета: «Господь Бог... прощающий вину и преступление, и грех, но не оставляющий без наказания, наказывающий вину отцов в детях и в детях детей до третьего и четвертого рода» (Исх. 34:67).

Почему же все-таки учение И. Христа отрицает наказание в борьбе со злом, с преступлением? Представляется, что ответ на этот

вопрос содержится в высказывании апостола Павла: «Я плотен, продан греху. Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю... А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7: 14-19). Речь идет об источнике греха, в том числе преступного поведения, вообще любого зла.

Апостол Павел пытается объяснить, что человек, совершая подобные деяния, зависит от тех причин, которые находятся вне воли человека, в плоти его, и что человек не в состоянии противостоять таким явлениям, хотя и желает этого. Именно в вопросе о свободе воли в христианстве и по сегодняшний день отсутствует единство мнений, ибо в самом учении И. Христа существуют достаточно серьезные противоречия, которые оказывают влияние на позицию христианства в вопросе о роли наказания в противодействии злу, преступлениям, насилию. Иисус сказал людям: «Вы думаете, что ваши законы насилия исправляют зло: они только увеличивают его. Вы тысячу лет пытались уничтожить зло злом и не уничтожили его, а увеличили его. Делайте то, что я говорю и делаю, и узнаете, правда ли это», Учение Христа, как видим, не допускает какого-либо насилия или принуждения, то есть наказание должно не мстить, а приводить к мысли об исполнении предписания закона по внутреннему убеждению.

Итак, именно в вопросе о сущности наказания, и в первую очередь смертной казни, наблюдается противоречие между иудаизмом и христианством. Иисус неоднократно в разных ситуациях говорит о своем отношении к Старому Закону. Наиболее полно и конкретно он формулирует его в Нагорной проповеди, в пятой главе (стихи 21-48) Евангелия от Матфея, в частности: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5:38-39). Для христиан подробнейшие указания Пятикнижия представлялись в крайне отрицательном свете, хотя евреи вовсе не считали эти жесткие правила непосильным бременем, каким они кажутся христианам.

В принципе, наказание в виде смертной казни Евангелием не отвергается. Разумеется, проведение его в государственной жизни

отличается от евангельского отношения к виновному настолько же, насколько различны задачи и условия деятельности государства и церкви. Моисеев Закон создан был суровой жизнью и, естественно, должен был к ней приспособиться. А христианская мораль рисует идеалы, к которым все должны стремиться, но которых никто не достигает. При этом призыв Христа: «Не судите, да не судимы будете!» в то время был обращен не к населению, не к широким массам, а к отдельным людям. Поэтому Иисус скорее всего имел в виду не суд в значении правосудия, а свойственные людям пересуды житейские, бытовые, человеческие.

Специалисты, исследующие вопросы наказания в виде смертной казни и отрицающие смертную казнь в качестве обязательного элемента наказательной шкалы, как правило, ссылаются на то, что она не соответствует учению Христа, а также Евангельским заповедям. Поэтому люди, исповедующие христианство, нравственно обязаны совершенно и бесповоротно отказаться от данного наказания. Например, Н.С. Таганцев писал: «Да и как шатки основания, на которых покоятся теории воздаяния или возмездия! Если ссылаются на божеский закон, требующий воздаяния “око за око”, то забывают, что мы живем не в ветхозаветном, а христианском мире, где нет места возмездию, где основой морали должны быть положены начала примирения и прощения»¹. В свою очередь, А. Бернер, протестуя против смертной казни по христианским законам, задавался вопросом: «Как может защищать смертную казнь христианин, когда казнь Спасителя должна служить поводом к вечному и громогласному протесту против смертной казни?»²

Еще в Средневековье Фома Аквинский указывал, что смертная казнь противоречит канонам христианства, ибо «наш Господь учит, что лучше позволить злему жить и оставить возмездие до Судного дня, чем предавать смерти добрых вместе со злыми»³. При этом он допускал смертную казнь для тех преступников, которые угрожали существованию общества. Рассуждая о наказании, прежде всего о применении смертной казни, великий Шекспир часто писал о том, что при применении института наказания необходимо руководствоваться высшими законами христианской любви и милосердия:

¹ Таганцев Н.С. Смертная казнь. М., 2016. С. 19.

² Бернер А. О смертной казни. СПб., 1865. С. 13–14.

³ Аквинский Фома. Часть 2. Книга 2. Вопрос 64. Раздел 2.

«Ведь вы надеетесь на искупление своих грехов
Христовой чистой кровью.
Идите же прочь и жизнь оставьте мне,
Иль смерть моя погубит ваши души...
Сам царь царей
В скрижали внес закон: “Не убивай”,
И вы презреть закон Творца хотите,
Приказу человека повинуюсь!
Так берегитесь: Бог обрушит кару
На тех, кто преступил его закон»¹.

Главные доводы христианского учения следующие: зло рождает зло; как огонь не может потушить огонь, так зло не может подавить зло; движение человечества вперед совершалось не с помощью подавления зла злом, а с помощью воздаяния добром за зло; мы не знаем, какое зло является бóльшим: то, которое мы устраняем, или то, которое причиняем. Для ума верующего человека это весьма соблазнительно, но только на первый взгляд. На самом деле, Евангелие, имеющее для христианина особенное значение, дает образ нравственного совершенства, но не содержит в себе политического и правового учения. Оно не отрицает и не утверждает какой-либо государственный строй, не запрещает, но и не повелевает наказывать людей, совершивших преступление. Что касается Христа и его отношения к наказанию, и в частности к смертной казни, то Новый Завет (Евангелие) содержит данные, указывающие лишь на то, что Иисус исправлял некоторые положения Ветхого Завета, так, по существу, отменил принцип талиона «око за око, зуб за зуб». Однако эти исправления не относятся к основе Священного Писания — Десяти заповедям Господа Бога. Именно поэтому никто не отрицает, что в основе христианства лежит именно Ветхий Завет со всеми его культурно-религиозными и юридическими особенностями. Кроме того, христианство не отрицает, а, наоборот, поддерживает воздаяние за преступление, не предусматривая прощения преступникам, а тем более убийцам.

Из текста Нового Завета нельзя сделать вывод о том, что Иисус Христос никакого запрета на применение смертной казни не налагал, а людям вообще никогда ничего не запрещал, не проявлял

¹ Шекспир В. Ричард III. Действие I. Картина 4. Т. 6. С. 331–332.

власти, хотя всегда говорил и учил «как власть имеющий» (Мф. 7:29). Это можно даже усмотреть в случае с женщиной, виновной в прелюбодеянии, на который очень часто ссылаются противники смертной казни. Как известно, с этим фактом к Христу пришли книжники, то есть законодатели и толкователи законов — фарисеи, к которым люди обращались за разъяснением Законов Моисея. С какой целью они пришли к Иисусу Христу? Складывается мнение, что это была своего рода провокация, мягко говоря, искушение, чтобы найти против Иисуса Христа улики, если он будет отговаривать их от убийства, то есть выступать против Закона. Однако Христос разгадал их замысел. И когда его спросили, следует ли побить женщину, виновную в прелюбодеянии, как велит Закон Моисеев, он ответил: пусть первым бросит в нее камень тот, кто чувствует себя безгрешным. Можно ли из данного высказывания делать вывод относительно его отношения к смертной казни и к наказанию вообще? Р.А. Папаян, комментируя этот случай, справедливо считает, что Христос не позволил предать смерти блудницу, поскольку «израильяне искажали закон, неверно цитируя Моисея», в том смысле, что побивать такую женщину камнями по закону было нельзя, ибо слово «смерть» в законе «фигурировало без всякой конкретизации, а значит, не является санкцией на казнь»¹.

Напрасно ссылаются на то, будто Христос осуждает смертную казнь. В Евангелии Христос ничего не возражал против смертной казни. Апостол Павел в Послании к римлянам говорит: «Если же делаешь зло: бойся, ибо он (начальник. — *И.Р.*) не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите» (Рим. 13:1-7). А это, как представляется, означает, что правитель-христианин не может сомневаться в том, что, карая, он поступает согласно воле Бога».

Немалое влияние на судьбу смертной казни в Европе оказала Христианская церковь. Еще при Феодосии Великом в конце IV в. в Католической церкви появляется смертная казнь за религиозные преступления². Представители духовенства пропагандировали

¹ Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002 С. 44–45.

² Россия на разных этапах развития своего законодательства также имела достаточное количество составов религиозных преступлений (см., напр.: *Ефимовских В.Л.* Религиозные преступления в русском праве X — начале XX в.: Дис. ...

в законодательных учреждениях Западной Европы идею смертной казни и ее «божественного установления». Например, Блаженный Августин допускает применение правителем при необходимости мер наказания «словом, или бичем, или другим справедливым и дозволенным родом наказания, насколько это допускает человеческое общество, ради пользы самого укрощаемого»¹. В защиту такого наказания выступали и французские священники. Например, пастор Абру, защищающий смертную казнь во Франции, видел в этом наказании эффективное средство заставить преступников склониться к христианской религии.

Одним словом, можно привести огромное количество примеров, когда христианское духовенство во все времена с особой силой защищало смертную казнь. Достаточно отметить, что Фома Аквинский оправдывал смертную казнь для еретиков на том основании, что загрязнять веру, которая является жизнью души, — гораздо более серьезное дело, чем подделывать деньги, поддерживающие жизнь. Поэтому если справедливо отправлять на смерть фальшивомонетчиков и других преступников, то с еретиками следует поступать аналогичным образом.

Русская Православная церковь считает, что особая мера наказания — смертная казнь признается в Ветхом Завете. Непосредственных указаний на необходимость ее отмены нет ни в одном источнике: ни в Священном Писании Нового Завета, ни в Предании и историческом наследии Православной церкви. Поэтому христианская доктрина не осуждает и не запрещает применение смертной казни.

4. Как известно, изречение И. Христа «не противься злему», а также «если ударят тебя в правую щеку, то подставь обидчику и левую» — это один из центральных пунктов толкований Священного Писания, вокруг которых не утихают споры. Суть первой заповеди — пассивное воздержание от сопротивления обидчику. Действиям его не противиться как необходимому злу. Если можно было бы сопротивляться им, не нарушая нравственного закона, то такое сопротивление было бы желательно и необходимо. Таким

канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002; *Беспалько В.Г.* Институт религиозных преступлений в уголовном праве Российской империи (XVIII — начало XX в.) // Публичное и частное право. 2015. № 2 (26). С. 81–100; и др.).

¹ *Блаженный Августин.* О граде Божьем. С. 1035–1036.

образом, И. Христос предлагает наивысший уровень нравственности, заключающийся в том, что само сопротивление злему не может быть средством противодействия этому деянию.

Достоевский так разъяснял указанную заповедь И. Христа: «Пред иною мыслью станешь в недоумении, — говорит у него старец Засима, — особенно видя грех людей, и спросишь себя: “взять ли силой али смиренною любовью”. Всегда решай: “возьму смиренною любовью”. Решиться так раз навсегда, и весь мир покорить можешь. Смиренье любовное — страшная сила, из всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего»¹.

И. Христос наставляет апостола Петра, решившего защитить своего учителя: «...возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26:52). Святитель Иоанн Златоуст выводит из этого следующее: «Итак, двумя причинами Он хотел успокоить учеников: во-первых, угрозою наказания тем, которые начинают нападение: ибо все, сказал Он, взявшие меч, мечом погибнут; во-вторых, тем, что Он терпит это добровольно».

Что касается второй заповеди: «Если ударят тебя в первую щеку, то подставь обидчику и левую», то она означает акт «терпения», то есть терпи обиду, ибо такое терпение есть великая добродетель; в терпении есть великая ценность, и для него нужны великие способности. Не сопротивление, а именно терпение нужно и требуется, чтобы победить зло и уготовить Царство Божие. Не пассивное воздержание требуется в данном случае, а любовное действенное терпение.

Эта заповедь учения И. Христа принципиально и полностью отвергает древний Закон Моисея о справедливом возмездии по формуле «око за око», так как насилие, по его утверждению, не может быть благом никогда, ни при каких обстоятельствах. Применительно к уголовной политике это означает отрицание наказания как средства в борьбе с преступными проявлениями, его бесполезность, бессмысленность, а значит, и безнравственность. Так ли это? То, что преступление — зло, не вызывает ни у кого сомнений, ибо составляет предмет нравственного суждения и порицания. Что касается наказания, то, как известно, оно с момента своего возникновения всегда использовалось как средство борьбы против

¹ *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. СПб., 1895. Т. 1. С. 379–380.

этого зла. Следовательно, по логике вещей, его следует рассматривать, наоборот, как добро. В противном случае, и тот, кто применяет наказание, — тоже злодей. В принципе, и зло и добро — одни из основных категорий этики, употребляемые при нравственных оценках отдельных явлений, поступков, побудительных мотивов деятельности людей. Людям не так доступно научное определение понятия «нравственное чувство», но все понимают, что речь идет о таких вещах, как «хорошо», «плохо», «преступление» и «наказание», то есть такие-то действия расцениваются через понятие «хорошо», а такие-то — через понятие «плохо». Поэтому, когда мы говорим о нравственности наказания, мы имеем в виду, что речь идет о нашем понимании данного явления с точки зрения его качества. Иными словами, мы рассуждаем следующим образом: это наказание — хорошее, так как оно справедливо и допустимо только в той степени, насколько оно может устранить какое-нибудь большее зло в виде преступления, а плохое наказание — это то, что, как и само преступление, наносит оскорбление общественной нравственности.

Если так, значит, хорошее наказание нравственное, а плохое безнравственное, ибо хорошее наказание — полезно, необходимо и справедливо, а плохое, наоборот, — бесполезно, не нужно и не справедливо. Поэтому тот законодатель, который относится к наказанию с точки зрения нравственного чувства, всегда стремится идти в направлении смягчения характера наказания. Однако к наказанию можно относиться и с позиции здравого смысла. В таком случае понимание того, что «хорошо» и что «плохо», совсем различное. Поэтому и подход к наказанию основывается не только на принципе нравственности, но и на принципе здравого смысла, что зачастую приводит законодателя к принятию более сурового наказания.

Один из важнейших принципов нравственности состоит в том, что за добро должно воздать добром, а за зло — злом, то есть добро должно быть вознаграждено, а преступление, как зло, — наказано. С такой точки зрения наказание для преступника — зло, ибо он терпит определенные страдания за свое деяние, а для общественного блага — это добро. Нелогично за зло преступнику платить добром. Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро — добром» (Конфу-

ций). Следовательно, наказание будет считаться добром, а значит, и нравственно обоснованным, если оно адекватно тому злу, которое выражено в форме преступления.

Известно, что Л. Толстой сердцем, умом и волей, всей своей натурой принял этико-социальную программу И. Христа и посвятил свои силы целиком тому, чтобы следовать ей, обосновать и проповедовать ее.

Великий писатель, разъясняя слова И. Христа: «Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я говорю: не противьтесь злу», писал: «Он говорит просто, ясно: тот закон противления злу насилием, который вы положили в основу своей жизни, ложен и противоестественен и дает другую основу — непротivления злу, которая, по его учению, одна и может избавить человечество от зла. Он говорит: вы думаете, что ваши законы насилия исправляют зло, они только увеличивают его. Вы тысячу лет пытались уничтожить зло злом и не уничтожили, а увеличили его. Делайте то, что я говорю и делаю, и узнаете, правда ли это»¹.

Как видим, это высказывание принципиально отвергает древний Закон о справедливом возмездии по формуле «око за око», так как насилие, по Толстому, не может быть благом, полезным никогда, ни при каких обстоятельствах. Применительно к уголовной политике это означает отрицание наказания как средства в борьбе с преступными проявлениями, его бесполезность, бессмысленность, а значит, и безнравственность.

Толстой считает И. Христа не Богом или сыном Бога, а реформатором, разрушающим старые и дающим новые основы жизни. Все учение И. Христа, по мнению писателя, является этикой любви, так как именно Христос возвысил любовь до уровня основополагающего, высшего закона жизни, дал ему адекватное метафизическое обоснование. Вот почему учение И. Христа именуют законом любви, благодати, добродетели. И этот закон любви — не заповедь, а выражение самой сущности христианства. Совершенно естественно, что человеческие, земные законы, в том числе институт наказания, не могут быть такими, как в Законе Моисея. Этот институт должен был быть построен именно на новых принципах — принципах любви к ближнему, добродетели даже к врагам, что приводит к

¹ Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. О пути, об истине, о жизни. М., 2004. С. 195.

отрицанию наказания как возмездия, составляющего сущность Ветхого Закона. Следовательно, закон любви И. Христа и закон возмездия не в состоянии сосуществовать. Это аксиома. Но как быть тогда с людьми, совершившими злодеяния? Ведь заповедь учения «не противься злему» накладывает запрет на насилие. В противоположность этому Ветхий Закон, наоборот, осуждавший зло и насилие в целом, допускал, что насилие в отношениях преступников и злодеев может быть использовано во благо как справедливое возмездие по формуле «око за око». Мало того, исходя из принципа «не противься злему», надо не только на добро отвечать добром, но и на зло отвечать добром. Не противься злему, по мнению Л. Толстого, — значит не противься злему никогда, ни при каких обстоятельствах, то есть никогда не делай насилия, не совершай поступков, которые противоположны любви и добродетели.

Формула «непротивление злу насилием» требует, естественно, ответа на вопрос: а как тогда сопротивляться насилию, злу, преступлениям, убийствам, изнасилованиям, разбою и т. д., если отказаться от наказания за подобные деяния? Что предложил И. Христос, а затем и Л. Толстой? В учении И. Христа ответа на данный вопрос мы не находим. Странно, что он вообще никогда ничего не предлагает. Что касается Толстого, то он ограничивается только словами, что противиться злу можно и нужно, только не насилием, а другими — ненасильственными методами, которые так и не были предложены великим писателем.

Особое внимание в связи с этим Л.Н. Толстой уделил проблеме смертной казни, отрицательное отношение к которой у писателя скорее всего связано с воздействием на него исполнения этого наказания гильотиной, что он наблюдал в Париже в 1857 г. Возможно, если бы Толстой был свидетелем жестокого убийства женщины и двоих ее малолетних детей, то он изменил бы свое отношение к наказанию и к смертной казни в частности. Он вообще считал этот вид наказания формой убийства, которая намного хуже, чем просто убийство из-за страсти или по другим личным поводам. Американист Ф. Кеннон рассказывал о своей беседе с Л.Н. Толстым, в ходе которой он поставил перед ним прямой вопрос: стал бы он, великий писатель граф Л.Н. Толстой, убивать грабителя, готового лишиться жизни невинную жертву, если нет никакой другой возможности спасти этого несчастного. Толстой ответил: «Если бы я увидел в лесу

медведя, который собирается задрать крестьянина, я бы разmozжил ему голову топором, но я бы не убил человека, готового сделать то же самое»¹.

Толстой на этом конкретном примере хочет подтвердить следующую истину: «не противиться злему значит не противься злему никогда». По убеждению писателя, признание жизни каждого человека священной есть первое и единственное основание всякой нравственности. Непротивление злу как раз и означает отрицание Толстым смертной казни, ибо человеческая жизнь изначально. Жизнь человека священна не бrenным телом, а бессмертной душой. Например, называя кого-нибудь преступником, считает Толстой, и подвергая его насилию, мы отнимаем у него это человеческое право; мы как бы говорим ему: «Ты не в состоянии думать о своей душе, это мы позаботимся о ней».

Известный русский философ-правовед В.С. Соловьев так же, как и Л.Н. Толстой, находясь под влиянием учения И. Христа, предлагает рассматривать наказание без карательного содержания, без страданий, без элементов устрашения и страха².

Заметим, что в христианской религии в отличие от иудаизма и ислама никогда не было единства во мнениях относительно сути и понятия о наказании, в особенности когда речь шла о смертной казни. Различные представители по-разному толкуют известные места Святого Писания — Евангелия. При этом они, ссылаясь на данные положения, допускают весьма различные понимания. В связи с этим С.В. Познышев совершенно справедливо отмечает: «Ввиду их неопределенности на них с одинаковым удобством могут утвердиться существенно различные теории и ни одна из них не может быть признана состоятельной, так как, при логическом развитии, впадает в противоречие с Евангельскими заповедями»³. Например, в Евангелии есть такие слова Спасителя, сказанные апостолу Петру: «Изявший меч от меча и погибнет». Одни делали вывод, что смертная казнь несовместима с христианством, многие другие усматри-

¹ Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. / Ред. С.А. Макашин. М., 1978. Т. 1. С. 369.

² Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. М., 2013. С. 65.

³ Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. Исследования приват-доцента Императорского Московского университета, 1904. С. 78.

вали здесь санкцию, то есть одобрение Христом смертной казни. В Новом Завете есть также следующее указание: «Мне отмщение, и Аз воздам». А из данного изречения непосредственно вытекает, что христианская религия рассматривает наказание вообще, а смертную казнь в частности как возмездие, ибо, запрещая частную месть и самоуправство, за это Евангелие не выражает порицания, то есть не отрицает эту идею. Епископ Парижский Вильгельм, ссылаясь на притчу Христа о плевелах и пшенице, стал доказывать, что распространение нечестия приносит огромный вред и что поэтому нечестивых надо истреблять с корнем и, конечно, телесной смертью, если нельзя искоренить иначе¹.

Евангелие предписывает людям жить так, чтобы не было ни преступлений, ни наказаний. Но ведь преступления имеют место и для борьбы с ними необходимы какие-то меры, ибо, как известно из историко-религиозных источников, Всевышний ничего другого, кроме наказания, не предложил. Если так, значит, корень этой необходимости не в воле Божьей, а в неисполнении людьми воли Божьей. Следовательно, вполне логично будет предположить, что если в религии нельзя найти серьезных аргументов, то есть твердую почву для отрицания наказания, то в ней (религии) не следует искать и основание в правомерности и законности данного института. Некоторые пытаются идеализировать наказание и под «маской гуманизма» подменять его суровую сущность какими-то своеобразными мерами поощрительного характера².

Например, авторы монографии «Христианское учение о преступлении и наказании» пишут, что «наказание — это вразумление, несущее в себе доброту, сострадание и излечение, это создание условий, предупреждающих совершение нового преступления»³. Наказание — это прежде всего боль, страдание, воздаяние за совершенное деяние, а также угроза с целью предотвращения преступлений. Ведь на основании христианской религии человек сам согласился претерпеть известное страдание и зло за содеянное. Если считать, что наказание — это угроза, наведение страха, психологическое давление, то возникают два вопроса: первый — не противоречит ли это заповеди любви, по Христу; второй — не следует ли

¹ См.: *Осокин*. Первая инквизиция, 1872. С. 480.

² *Беспалько В.Г.* Указ. соч. С. 57.

³ *Христианское учение о преступлении и наказании*. С. 66.

из этого, что недозволительно причинять человеку зло и страдание, по И. Христу? По учению Христа, христианин должен терпеливо переносить зло, воздавать за зло лишь добром, то есть если кто-то посягнул на твою собственность, то ты должен лишь его поблагодарить. Почему же тогда христианин-правитель применяет за это наказание? Ведь наказание причиняет страдание и противоречит евангельской заповеди любви. Согласно христианской религии, «наказание не есть зло, которое запрещено делать ближнему, оно должно действовать в качестве угрозы».

Итак, можно отчетливо увидеть, что теологические соображения представителей христианской религии в вопросе института наказания не согласуются с евангельскими заповедями, не говоря уже о том, что между самими ими существуют по этому поводу серьезные разногласия, иногда близкие к противоречию. Если в самом начале христианство должно было быть основано на началах Евангелия, то со временем институт преступления и наказания оказался крайне далек от заветов Христа. Церкви Средневековья извратили смысл самой важной заповеди о непротивлении злу, поставили ее под сомнение, что было равносильно отмене закона любви. Хотелось бы обратить внимание на то, что Аллах в Коране неоднократно обращается к разногласию между Торой и Евангелием.

Коран обращает особое внимание на проповедь Иисуса о том, что его последователи должны соблюдать заповеди Торы. Слова Моисея в Торе: «Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди господа, Бога вашего, которые я вам заповедую» (Втор. 4,2); «Доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота и ни одна черта не прейдет из Закона (Торы), пока не исполнится все» (Мф. 5,18); «Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; сего же не знаем, откуда он» (Иоан. 9,29). Данные слова были сказаны об Иисусе фарисейскими учителями. Коран об этих обвинениях друг друга иудеев и христиан пишет следующее: «Иудеи сказали: “Христиане не следуют прямым путем”. А Христиане сказали: “Иудеи не следуют прямым путем”. Все они читают Писание, но слова невежественных людей похожи на их слова. В День воскресения Аллах рассудит их том, в чем они расходились во мнениях» (Сура 2, аят 113).

В Коране ясно указано, что Синайский завет, заключенный с народом Израиля при Моисее, остается в силе и соблюдающие его

спасаются для жизни вечной: «Уверуйте в то, что я ниспослал в подтверждение того, что есть у вас, и не становитесь первыми, кто отказался уверовать в это. Не продавайте Мои знамения за ничтожную цену и Меня одного бойтесь» (Сура 2, аят 41). В Коране приводятся слова, обращенные Богом к Иисусу относительно разногласия между его учениями и Ветхим Законом: «Вот сказал Аллах: “О Иса (Иисус)! Я упокою тебя и вознесу тебя к Себе. Я очищу тебя от тех, кто не уверовал, а тех, которые последовали за тобой, возвышу до самого Дня воскресения над теми, которые не уверовали. Затем вам предстоит вернуться ко Мне, и я рассужу между вами в том, в чем вы разошлись во мнениях”» (Сура 3, аят 55).

Коран неоднократно обращает особое внимание на проповедь Иисуса о том, что его последователи должны соблюдать заповеди Торы: «А вот Иса (Иисус), сын Марьям (Марии) сказал: “О сыны Исраила (Израиля)! Я послан к вам Аллахом, чтобы подтвердить правдивость того, что было в Таурате (Торе) до меня, и чтобы сообщить благую весть о Посланнике, который придет после меня, имя которого будет Ахмад (Мухаммад)”» (Сура 61, аят 6).

Всевышний подтверждает в Коране, что именно в Торе были даны наилучшие законы: «Мы также даровали Мусе (Моисею) Писание в завершение милости к тому, кто был добродетелен, как разъяснение всякой вещи, верное руководство и милость, дабы они уверовали во встречу со своим Господом» (Сура 6, аят 154). Далее: «Это — благословенное Писание, которое Мы ниспослали. Следуйте же ему и будете богобоязненны, — быть может, вы будете помилованы» (Сура 6, аят 155).

Согласно Корану, Иисус именуется одним из величайших пророков — «словом Божиим». Вот сказали ангелы: «О Марьям (Мария)! Воистину Аллах радуется тебе вестью о слове от Него, имя которому Мессия Иса (Иисус), сын Марьям (Марии). Он будет почитаем в этом мире и в Последней жизни и будет одним из приближенных» (Сура 3, аят 45). В то же время Коран выступает с обвинениями в адрес Евангелия, учения Иисуса Христа. Аллах обвиняет тех, кто пытается сократить его заповеди в Торе, или же объявляет утратившими силу, необязательными, временно отмененными и т. д.: «Неужели вы станете веровать в одну часть Писания и отвергать другую часть?» (Сура 2, аят 85); «Горе тем, которые пишут Писа-

ние собственными руками, а затем говорят: “Это — от Аллаха...”» (Сура 2, аят 79).

Обстоятельства меняются, меняются и люди. Всевышний теперь хочет, чтобы мы любили своих врагов. Но кто эти враги? Можно ли злодеев, насильников, преступников отнести к их числу, или же речь идет о враждующих друг с другом народах? Может быть, речь идет об отношениях угнетателей с последователями единобожия? Как их любить? Как с ними поступать? Что же предлагает Господь Бог посредством своих пророков? Следуют ли люди этому завету Всевышнего?

Начнем с Еврейской Библии, то есть с Ветхого Завета. Смысл предписания любить ближнего как самого себя всегда зависел от определения понятия «ближний». Некоторые люди испытывают разочарование, обнаружив, например, что известный стих Книги Левит «Люби ближнего твоего, как самого себя» относится к соплеменникам-израильтянам, а не к народам, жившим по соседству, то есть Лев. 19:18 имеет в виду лишь своих 120 братьев-израильтян. «Возможно, глобальная любовь к ближнему твоему, как к самому себе, — отмечает Р. Райт, — и не предполагалась, следовательно, этот стих нельзя считать свидетельством нравственного зенита человечества, тем не менее, он символизирует нравственный водораздел, говорит о расширении сферы братства»¹.

Апостол Павел смысл предписания, изложенного в Еврейской Библии, понятия «ближний», изменил, но не придал ему всеохватности. По его учению, ближний — это не просто любой иудей или грек. Учение церкви объясняло христианину, кто не является ему ближним: ближний христианина не обязательно его родственник, не сосед по району, не соотечественник и не земляк; ближний христианина — его брат-христианин. Согласно Библии, Иисус проповедовал великодушие, терпимость, даже всеобщую любовь, и этим, как утверждают христианские богословы, по-видимому, выполнял работу Логоса — расширение круга нравственных соображений, хотя в тексте Марка, самого раннего и достоверного из четырех евангелий, нет Нагорной проповеди, нет заповедей блаженства. Иисус не говорит «блаженны кроткие», или «подставь другую щеку», или «возлюби врага своего».

¹ Райт Р. Эволюция Бога. М., 2017. С. 250.

Какие же все-таки из приписываемых И. Христу нравственных учений действительно принадлежат ему?

Р. Райт утверждает, что «ответ, который следует из самых ранних упоминаний его вести, разочарует христиан, убежденных, что Иисус проповедовал о безграничном милосердии Бога»¹.

В Евангелии от Марка слово «любовь» появляется только в одном фрагменте: «Иисус, взглянув на него, полюбил его и сказал...» (Мк. 10:21). Отвечая книжнику на вопрос, какая из библейских заповедей важнее всех, он называет две: первая — «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею...». вторая — «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12:29-31). Требование любви Иисус недвусмысленно распространяет за пределы Израиля. Это видно из его рассказа о человеке из Иерусалима, которого избили и бросили на дороге. В двух евангелиях Иисус говорит: «Любите врагов ваших» (Лк. 6:27; Мф. 5:27). Иисус, прежде чем посоветовать людям любить своих врагов, заявляет: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую» (Мф. 5:44; Рим. 12:14-20; Мф. 5:39).

Апостол Павел призывал: «Никому не воздавайте злом за зло — не мстите за себя». Здесь мы видим философию «живи и не мешай жить другим», которая процветает, когда борьбой ничего не добьешься. И Павел, и Мухаммад говорили так от имени Бога, а точнее, Всевышний это рекомендовал своим пророкам, когда их религия, их идеи были еще слабые, их было еще мало. Поэтому необходимо было сосуществовать, а не сопротивляться. Однако христианам, так же как и мусульманам, не понадобилось много времени, чтобы начать раздражать окружающих. Например, еще в 64 г. н. э. до того, как были написаны все книги Нового Завета, император Нерон приказывал обмазывать последователей Иисуса смолой, распинать на крестах и поджигать. То же самое происходило в Мекке на ранней стадии развития мусульманства, когда многобожники унижали, убивали или изгоняли из города сторонников Мухаммада. Поэтому, скорее всего, столкнувшись с угнетением, христиане в Римской империи, а мусульмане в Мекке поступили так же, как иудеи, которые

¹ Райт Р. Эволюция бога. С. 271.

были угнетаемы в Вавилонской империи: мечтали о возмездии, изливая мечты в теологии.

Божественное установление в Священных Писаниях «Люби ближнего твоего, как самого себя» в различных вариантах можно встретить и у Конфуция, например: «Не делай людям того, чего не желаешь себе». Он также всегда наставлял любить людей, своих братьев (Конфуций. «Лунь Юй», 12:22).

Согласно Мо-цзы, Верховный китайский бог Тень «желает, чтобы люди любили друг друга и приносили один другому пользу, и не желает, чтобы они питали ненависть или вредили друг другу» (Elvin (1986) p. 334–335).

§ 2. Учение Иисуса Христа как нравственная основа наказания

1. Хотя Конфуций, Лао-цзы, Будда и Махавира, — все они сформулировали этические кодексы задолго до Павла и Иисуса, тем не менее именно христианство внесло колоссальный вклад в нравственно-правовое развитие человечества. Разумеется, речь идет не только об идее любви к Богу и человеку, но и о существенном изменении отношения к понятию и сущности наказания. Учение И. Христа вообще отвергает идею равенства между преступлением и наказанием, которая, как известно, была доминирующим принципом в Ветхом Завете. Взамен принципа равенства Новый Завет провозглашает морально-нравственный принцип любви, оказавший существенное влияние на формирование и развитие института наказания. Именно под этим углом, на наш взгляд, следует рассматривать отказ от жестоких мер наказания, в том числе смертной казни, и постепенный переход к системе наказания без карательного содержания в современной Европе. Христианские идеи милосердия и любви к ближнему существенно смягчили жестокость язычества, основанного на культе силы. Но главный вклад христианства в развитие института наказания, его теории и практики заключается в том, что оно распространило принцип равенства преступления и наказания на всех людей.

Представляется, что предложение рассматривать наказание без карательного содержания, без страданий, которые причиняются человеку, совершившему преступление, а самое главное, без элемен-

тов устрашения и страха, основано на учении И. Христа, а точнее, на заповеди любви к ближнему.

Что это за средство — некарательное воздействие, которое выступает альтернативой наказанию? Если очень коротко, то это идея наказывать не за деяния, а в связи с условиями его совершения, варьируя меры наказания в соответствии с предполагаемыми опасными свойствами личности преступника, а также отказ от карательного содержания наказания, то есть от страданий, лишений, боли, которые причиняются человеку, совершившему преступление.

Данная система основана исключительно на принципах восстановления личности преступника или, если невозможно, его изоляции до тех пор, пока необходимо, чтобы лишить его возможности вновь совершить преступление. Для этого некоторыми представителями данной теории предлагается привлекать психиатров, психологов с целью восстановления психики лица, совершившего преступление. В принципе, по сравнению с уголовным наказанием, имеющим долгую, а на каком-то этапе даже темную, мрачную историю, некарательное воздействие на преступника и меры по восстановлению его личности выглядят просвещенными, нравственными, гуманными и современными.

Именно поэтому задачу будущего в предупреждении преступлений представители данной теории видят в замене наказания мерами воздействия без элементов кары. Иными словами, некарательное воздействие, конечно же, воспринимается как мероприятие благородное и нравственное, ибо оно направлено на одну цель — вернуть человеку социальное здоровье, излечить его от преступления. Следует отметить, что идея некарательного воздействия не нова и имеет достаточно долгую историю. Еще Ч. Ломброзо, опираясь на антропологию, уголовную статистику, уголовное право и тюремноеведение, предложил отказаться от наказания как средства бесполезного и заменить его другими мерами.

Доктрина уголовно-антропологической школы, признающая биологические свойства преступности, предлагала заменить уголовное наказание «мерами безопасности», а уголовно-социологическое направление — мерами социальной защиты. Такая замена сводилась к поиску универсального средства уничтожения преступности как социально-психологического явления посредством психолого-медицинского и социального влияния на сознание преступника.

В связи с этим следует заметить, что с точки зрения теоретической логики возможность исчезновения, а точнее переход наказания в форму некарательного воздействия не исключается. Дело в том, что история уголовной политики свидетельствует о постепенном уменьшении карательного содержания наказания, о его постепенном смягчении, о чем говорят современные пределы уголовно-правовых санкций, а также практика исполнения наказания. Поскольку параллельно происходит также улучшение в социальной психике и поведении человека и нет никаких оснований утверждать, что это и впредь не будет продолжаться, то, очевидно, пределом эволюции, к которому стремится применение наказания, в конечном счете может быть лишь «нуль», то есть исчезновение карательных свойств наказания. Но это только *теоретическая* модель развития института наказания. Что касается практической стороны, то вряд ли следует думать об исчезновении наказания в принципе, пока существует человечество. Можно лишь надеяться на приближение применения наказания к нулю.

Кстати, и сегодня некоторые авторы полагают, что «криминология XXI в. должна обратить внимание на перспективность некарательных санкций, включив их в контекст индивидуальной профилактики преступлений»¹. В современной Европе достаточно популярна идея «уменьшения боли» в самом содержании наказания. Сторонником такой позиции является, в частности, Н. Кристи, который пишет: «Я не вижу серьезных оснований для того, чтобы считать нынешний уровень причинения боли вполне справедливым и естественным, поскольку вопрос этот весьма важен, и я должен сделать выбор; я не вижу иной позиции, которую можно было бы отстаивать, кроме как борьба за уменьшение боли»². Как видим, автор вовсе не отказывается от уголовного наказания, понимая, что в современных условиях это выглядит как утопия. Речь идет лишь о минимизации боли в возможной степени. Каким же образом можно этого достичь?

Н. Кристи предлагает осознать суть наказания, которое он определяет как причинение боли, страданий, ограничений, лишений.

¹ Криминология. XX век / Под ред. В.Н. Бурлакова. СПб., 2000. С. 12.

² Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. СПб., 2011. С. 47.

Безусловно, христианские этические требования «отвечай на зло добром», «не старайся побеждать злым злое», «не противься злему» оказали сильнейшее влияние на нравственные начала наказания, как средство воздействия на зло, насилие, преступление. Отдается приоритет заповеди любви как основе предупреждения преступлений не наказанием, а именно любовью, прощением, добротой — «Возлюби ближнего твоего как самого себя». Значит ли это отрицание наказания, в принципе, как противостояние злу или же изменение его нравственной сущности в сторону смягчения?

Как факт чувственной жизни, наказание является актом принуждения и страдания. С.П. Мокринский писал: «Стоит отнять у наказания эту характерную черту — преднамеренное причинение страдания, или предложить, что данное мероприятие не по исключению, но уже по общему правилу не в силах вызвать требуемого эффекта, — и всякий почувствует, что мероприятие уже не соответствует понятию наказания, что оно может быть названо мерой принудительного воспитания, образования, врачебного пользования, презрения, изолирования, но отнюдь не наказания»¹.

В то же время страдание и унижение не должны доходить до крайности и быть беспочвенными и бесцельными мучениями. Одновременно следует учитывать предупреждения Э. Ферри: «Мы решительно противимся ниспровержению всех принципов общественной справедливости, при котором тюрьмы становятся более удобным и комфортабельным помещением, чем жилища честных, но бедных людей»².

Страдание относится к числу тех понятий, реальный жизненный смысл которых, на наш взгляд, ясен даже обыденному сознанию. Однако оно имеет противоречивое, сложное содержание. В *психологическом* плане страдание — это особое переживание, связанное с ощущением неудовольствия. В *социальном* аспекте страдание представляет собой результат отчуждения, непризнанности другими. Согласно религиозным представлениям, страдание — чисто религиозное учение, не выходящее за грань религии и не входящее в повседневную жизнь, связанное исключительно с отношениями между людьми и Богом, но никак не между людьми друг с другом. Значит, страдание — это жертва чему-то высшему,

¹ Мокринский С.П. Наказание, его цели и предложения. Ч. 1–III. М., 1902. С. 3.

² Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. С. 270–271.

Божественному, Святому. Страдание можно трактовать и как претерпение. В *юридическом* плане страдание понимается как результат совершенного зла, последствие преступления.

Страдание — совокупность крайне неприятных, тягостных или мучительных ощущений живого существа, при котором оно испытывает физический и эмоциональный дискомфорт, боль, стресс, муки и т. д. Понятно, что причинами страданий могут быть различные обстоятельства (любовь, болезнь и т. д.). Такого рода страдания не носят принудительного характера со стороны государства, то есть это не принудительное страдание, а естественное человеческое чувство.

Страдание как признак, свойство кары отличается именно принудительным характером, ибо оно осуществляется помимо воли самого человека, в особых условиях. Поэтому от такого страдания необходимо отличать нравственные муки, угрызения совести, испытываемые преступником, даже если они были бы столь велики, что для их прекращения он желал бы отдаться в руки правосудия, чтобы выстрадать свою вину. Именно благодаря страданию лицо, совершившее зло, должно искупить свою вину, осознать ошибочность своего поведения, понять привлекательность и прелесть жизни на свободе.

В то же время следует отметить, что страдание — угрожающее здоровью человека состояние, приводящее к неврозам и психозам. Наказание утрачивает свой смысл в случае полной утраты кары, а последняя немыслима без лишений, страданий и ограничений. Г.В. Мальцев прав, утверждая, что «чистое наказание без элементов кары — мечта либеральных деятелей нашего времени — есть иллюзия, способная превратить социальную реакцию на преступление в ничтожный акт»¹

Следовательно, если отнять у наказания кару, то есть страдание, переживание и т. д., то наказание не будет соответствовать понятию уголовного наказания. В принципе, даже если постараться так сделать, то это окажется бесполезным, ибо кара — объективное свойство наказания, без которого оно существовать не может. Идея Божьего наказания фундаментально повлияла на уголовно-правовое представление о наказании. Согласно религиозным догматам,

¹ Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2012. С. 129.

раскаться чисто рассудочным путем невозможно, бессмысленно, неэффективно. Вот почему истинное покаяние религия видит в страдании и боли, в мучительном переживании того преступления, греха, зла, которое содержит в себе наказание в виде кары.

Довольно большое внимание нравственной сущности наказания было уделено известным русским философом-правоведом В.С. Соловьевым в работе «Право и нравственность. Очерки из прикладной этики» (1897). Поэтому стоит более подробно остановиться на его взглядах, которые в обобщенной форме определены в следующем тезисе: «Одно из двух: или главный смысл наказания в устрашении, и тогда необходимо допустить мучительные казни, как меры, наиболее соответствующие этому смыслу, как устрашающие, по преимуществу; или же сообразоваться с нравственным началом, дающим, что позволено и что непозволительно, и тогда нужно совсем отказаться от самого принципа устрашения, как мотива, по существу, безнравственного или непозволительного, с нравственной точки зрения»¹.

Представляется, что заповедь И. Христа «не противься злему» не следует понимать как действительное отрицание противодействия любому злему явлению, как отказ от устрашения или страдания в отношении субъекта преступления, ибо любое нарушение общественного порядка должно в жизни вызывать к себе отношение, соответствующее его отрицательной оценке. И такое отношение к преступнику нравственно обосновано тогда, когда оно не есть идея талиона, формального, качественного равенства. Оно не должно быть мстью, которая характеризуется грубостью, инстинктивностью, безмерной и бессмысленной реакцией государства. В то же время соответствующая отрицательная оценка поведения преступника не должна доходить до всепрощения, ибо всякое зло чревато дурными последствиями.

Учение И. Христа более чем другие Священные Писания уделяет внимание преобладанию милосердия, доброты, прощению, добродетели: «Прощайте — и прощены будете...» (Лк. 6,37). Вспомним слова Иисуса в Евангелии: «Если вы будете прощать людям согрешение их, то простит и вам Отец ваш Небесный...» (Мф. 6,14); «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5,7).

¹ Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. С. 65.

Как понимать Божье прощение и милость в отношении грешников (преступников) в связи с этими заповедями? Евангелие имеет в виду не прощение насильника или убийцы в прямом смысле за содеянное, а смягчение наказания, если человек искренне раскаялся в своих деяниях и следует по пути Господа Бога. То есть Христос учит, что преступник, свидетельствующий добрыми делами об искреннем раскаянии и исправлении, всегда может рассчитывать на Божье прощение и милосердие.

Итак, заповедь «не противься злему» применительно к наказанию означает, что не должно быть ни одной крайности в формуле «зуб за зуб», ни другой — все прощено, все дозволено, ибо зло не должно отвечать злом. Должно быть установлено золотое правило, согласно которому прощения уместны, если они способны восстановить мир и пойдут на благо самому преступнику. Поэтому нравственные начала наказания, по учению И. Христа, требуют, чтобы степень устрашения и страдания, применяемые к преступникам, не перешли границу необходимости и чтобы не был нарушен принцип справедливости. Но как определить эту границу между нравственным и безнравственным в наказании?

Как известно, принцип середины был провозглашен основателем этики Аристотелем. По его мнению, нравственные устои, подобно вершине горы, должны господствовать над расположенными у ее подножия страстями по избытку и недостатку. В принципе, если в природе все наделено такими же свойствами, что всякий излишек или недостаток в отношении к чему бы то ни было влекут за собой в той или иной степени непременно вредные последствия, то в нравственности наказания должна быть середина, то есть граница между нравственным и безнравственным. По сути, Аристотель перенес в этику известное положение древних греков «ничего слишком». Если взять за основу рассуждения Аристотеля при определении отношения человека к смертной казни, то нравственные начала должны быть главными, основополагающими по сравнению (наряду) с другими аргументами «за» и «против». Если в нравственности срединная основная фигура — человек, то в наказании все обращается вокруг общества в лице государства, ибо оно является творцом, субъектом обеспечения интересов общества.

Наказание определяет нрав народа в целом, его отношение к данной мере. Нравственность же определяет отношение инди-

видуума к наказанию, его внутреннее свободное чувство. Так как субъектом права наказания является государство, только оно может быть нравственным или безнравственным. Поэтому, когда говорится о нравственности или безнравственности наказания, то имеется в виду именно государство, а не наказание, которое является лишь средством в руках субъекта.

Следовательно, границу между нравственным и безнравственным определяет государство, то есть определение середины нравственности принадлежит государству. Оно может дать перевес общественному благу, например охране собственности государства, тогда преступников — крупных расхитителей следует расстреливать, как это было в СССР. Если же дать перевес личной свободе, то нужно отказаться от сурового наказания за умышленное убийство. Справедливое же требует нечто среднего между избытком и недостатком, значит, нечто равного. Иначе говоря, справедливость, нравственные начала отнимают лишнюю часть от избытка и отдают недостаток и тем самым образуют элемент уравнивающий, восстанавливающий. Однако следует учесть, что очень часто начала нравственности неоправданно смягчают неизбежную строгость и неумолимость начал наказания.

Высочайшей целью любого развитого в нравственном аспекте общества выступают, разумеется, интересы общего блага и отдельных его членов. Следовательно, если государственная власть строит свое отношение, исходя из приоритета собственно политических интересов над обществом, то это вряд ли можно считать явлением нравственным. Именно принцип справедливости — критерий оценки нравственной сущности государства в отношении к общему благу, а гуманизм определяет границы нравственности относительно отдельной личности.

В гуманизме выражается отношение между государством и личностью; в справедливости — отношение государства к общественным интересам с учетом абсолютной ценности человека. Гуманизм — это нравственная позиция государства, выражающая признание ценности человека как личности и не дающая возможности государству прибегать к репрессивной модели уголовной политики в отношении личности преступника как носителя «злой воли». Справедливость же выступает как принцип, который не позволяет государству нарушить золотую середину, то есть предостерегает

его от вредных последствий в случае пренебрежения интересами общественных благ. Итак, если принцип гуманизма служит интересам конкретной личности, то принцип справедливости в форме возмездия (воздаяния) — интересам общего блага.

Следовательно, при определении отношения к наказанию государство оказывается между двумя принципами — гуманизмом и справедливостью. Представляется, что исходя из этих основных положений философии, которые служат научной теоретической базой, основой исследования конкретных проблем других наук, в том числе и правовых, следует подходить к основам нравственных начал наказания.

Неоспоримое право государства на наказание и установление пределов принуждения означает, что именно этому органу принадлежит также деятельность по выработке системы карательных мер, установлению точной и ясной границы между нравственным и безнравственным применением страдания и принуждения как противостояния злу преступлением.

Уголовное правотворчество по выработке определения наказания — сознательный процесс познания необходимости принятия данного средства, а также осмысления предстоящей деятельности по применению, определению целей и способов его достижения. Ведь прежде чем приступить к деятельности, необходимо понять, что и каким образом следует сделать. Поэтому мудрый законодатель перед тем как принимать то или иное наказание, должен в полной мере осознать не только его юридическую необходимость, но, в первую очередь, *нравственную значимость* и проинформировать об этом общество, ибо именно «народ, повинующийся законам, должен быть их творцом»¹. Законодатель должен быть убежден не только в юридической, правовой необходимости, но и в нравственности принятия решения о наказании или же о его изменении. Значит, прежде чем принимать наказание, следует глубоко изучить социальные условия, обстоятельства, факторы, которые привели законодателя к его возникновению. Особое значение имеет то, как воспримет население принятие такого решения, ибо именно от этого во многом зависит внутренняя убежденность населения в необходимости и справедливости наказания и его практического приме-

¹ Руссо Ж.-Ж. Тракаты. Об общественном договоре, или Принципы политического права. Гл. V–VI: О Законе. М., 1969. С. 218.

нения. Главное, чтобы появилась нравственная потребность в том или ином наказании.

Каждое наказание, его характер не должны возникать по капризу законодателя как представителя господствующей власти, а должны вызываться потребностями жизни. В противном случае такое наказание создаст определенные социально-политические проблемы. Поэтому в процессе его образования должны участвовать два принципиальных и фундаментальных фактора: нравственный уровень общества, то есть объективный фактор, и мыслительная, познавательная деятельность — субъективный фактор. Ж.-Л. Бержаль отмечал, что «социология как наука, анализирующая факты социальной жизни людей на достаточно высоком уровне обобщения, выступает в роли одного из существенных элементов, содействующих разработке, применению и эволюции позитивного права»¹. А по мнению Б.А. Кистяковского, процесс правообразования, по крайней мере на первых своих стадиях, — чисто социальный процесс². Представители социологической концепции права исключали «неосознанное» развитие права, признавали «целевой закон» как главный закон общественного развития главным правообразующим фактором, ведущей правосозидающей силой и связывали его осуществление с деятельностью субъекта законотворчества (Р. Иеринг). В то же время успешная деятельность по созданию системы наказания зависит от правовой культуры законодателя, его подлинно творческого отношения к своей миссии, от владения юридической наукой, искусством «делать» законы.

Правовая культура тысячами нитей связана с общей культурой. Ее мощное благотворное влияние на правовое сознание, мышление, мировоззрение творящих законы, на их ценностные правовые установки непосредственно или опосредованно определяет характер законодательства, обуславливает его адекватность историческому и национальному духу народа, потребностям и интересам людей³.

К сожалению, современное уголовное законотворчество не учитывает вышеизложенные факторы. Поэтому фактически зако-

¹ Бержаль Ж.-Л. Общая теория права / Под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с франц. М., 2000. С. 275.

² Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 208.

³ Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2011. С. 349.

ны — то, что создается государством без учета общественного мнения или им санкционируется, то, что обеспечивается его принудительной силой, то, что предстает в виде норм и имеет формальную определенность. Именно по этой причине уголовный закон очень часто не получает «внутреннего» одобрения, согласия общества в его необходимости и справедливости. И. Бентам в свое время ставил вопрос о том, что значит правильно и неправильно рассуждать о законах. Правильно рассуждать о законах — «это значит представить все то благо и все то зло, которые должен повлечь за собой закон: чем больше благ, тем больше доводов в его пользу; чем больше зол, тем больше доводов против него». Неправильно рассуждать — «значит представлять в защиту или опровержение закона не его хорошие или дурные последствия, а что-нибудь другое»¹. Следует помнить, что для уголовной угрозы как для всякого средства воздействия существует предел, за которым увеличение дозы, не возвышая существенно шансов достижения сравнительно частной цели — уменьшения социального зла преступности, начинает грозить расстройством целого или его более крупных частей.

Установить искомый предел есть дело такта уголовного законодателя, задача его общей социальной политики². Ведь как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком велика или мала, так и наказание не действует, когда оно переходит меру необходимости. Принимая то или иное наказание за определенное деяние, законодатель понимает, что в случае нарушения закона лицу придется претерпеть известные чувственные страдания или нравственное лишение, ограничение как необходимое и разумное последствие. Законодатель поступает безнравственно, если заранее знает, что эти страдания не соответствуют содеянному, и, значит, воздаяние не служит идее права, справедливости и нравственности наказания.

Очевидно и бесспорно, что чем важнее закон, а точнее объект охраны, который нарушается преступлением, тем важнее и само преступление. Важность, ценность объекта посягательства определяет степень тяжести наказания. Но какой объект важнее?

¹ *Бентам И.* Принципы законодательства // Хрестоматия по теории и истории права и государства / Сост. Р.Е. Мухаев. М., 2001. С. 166.

² *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предположения. Ч. II: Значение результата. Томск, 1902. С. 68.

Указанное понятие относительное, поскольку данный вопрос решает сама государственная власть, то есть это индивидуальный взгляд каждого государства, что вполне справедливо и правильно, ибо у каждого народа есть свои критерии оценки нравственных ценностей и свое понятие об их важности. Следовательно, у каждого народа — разный взгляд на степень тяжести того или иного преступления, а значит, и наказания за одно и то же преступление у разных народов, как правило, различны. Конечно, было совершенно бессмысленным, несправедливым и безнравственным установление смертной казни за хищение государственного и общественного имущества в период советской власти. В данном случае государство, устанавливая эту меру наказания, исходило не из норм нравственности, принципов гуманизма и идей справедливости, а из идеологических соображений и ложных представлений относительно уголовной политики в борьбе с преступностью. Степень важности деяния определяется законодателем в каждую эпоху с учетом интересов господствующей власти, места личности и ее интересов в обществе. Поэтому построение системы наказаний, предназначенных для всех времен и народов, невозможно так же, как невозможно считать те или иные действия преступными в различные периоды истории развития человечества.

Не следует думать, что возможно создание идеальной системы наказаний и идеальных отдельных, конкретных наказаний как по форме, так и по содержанию. Виды и размеры наказаний постепенно подвергаются изменениям, поскольку каждая эпоха выдвигает свои критерии значимости преступных деяний.

Например, сегодня наказания средневековой эпохи отвергаются и представляются несовместимыми с принципами гуманизма и нравственности, хотя они считались целесообразными с точки зрения законодателей того времени. И в этом нет ничего удивительного, ибо каждая эпоха вырабатывает свои наказания, свои меры воздействия на преступные проявления, которые для последующей эпохи могут оказаться неприемлемыми и безнравственными. Где же все-таки заканчивается граница применения принуждения государством, которую следует считать красной линией?

Можно, конечно, эту границу определять исходя из того, как общество относилось и относится к лицу, совершившему преступление, то есть сохраняется ли к нему человеческое, нравственное

отношение или нет. Если да, то, естественно, общество посредством наказания не будет стремиться к мести, отмщению, а только подтвердит факт необходимой обороны от злодеяний и утвердит право на защиту своих членов. Иначе говоря, общество провозгласит: «Я хочу предупредить зло, преступления, защитить вас, граждане, а не уничтожать, унижать за эти деяния». В доказательство верности общество уже при определении уголовного наказания должно придерживаться принципа соответствия наказания преступлению, предусмотренному в законе, учитывая нравственный уровень народа. Например, во времена Драконта в Афинах почти за все преступления назначалось одно наказание — смертная казнь. Поэтому не случайно выражение Демиды: «Драконт написал законы кровью...».

Плутарх, упоминая о правлении афинянина Солона (VI в. до н. э.), одной из его основных заслуг признавал то, что он «прежде всего, отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве». Из этого исторического примера можно с уверенностью заключить, что законы Драконта были основаны не на нравственных началах, а на угнетении, страхе, ужасе. Однако, проследивая историю преступления и наказания, нетрудно заметить, что чередование периодов ужесточения наказания и смягчения (либерализации) не связано с какими-либо явными закономерностями. Каждое такое изменение имело конкретные исторические причины, которые могли быть и случайными. В частности, такого рода изменения зависят от общественно-политического устройства общества, от особенностей личности конкретного правителя, склонного или к тирании, или к милосердию. Следовательно, нравственные начала наказания зависят во многом от того, кто и в каких условиях и обстоятельствах им пользуется.

Принцип человеколюбия — не в самом средстве, а в самом обществе в лице государственной власти. Можно иметь достаточно демократические законы, основанные на нравственности и гуманизме, однако использовать их как средство репрессии, давления, угнетения.

Тем не менее история человечества свидетельствует, что уровень нравственных начал наказания напрямую зависит от уровня развития самой нации. В принципе, можно утверждать, что система наказаний, как зеркало, отражает нравы, устои, традиции, уровень сознания, в том числе правового, каждого народа, нации. С.П. Мо-

кринский отмечал: «...уголовно-политические соображения, с одной стороны, и с другой — нравственные воззрения руководящих кругов населения, юридические начала, уже воспринятые законодательством, и сила исторической традиции — таковы основные факторы, определяющие устройство уголовной репрессии»¹.

Совокупность наказаний, применяемых у каждого народа в определенную эпоху, образует систему наказаний. Выбор системы наказаний, то есть вид, размер, характер, степень жесткости и т. д., определяется состоянием общей культуры, нравственности, государственными и общественными условиями данной эпохи. В Риме, например, эта система первоначально была построена на композициях для незначительных преступлений, а для более важных — на институте сакрации, то есть посвящения преступника божеству; ему запрещалось давать убежище, в случае поимки его казнили, но граждане могли избежать этого наказания, добровольно покинув общество.

Древнегерманская система наказания основывалась на идее частного вознаграждения и идее бесправия. Преступление рассматривалось как нарушение частного права, наказание — как вознаграждение за это нарушение. Кто не может вознаградить деньгами, платит своей личностью, обращаясь в рабство.

Карательная система русского права пережила однородные исторические ступени. Подобно римской и германской, она началась с денежных взысканий, имевших целью частное вознаграждение потерпевшего. Совершенно иные идеи в систему наказания были внесены каноническим правом Западной церкви. Видя в преступном деянии грех, канонисты смотрели на наказание как на средство примирения преступника с обществом с целью умиловать Бога.

В принципе, определение системы наказания, а также характера отдельных его видов должно, безусловно, основываться, с одной стороны, на нравственных, а с другой — на юридических началах, которые законодатель не может игнорировать, если преследует цель предупредить преступные проявления, а не мстить преступнику.

Разумеется, законодатель может из политических или других корыстных соображений игнорировать такие начала. Однако

¹ Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. Ч. I–II. С. 19.

в конечном счете он убедится, что это недалёковидная и немудрая уголовная политика. Законодатель может идти впереди общества, показывая тем самым, что он — выразитель нравственного начала. И, наоборот, можно быть законодателем, оказавшимся позади общества из-за незнания нравственного и культурного уровня развития своего народа. В таком случае общество получает не только неэффективную, но и вредную систему наказаний.

Должен ли законодатель считать себя связанным с моральным мировоззрением своего народа? Конечно, он не должен и не может игнорировать мнение общества относительно справедливости наказания за определенное деяние, ибо не исключено, что общество не сочтет нравственно недозволенным, несправедливым конкретное наказание за то или иное деяние.

В таком случае законодатель может потерять авторитет и доверие со стороны населения. Это возможно тогда, когда наказание окажется слишком жестким, явно не соответствующим предусмотренному в законе деянию, а значит, противоречащим нравственному уровню народа. Эффекта от такого наказания ожидать не стоит. Оно практически будет игнорироваться людьми.

Законодатель, опираясь на сущность и содержание своего общественно-политического режима, может пользоваться наказанием как сильнейшим средством для проведения в обществе своих идей и взглядов на те или иные проблемы жизни.

Результатом нравственного развития человечества являются, как известно, поступательные шаги к смягчению системы наказаний, хотя и медленно. Однако история учения о наказании свидетельствует, что при одном и том же уровне развития принципов гуманизма, нравственности законодатели могут определять и применять в разных странах разнообразные системы наказания. Для нас история наказания и основы его построения интересны и поучительны не только в смысле познания сути этого феномена, но и в плане всестороннего изучения быта, обычаев, нравов, менталитета народа, использующего на протяжении веков это средство борьбы со злом, преступлениями как сильнейшее оружие воздействия на людей.

Система уголовного наказания почти у всех народов на ранней стадии своего развития, скорее, была средством ограничения обычаев, вытеснения нежелательных традиций, ибо они уже не соот-

ветствовали нравственному уровню той или иной нации. Вместе с тем такого рода санкции (наказания) носили не законодательный, а, скорее всего, повелительный характер. Интересно то, что эти карательные установления оказались схожими у отдельных рас, весьма отличных друг от друга. Таким образом, получается, что процесс развития системы уголовного наказания у всех народов почти одинаков.

Именно систему частной мести и личной защиты от посягательств многие считают первым этапом развития системы уголовного наказания в обществе. Всякий мог мстить за причинение ему зла способом, каким ему хотелось, и обычаи рода не считали подобное поведение преступным. Можно сказать, что племя, род, община как бы санкционировали такой способ борьбы с нарушениями прав и свобод других людей. С этого момента и появляется идея возмездия, то есть способ реагирования на зло, хотя еще не существовало уголовного наказания в том смысле, в каком мы понимаем его теперь, ибо возмездие не носило характер закона, принятого кем-либо. Считать жестокие телесные наказания, существовавшие в свое время почти у всех народов, совершенно отвергнутыми теоретически и практически нельзя, ибо они вполне соответствовали умственному, культурному и нравственному развитию той эпохи. Н. Евреинов отмечает: «Черты варварства, жестокости, душевной загрубелости, развращенности или приниженности, присущие той или иной нации, легко находят себе объяснение в тех мерах обуздания и устрашения, к которым долго народ привыкал в продолжение веков своей государственной формации»¹.

Именно телесные наказания в период Средневековья наиболее соответствовали сущности государства и общества того времени, умственному, нравственному и экономическому уровню. Тогда, возможно, нужны были наиболее карательные, жесткие и очень простые и дешевые наказания, каковыми и являлись телесные наказания, олицетворяющие грубую силу, развращающие и наказывающих, и наказуемых. Итак, разумно употребляемое наказание есть средство полезное и необходимое, а вовсе не безнравственное, и такое его применение, наоборот, прямо согласуется с нравственными началами, если, конечно, мы не переходим границу между нрав-

¹ Евреинов Н. История телесных наказаний в России. Харьков, 1994. С. 2.

ственным и безнравственным использованием наказания как устрашения и принуждения.

Нравственные начала как раз и выступают гарантом того, чтобы государство не превысило свои полномочия, требуя соблюдения пределов принуждения. Если общество посредством наказания не стремится к отмщению, то есть сохраняет к лицу, совершившему преступление, гуманное, человеческое отношение, а только подтверждает факт необходимой обороны от злодеяний и утверждает свое право на защиту своих членов, то можно считать, что граница соблюдается. Одним словом, принципы нравственности учат государственную власть, как достигать поставленных целей посредством наказания, не ущемляя интересы и свободы своих граждан, соблюдая правила нравственности отношений между государством и членами общества.

Нравственный принцип требует, чтобы люди свободно совершенствовались в условиях общества, которое не может существовать, если членам этого союза беспрепятственно предоставляется возможность совершать убийства, насилие, грабежи и т. д. Каково должно быть отношение общества к таким явлениям именно с нравственной точки зрения? В первую очередь — защита общих интересов и обеспечение общественной безопасности посредством наказания. Но чтобы это средство не оставалось пустой угрозой, оно должно опираться на реальную, действительную силу, достаточную для приведения его в исполнение.

Только посредством принуждения, устрашения, не допускающих физического насилия и унижения, возможно достижение поставленных государством целей, а значит, совершенствование самого общества. В то же время нравственное начало требует не только признания права обиженного, то есть потерпевшего, который по праву справедливости добивается заслуженного наказания для преступника, но и соответствующего отношения к самому виновнику преступления, то есть не унижения и истребления его, а именно наказания, соответствующего совершенному деянию с учетом его личности. Ведь одно лишь словесное вразумление, без всякого принуждения также противоречит нравственным началам наказания. К сожалению, исторический процесс нравственного совершенствования человечества пока еще не позволяет отказаться от

наказания и перейти к «общественной опеке над преступником»¹. Нравственные начала требуют, по В.С. Соловьеву, «жалеть обоих», иначе говоря, соблюдая принципы гуманизма по отношению к преступнику, мы не должны забывать о чувствах потерпевшего, а также о принципах социальной справедливости.

3. Можно не согласиться с позицией Л.Н. Толстого относительно роли наказания в противодействии насилию, злу, преступлениям. Однако он прав в том, что истина Христа, которую мы находим в Его учении, была впоследствии искажена наследовавшими ему церквями, которые объявили, что только они правильно понимают и исполняют Евангелие. Церкви также извратили смысл заповеди в учении И. Христа о непротавлении злу, что сыграло отрицательную роль в развитии нравственных начал уголовного права в христианстве Средневековья.

Истории известно, какое влияние на судьбу института преступления и наказания, в особенности смертной казни, в Европе оказала Христианская церковь.

Из письменных источников, посвященных исследованию Средних веков, известно, что в X–XII вв., когда наблюдалось усиление церковной власти и вследствие этого начала подниматься волна религиозной нетерпимости, любому совершенному преступлению давалась религиозная оценка. Церковь наказывала не за вред, нанесенный обществу, и не за преступление, направленное против человека, а за отход от Церкви, за отступление от слова Божьего, отступление, могущее и не сопровождаться уголовным преступлением².

Преступление, совершенное против Церкви, расценивалось как ересь и считалось более тяжким, чем-то, которое было направлено против человека или общества. Церковь приучила людей смотреть на ересь не просто как на преступление, а как на мать всех преступлений. Следовательно, и наказание для таких преступников должно быть более суровым. Начиная уже с VI в. Церковь стала требовать двойного наказания еретиков и привлекать к их наказанию светскую власть, так как считалось, что они совершили настолько тяжелое преступление, что с чистой совестью их можно отдать гражданским властям. Человек Средневековья за свои грехи и

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 2014. С. 471.

² Ширенгер Я., Институтис Г. Роковая книга средневековья. Молот ведьм / Пер. с лат. Н. Цветкова. Саранск, 1991. С. 6.

преступления был в ответе перед обществом, Церковью и Богом. Поэтому проблема преступления и наказания выходила за рамки уголовно-правовой сферы и перерастала в метафизическую, приобретая нравственно-религиозную значимость. Религиозность как доминанта духовной жизни Средневековья обуславливала роль Церкви как важнейшего института культуры. Церковь выступала в лице папства светской силой, стремящейся к господству над христианским миром. Перед Церковью стояла достаточно сложная задача: сохранить культурные и моральные ценности в обществе путем углубления религиозной сферы. И это, естественно, не могло не коснуться также института наказания. Церковью была поставлена цель устрашения, особенно ярко проявившаяся в Ветхом Завете: «Если не будешь стараться исполнять все слова закона сего, написанные в книге сей, и не будешь бояться сего славного и страшного имени Господа Бога Твоего, то Господь поразит тебя и потомство твое...» (Втор. Гл. 28). В русском Соборном уложении 1649 г. по степени общественной опасности на первом месте стояли преступления против православной веры и церкви: так, в ст. 1 этого Свода законов отмечалось, что «за «хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или на святых его угодников полагается смертная казнь через сожжение на костре». Аналогичным образом Артикул воинский 1715 г., в первую очередь, боролся под угрозой сожжения или членовредительства с идолопоклонством, чародейством и богохульством.

Если раннее христианство, которое больше заботилось о чистоте и распространении веры, на первый план в деле наказания ставило цель исправления преступников, отступивших и признавало ее столь важной, что почти не обращало внимание на идею возмездия и не определяло его как суть наказания, то канонисты Средневековья, увлекаясь заповедями Ветхого Завета, доходили до защиты и пропаганды талиона (Хризостон, Исихост, Пелюзиота, Теодорет и др.). Например, видный представитель раннего христианства Тертуллиан запрещал христианам даже занятие тех должностей, с которыми были связаны необходимость произносить смертные приговоры и назначать другие жестокие наказания, а Лектанций категорически утверждал, что Господь, запрещая убивать, возбраняет не только убийство для грабежа, но и всякое убийство, в том числе и смертную казнь. В частности, он говорит

о применении смертной казни к преступлениям против религии: «Религия не должна быть защищена казнями... ибо, если кто-либо пожелает защитить ее с помощью мучений и пролития крови, то он не защитит, а напротив, запятнает ее и принесет ей вред»¹. Однако христианство Средневековья смешало понятия греховного, безнравственного и преступного, из-за чего был объявлен наказуемым целый ряд деяний, ранее не считавшихся преступными. Мало того, было потребовано применение более строгих наказаний за богохульство, нарушение клятвы или присяги, скотоложство и др. На практике это привело к поистине чудовищным результатам, ибо вызвало невероятную жестокость наказаний. Канонисты, проповедуя публичный характер наказания, ввели одновременно и одобрение жестоких казней. Но как быть с тем значением, которое придавало институту преступления и наказания учение самого Христа, раскрывшее идеал Бога, Отца людей, желающее не смерти грешника, а его исправления, изложившее теорию любви и снисхождения к ближнему? Отвечая на этот вопрос, христианская религия Средневековья утверждала, что бывают случаи, когда убийство дозволено и не подпадает под запрет Христа (Августин, Киприан). Право наказания канонистами было объявлено только правом Бога, и без Его полномочия никто, даже общество, не имеет власти налагать какое-либо наказание на человека, на его свободу и жизнь. Но кому Всевышний передал свое право применять наказание в реальной жизни? Ведь понятно, что Сам Господь этим непосредственно не занимается. Средневековое христианство допускало делегирование такого права духовным и светским властителям, на которых возлагали обязанность наказывать с целью возмездия, а не ради безопасности общества. Канонисты, рассматривая возмездие как приобретенную цель, тем не менее указывали и на общепредупредительную, устрашающую, охранительную функции наказания (Исидор, Августин). Например, Августин наряду с указанными целями говорит также об исправлении, отождествляемом им с раскаянием грешника в своей вине. Фома Аквинский утверждает, что наказание по естественной человеческой склонности преследует цель возмездия и восстановления порядка. Не трудно заметить, что канонисты со своей религиозно-нрав-

¹ См: *Helzel*. Die Todesstrafe in inzez Kulturgeschichichtlichev Funtwicklung, 1870. S. 71–73.

ственной точки зрения стремились в основу наказания положить ответственность человека, основываясь на понятии вины. Чего же полезного добилась средневековая религия возвращением Церкви к установлениям Ветхого Завета на институт наказания? Признания публичного характера наказания, так как возмездие означало борьбу с кровной местью и частноправовым взглядом на преступление, существовавшим в обществе того времени. Пожалуй, это было единственно положительное, что дало средневековое христианство в лице канонистов определенной части человечества.

Применение института наказания в период Средневековья канонистами в силу его жестокости и бессмысленности послужило основанием для критики христианства со стороны многих мыслителей. Все большее число христиан, в особенности просвещенных, стало стыдиться многочисленных жестоких эпизодов истории христианства — кровавых Крестовых походов, судов инквизиции и гонений во имя «праведного» Бога. Жан-Жак Руссо писал: «Христианский закон более вреден, чем полезен, для прочного государственного устройства»¹. Он яростно обвинял христианство за его «властолюбивый дух»² и «самый жестокий деспотизм в этом мире»³. Еще более резко высказался Ницше: утверждение христианства было «катастрофой»⁴, «величайшим несчастьем человечества»⁵, оно «совершенно раздавило и сломало человека и как бы погрузило его в глубокую тину»⁶.

Н. Макиавелли даже обвинял христианство в том, что оно привнесло «смуту и пагубный раздор», удручавшие мир⁷, внесло немощь в мирские дела, что его главы и прелаты были бесчестны. Он сравнивал христианство с языческими культурами и отдавал предпочтение последним. Это было отвержение от христианства. Однако, кто знает, может быть, современная христианская Европа

¹ Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре, или принципы политического права // Жан-Жак Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М., 2000. С. 316.

² Там же. С. 315.

³ Там же. С. 314.

⁴ Ницше Ф. Ессе Ното. По ту сторону добра и зла. Ессе Ното. Человеческое, слишком человеческое. Злая мудрость. Минск, 2007. С. 422.

⁵ Ницше Ф. Антихрист. С. 313.

⁶ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. С. 525–523.

⁷ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002. С. 239.

не стала бы такой законопослушной, какой является сейчас, если бы в европейских странах в период их становления и духовного развития не действовали жесткие наказания за многие преступления, включая лишение жизни. Кроме того, сегодняшние евреи, возможно, не были бы так преданы своей религии, как сейчас, если бы в свое время Моисей не применял в отношении своего народа жесточайшие законы и наказания Пятикнижия.

Глава IV

ИСЛАМ (КОРАН) — ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО АЛЛАХА: СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗДАНИЕ

§ 1. Предназначение Священного Корана и зарождение института наказания

Чтобы понять, как происходили зарождение и эволюция института наказания в исламе, необходимо ознакомиться с жизнью арабов до появления Корана.

1. Эра неведения. В переводе с арабского слово «араб» означает «пустынные земли», «бесплодная земля, где нет ни воды, ни растений». Так с древнейших времен называли и сам Аравийский полуостров, и людей, выбравших эту землю местом своего проживания. Арабы, являющиеся потомками Исмаила, именуются араби-зированными арабами. А их прародителем, естественно, считается пророк Ибрахим (Авраам). Пророк Мухаммад этим, кстати, очень гордился и говорил, что «поистине Аллах избрал Исмаила из сынов Ибрахима, и избрал Кинану из сынов Исмаила, и избрал сынов Хашима из числа курейшитов, и избрал меня из числа Хашима». Мухаммад, таким образом, доказывал, что Он является не просто потомком Исмаила, а избранным Всевышним из представителей этого знаменитого рода. Сами арабы относят предание о своей стране к самой отдаленной древности. По их словам, она была заселена вскоре после Всемирного потопа потомством Сима, Сына Ноя. Арабы — тот народ, который оказал гостеприимство Агари и Исмаилу, изгнанным из дома патриархом Авраамом. Относительно Сима и Ноя сказать что-нибудь убедительное не представляется возможным с научной точки зрения. А то, что арабы, действительно, народ очень древний, бесспорно. Не совсем правдоподобной представляется также версия, согласно которой Авраам изгнал из дома свою арабскую жену с сыном, ибо вряд ли Аллах мог определить своим посланником такого человека, характеризующегося

отрицательными нравственными качествами. В настоящее время мужчина, совершивший подобный поступок, как минимум, был бы объектом общественного порицания.

Не вдаваясь глубоко в доисламский период истории арабов, отметим лишь, что сами мусульмане называют это время ал-джахилийя, то есть эра неведения: во всем арабском мире царила обеспокоенность и духовная тоска. Арабы, казалось, были обречены на вечное варварство. Непрестанные войны между племенами не позволяли им объединить свои усилия и стать единым арабским народом, хотя необходимость общности смутно осознавалась всеми. Отсутствовала центральная власть, поэтому каждое племя само устанавливало себе порядки и законы. Кровная месть была единственным средством поддержания социального порядка. Иначе говоря, это была грубая форма правосудия. В доисламский период араб обязан был целиком отдавать себя благородному делу мести за любую обиду, нанесенную племени, и, не щадя своей жизни, защищать слабых сородичей. Глава племени поровну распределял пищу и все остальное между членами племени, а за убийство любого из них отбирал жизнь у кого-то из рода обидчика. Не было нужды наказывать самого убийцу, да и не было такого органа, который был бы обязан это сделать по роду своей службы, ибо в таком обществе, каким оно было в доисламской Аравии, человек и без того мог бесследно исчезнуть в любой момент. Для мести «вполне годился» любой член вражеского племени.

Одним словом, обращение за защитой к племенам или родам было характерным явлением жизни не только у арабов, но и у других народов и племен. Это социальное явление у всех древних народов было тесно связано с понятием *возмездия*, принципом «око за око». Кстати, именно благодаря такому обычаю кровной мести противники Мухаммада, несмотря на жесткое давление, которое они оказывали на него, ничего более этого не могли сделать, ибо Мухаммад принадлежал к роду Хашим, способному и обязанному мстить за него. Таким образом, существовавшие тогда традиции и обычаи арабов, общие для всех, в частности связанные с меккой, возможно, спасли Мухаммада от смерти.

В эру неведения арабы зачастую, например, когда жертва принадлежала к знатному роду, требовали убийства не только преступника, но и кого-то еще; казнь одного убийцы их не удовлетворяла,

если таковым, в частности, были раб или женщина. Придет время, и Коран отменит этот обычай (Коран. 2/178).

Широкое распространение среди всех слоев общества получили пьянство и разврат, в особенности прелюбодеяние, ибо в большинстве своем люди, жившие в доисламский период, не видели ничего зазорного в таких поступках. Исключая браки среди знати у арабов, связи между мужчинами и женщинами, принадлежащими к неимущей социальной группе общества, можно охарактеризовать, мягко говоря, не иначе как безнравственность, бесстыдство и распутство. Например, в хадисе, приводимом в «Сунан» Абу Фауда и передаваемом со слов Аиши, сообщается, что во многих случаях, по обычаю арабов доисламского периода, после того, как у жены какого-либо араба прекращались месячные, муж мог послать ее к другому мужчине, чтобы она зачала от него, сам же он не прикасался к ней, пока не выяснялось, что она забеременела от другого, а потом он снова мог спать со своей женой, если хотел. Смысл этого обычая был в получении потомства, наделенного всевозможными достойными качествами. Существовал также другой вид брака, характеризовавшийся еще большей безнравственностью: собиралась группа мужчин в количестве менее десяти человек, после чего каждый из них входил к одной и той же женщине и совершал с ней половое сношение. Забеременев и родив, она называла имя отца ребенка. И никто не мог с этим не согласиться. По обычаю, мужчины могли иметь сколько угодно жен, и бывало так, что в этом качестве выступали одновременно две родные сестры или даже бывшие жены их отцов, если те развелись с ними или умерли (Коран. «Женщины». 22/23). Наступает то время, когда после начала осуществления своей миссии пророк Мухаммад отменит все виды браков и оставит только ту его форму, которая существует в исламе и сейчас.

Можно ли считать, что в доисламский период положение женщин в Аравии было далеко не так ограничено, как впоследствии? В дальнейшем мы убедимся, что целью Корана было не ограничение прав женщин, а устранение безнравственных обычаев и традиций в семейно-брачных отношениях. Если до появления Корана восточные женщины, в том числе и в Аравии, несли на себе бремя комплекса неполноценности, характерного в ту эпоху для всей ойкумены, то их сестры на Западе были помечены еще и клеймом презренной и греховной похоти, из-за чего от них надлежало с ужасом

и омерзением отмахиваться¹. Как известно, в эпоху Августина, в начале V в. на Западе уже царили женоненавистнические настроения из-за Евы, по вине которой был наказан Адам. И Августин был с этим полностью согласен. В письме к другу он писал: «Нет разницы, жена она или мать, — это все та же Ева — искушительница, которой следует остерегаться в любой женщине»². Более того, Августин никак не мог взять в толк, зачем Богу вообще понадобилось создавать женский пол, ведь, в конце концов, «если Адаму и требовалось общество приятного собеседника, куда лучше было бы свести двух друзей-мужчин, чем мужчину и женщину»³. Были и другие обычаи и традиции в доисламский период у арабов, которые способствовали разложению общества: они хвалились употреблением вина, ибо считали это проявлением щедрости и свидетельством богатства. Любимым занятием состоятельных арабов были также азартные игры, при этом все, что было выиграно, отдавалось бедным.

Христиане, как прежде Иудеи, были сильно возмущены, когда в VII в. в Аравии появился пророк, известивший, что он получил прямое откровение от Бога и принес своему народу новое Священное Писание. Итак, еще одна разновидность единобожия, получившая впоследствии название «ислам», с поразительной скоростью распространилась по всему миру и стала так же, как иудаизм и христианство, мировой религией.

Древние израильтяне, как заметил Карен Армстронг, добрых семьсот лет не могли избавиться от прежних религиозных убеждений, в то время как арабам, благодаря Мухаммаду, удалось совершить этот труднейший переход всего за двадцать три года. Мухаммад как поэт и пророк, Коран — шедевр и Богооткровение — безусловно, самые яркие и необычайные свидетельства глубинного созвучия искусства и религии⁴.

Для правильного понимания и глубокого осмысления сущности и предназначения Священного Корана необходимо хотя бы кратко обратиться к жизни Пророка Мухаммада. В самом Коране отсутствуют какие-либо упоминания о нем до его призвания. Мухаммад

¹ Армстронг К. История Бога. 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе. М., 2008. С. 141.

² Письма, 243:10.

³ О Книге Бытия буквально, IX:59.

⁴ Армстронг К. Указ. соч. С. 165.

был одновременно Пророком и политическим главой общины. Аллах, говорит историк Абдуль Феда, наградил Мухаммада всеми дарами, какие нужны для совершенства и украшения честного человека; он был так чист и искренен, так далек от дурной мысли, что его больше знали под именем аль-Амин, то есть «верный»¹.

Мухаммад не оставил ни своего Декалога, как Моисей, ни своей Нагорной проповеди, как И. Христос, но представил детализированную картину поведения правоверного на основе Священного Корана. Сунна значительно объемнее, являет собой свод жизни Мухаммада в форме Его строго засвидетельствованных высказываний и поступков. Вообще, следует отметить, что без знакомства с личностью Мухаммада и Его высказываний, изречений, диалогов, бесед с разными людьми невозможно понять значимость, сущность Корана, так же как трудно уяснить суть, целевое назначение Священного Послания, не зная доисламскую Аравию и жизнь этого народа в эру неведения.

В Коране, который Он принес арабам в начале VII в., говорилось, что первая обязанность мусульманина — создать справедливое, основанное на равенстве общество, где будут уважать бедных и слабых. Для этого, разумеется, были нужны новые правовые институты и, в частности, новая уголовная политика в борьбе с устаревшими и вредными традициями и обычаями. Мухаммад дал арабам духовность, прекрасно сочетавшуюся с давними традициями. В ней таилась такая сила, что не прошло и сотни лет, как у арабов уже была своеобразная цивилизация и собственная великая империя, протянувшаяся от Гималайских гор до Пиренеев². И все это благодаря тому, что враждующие арабские племена объединились одной верой и воодушевились общей задачей. В. Ирвинг пишет: «Явился мощный пророк, сплотивший эти разрозненные части, вдохновивший их одной смелой и восторженной идеей и двинувший этих титанов пустыни потрясать и пересоздавать земные царства»³.

Однако Мухаммад никогда и нигде не утверждал, как, например, И. Христос, что создает новую религию. Он принес исконную религию человечества своему народу, племенам Аравии, которые

¹ Цит. по: Ирвинг В. Жизнь Магомета. Путь человека и пророка. М., 2015. С. 39.

² Амстронг К. Указ. соч. С. 153.

³ Ирвинг В. Указ. соч. С. 20.

прежде не знали пророков и не имели Священного Писания, в отличие от евреев и христиан, на собственном арабском языке. Со времен Адама Господь посылал всем народам на земле своих вестников, чтобы они рассказали людям, как им следует жить (Коран. 35:24-26).

Мухаммад стал Посланником и вестником Аллаха не только для племен и народов Аравии, но и для сотен миллионов людей на земле. Следует особо подчеркнуть, что Мухаммад уже в детстве проникся уважением к еврейской вере, более знакомой и понятной арабам, в связи с чем некоторые источники даже ошибочно полагают, что Его мать исповедовала эту религию. Хотя можно было так предположить, ибо она была родом из города Ястреба (Медина), где подавляющее большинство населения были евреи, исповедующие иудаизм. На религиозные взгляды Мухаммада оказал влияние и двоюродный брат Его жены Хадиджи — Барака, который первым перевел на арабский язык часть Ветхого и Нового Заветов. Сначала он сам был иудеем, потом — христианином. В итоге, вера, которую проповедовал Авраам, прибыв из Халдеи, стала для Мухаммада религией истины и правды, поскольку Он очень чтит этого патриарха, как отца Исмаила, родоначальника его племени. Религия эта исповедовала прямое и духовное поклонение единому истинному Богу, Творцу неба и земли. «Скажите: “Мы уверовали в Аллаха, а также в то, что было ниспослано нам и что было ниспослано Ибрахиму (Аврааму), Исмаилу (Измаилу), Исаку (Исааку), Йакубу (Иакову) и коленам (двенадцати сыновьям Иакуба), что было даровано Мусе (Моисею) и Исе (Иисусу) и что было даровано пророкам их Господом. Мы не делаем различий между ними, и Ему одному мы покоряемся”» (Коран. Сура 2, аят 136). И в заключение приведем слова Р. Белл и У. М. Уотта о личности Пророка Мухаммада и Его вере: «Необходимо отбросить все средневековые представления и считать Мухаммада человеком, который был честен в своих действиях и искренен в намерениях, вещая об откровениях, которые, как он верил, приходили к нему от Бога»¹.

Л.С. Васильев утверждает, что «Мухаммад не был глубоко оригинальным мыслителем. Как основатель новой религии он явно уступал в этом плане другим, будь то полубогословные Зороастр,

¹ Белл Р., Уотт У.М. Коранистика. Введение. М., 2005. С. 28.

Будда, Лао-цзы и Иисус или вполне реальный Конфуций — в силе и глубине интеллектуального потенциала»¹.

В силу этого, как считает Л. Васильев, Мухаммад «всю догматику своего учения, включая пророков от Авраама до Иисуса, откровенно заимствовал из Библии»². Именно поэтому, по его мнению, «в теологическо-философской части Коран буквально насыщен заимствованиями из Библии, что и понятно: не будучи крупным оригинальным мыслителем, Мухаммад с готовностью брал уже известное ему и с легкостью включал (от имени Аллаха) почти без изменений в свои проповеди»³. По всему видно, что автор данных строк — атеист и отрицает божественность Корана, в связи с чем не в состоянии понять, что многочисленное совпадение установлений (посланий) Корана и Библии объективно и вполне объяснимо, ибо Всевышний до Корана передавал Свои Священные заповеди через Моисея и Иисуса. Следовательно, эти Священные книги не могли в корне быть различными и противоречить друг другу в целом. Верно то, что в Коране находит подтверждение многое из того, что Всевышним уже было установлено ранее в Библии. Но это уже дело Бога, ибо Коран так же, как и Библия, послан людям Господом Богом, а не является результатом творчества Моисея, Иисуса или Мухаммада. Что касается личных качеств Пророка Мухаммада, то существует достаточно много доказательств, подтверждающих ошибочность мнения Л. Васильева: все перечисленные автором исторические личности уступали Мухаммаду во многих отношениях, хотя сам Пророк никогда не ставил себя выше остальных посланников Всевышнего, о чем говорится и в Коране, и в хадисах. В истории не было такого, чтобы религия была создана и распространена одной личностью — это позволяет нам назвать Мухаммада великим.

Какова же была историческая миссия Мухаммада, определенная Всевышним? Д.В. Щедровицкий считает, что суть данной миссии заключалась в возведении единобожия и призыве к возвращению в лоно чистой веры праотца Авраама⁴.

На наш взгляд, не только в этом. Читаем Коран: «Он ниспослал тебе Писание с истиной в подтверждение того, что было до него.

¹ Васильев Л.С. История религии Востока. М., 2006. С. 377.

² Там же.

³ Там же. С. 395.

⁴ Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. М., 2016. С. 15.

Он ниспослал Таурат (Тору) и Инджил (Евангелие)» (Сура 3, аят 3). И далее: «...которые прежде были руководством для людей. Он также ниспослал Различение (Коран)...» (Сура 3, аят 4). Как видим, одной из важнейших целей миссии Пророка Мухаммада является также подтверждение истинности всех прежних пророков и осуществление целого ряда их пророчеств. В Коране подчеркивается общность учений и целей всех истинных пророков, а сам он призван способствовать решению их главной задачи — возвращению всего человечества к Богу.

Итак, именно с приходом Мухаммада исполнилось пророчество, упомянутое в Торе: «Об Измаиле я услышал тебя: вот, Я благословляю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родится от Него; и Я произведу от него великий народ» (Быт. 17,20). Это был ответ Бога Аврааму. Кроме того, Аллах помог арабам посредством Мухаммада объединить все арабские племена Аравийского полуострова, так же как в свое время Бог помог Моисею в спасении его народа и создании государства Израиль.

Почему же арабы не приняли иудаизм или христианство? Как уже было отмечено, свои религиозные взгляды арабы до появления ислама называют эрой неведения. Считается, что эти взгляды были заимствованы большей частью от сабеев и магов, в первоначальном виде, религия которых была чиста и духовна: заключая в себе веру в единого Бога, она учила о возмездии за добро и зло в будущей жизни и о необходимости добродетельной и святой жизни для приобретения счастливого посмертия. Однако постепенно религия лишилась своей первоначальной простоты и заменялась таинствами, погрязая в идолопоклонстве. В отличие от сабеев, у арабов идолопоклонство отличалось грубостью и смешалось с дикими предрассудками. В числе религиозных обязанностей арабов в доисламский период пост и молитва играли первостепенную роль. В течение года существовало три главных поста: один продолжался *семь*, другой — *девять* и третий — *тридцать дней*. Арабы молились ежедневно по три раза: при восходе солнца, в полдень и при закате, обращаясь лицом по направлению к Каабе, служившей для них местом поклонения. В. Ирвинг считает, что «церемония и образы, совершавшиеся в этом священном здании, могли с раннего детства наложить свой отпечаток на Магомета, воспитанного в доме охранителя Каабы, и

направить его на размышления о религиозных вопросах, которые и поглотили его всецело»¹.

Иудеи и христиане, с которыми жители Аравии тесно соприкасались, насмехались над арабами, считая их варварами, не выдавшими Божественного откровения. Иудейская вера рано проникла в Аравию, но в очень неопределенном и несовершенном виде. Видимо, поэтому арабы не приняли единобожия евреев, проживающих в Аравии. Тем не менее многие из обрядов, церемоний и причудливых традиций прижились в этой стране. Например, обряд обрезания издревле существует как у евреев, так и у арабов, хотя почему-то многие мусульмане в других странах считают, что такой обряд имеет религиозно-мусульманский смысл и непосредственно связан с исламом. Христианская религия тоже имела последователей среди арабов. Апостол Павел в своем Послании к галатам говорит, что он вскоре после того, как призван был проповедовать среди язычников, «пошел в Аравию». Христианство превратилось до Корана в трудную для понимания разновидность язычества, где странным образом смешивалось божественное и человеческое. Соответственно эта религия не оказала серьезного воздействия на души исповедовавших ее арабов в силу того, что ее установления были слишком далеки от привычного им образа жизни, отказаться от которого они были не в состоянии. В силу этого религия, которую приняли арабы, созданная Пророком Мухаммадом на основе Божественного Корана, более близка к иудаизму, чем к христианству. Даже в выборе религии Бог дал свободу воли человеку, то есть Он создал его свободным во всех его действиях и размышлениях. Слово Божье впервые прозвучало на арабском языке и стало той властью, которую со временем запишут и назовут ал-куран — «чтение вслух». Однако не безынтересно отметить, что истории известны факты, когда народы принимали ту или иную религию не вследствие божественного послания, как арабы, или же в результате насильственного обращения, как многие народы современного мусульманского мира, а по чисто политическим соображениям. Так тюрки-хазары, которые образовали первое феодальное государство Восточной Европы, стоявшее в одном ряду с Византийской империей и Арабским халифатом (Хазарская империя VII–X вв.). Хазарский тюркский каганат отличался веротерпи-

¹ Ирвинг В. Указ. соч. С. 29.

мостью. Основной религией было тэнгрианство. Чтобы усилить свое влияние в Хазарии, Византия старалась через купцов и миссионеров внедрить христианство. Арабский халифат для распространения в каганате ислама прилагал еще большие усилия, чем Византия. Сохранить независимость Хазария могла лишь избежав принятия двух существующих противостоящих мировых религий — христианства и ислама, в противном случае она оказалась бы подчинена власти византийского императора либо багдадского халифа. Иначе говоря, обращение в одну из этих религий означало бы подчинение: конец независимости. В такой политической ситуации логика сама подсказывала принять и третью веру, не связанную ни с христианством, ни с исламом, в то же время более древнюю — *иудаизм*. Это было несомненно политическое решение. Но нельзя полагать, что народы Хазарии слепо приняли эту религию, так как они столетиями общались с евреями и достаточно хорошо были знакомы с их религиозными традициями и ритуалами. В итоге, на восточной окраине Европы, между Кавказом и Волгой образовалось иудейское государство тюрков-хазар.

Некоторые представители других религий считают, что догматы веры и законы ислама заимствованы из еврейской (в большей степени), частью из христианской и древнеперсидской религий. Например, В. Ирвинг полагает, что «система, лежащая в основе Корана, опирается, главным образом, на христианское учение Нового Завета»¹, потому что Мухаммад заимствовал у Барака, который первым перевел на арабский язык часть Ветхого и Нового Заветов, сведения об этих Священных книгах, о преданиях Мишны и Талмуда, из которых так много почерпнул для Корана². Но ведь Коран — это не творчество Мухаммада, а Послание Всевышнего. Поэтому слово «заимствование» не уместно. Действительно, очень многое в Коране, относящееся, в частности, к области уголовного законодательства, соответствует положениям Библии, так же как многие положения Евангелия совпадают с содержанием Ветхого Завета. И это вполне естественно, ибо автор всех трех Священных Писаний — Господь Бог — Единственный и Неделимый. Всякий раз для обновления истинной веры — единобожия Всевышний отправлял к различным народам своих посланников, в том числе Авраама, Мо-

¹ Ирвинг В. Там же. С. 55.

² Там же. С. 41.

и Иисуса. Последним из них был Мухаммад, давший человечеству Коран в окончательном виде. Следовательно, это означает, что после пророчества Мухаммада все предыдущие Божьи Законы отменяются Всевышним и действуют только положения Корана.

Он милосерд: Он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету
И да падет с очей туман.

А.С. Пушкин «Подражание Корану»

2. Коран (араб, al-Gur'an) — религиозная книга, священная для приверженцев всех исламских направлений. Она служит основой мусульманского законодательства, как религиозного, так и гражданского. Согласно учению ислама, Коран является прямым, вечным и несотворенным словом Аллаха¹. В арабском переводе Библии слово «Бог» переведено как «Аллах». Имя Эллах (Элох, Элоах) встречается в Ветхозаветной книге Бытия. «Он не дал знать умом о пределах Его описания, но и не сокрыл умы от обязанности Его познания»².

Слово «Коран» происходит от арабского и переводится как «чтение вслух, наизусть». Коран состоит из 114 Сур (глав) и около 6600 аятов (стихов). После смерти Мухаммада, когда в одной из битв погибли 70 чтецов Корана, которые знали его наизусть, появилась угроза потери Священной книги. Поэтому по решению первого халифа Абу Бакра были собраны все стихи Корана, но в виде отдельных записей.

Первый полный единый список Корана датируется 651-м годом (период правления халифа Османа (644–656)). Данный текст дошел до наших дней в неизменном виде и не может быть, по утверждению мусульманских богословов, сочинением кого-либо, кроме Аллаха. «Скажи: “Если бы люди и джинны объединились для того, чтобы сочинить нечто, подобное этому Корану, это не удалось бы им, даже если бы они стали помогать друг другу”» (Коран. Сура 17, аят 88).

Кроме Корана мусульмане признают и другие Священные Писания, однако считают, что они были искажены в ходе истории,

¹ *Аллах* (араб, al-lah) — имя единого Бога — Творца в исламе.

² *Халиф Имам Али ибн Абу Талыб*. Трактат «Нахдис аль Балата».

а также утратили свою роль после ниспослания Корана, который является последним из Писаний до Судного дня.

Известно, что Библия — плод труда десятков авторов, работавших на протяжении тысячелетия, если не более продолжительного времени. Коран же появился благодаря одному человеку, а точнее, посредством одной личности от Всевышнего, за два десятилетия. Если существование Моисея вообще отрицается многими, а существование И. Христа ставится некоторыми авторами под сомнение, то историчность Мухаммада ни у кого и никогда не вызывала споров.

Сущность учения Корана по содержанию включает в себя, в первую очередь, признание Корана последним и совершеннейшим Посланием Божьим, не отвергая святости предшествовавших Корану книг откровений — Ветхого и Нового Заветов. В то же время Коран, как вытекает из его содержания, передает арабам то же самое божественное веление, которое до этого было открыто Всевышним другим народам посредством предыдущих посланий, — стремление к социальной справедливости и равенству, которые приведут тех, кто примет это Священное Писание, к гармонии с основополагающими законами существования. Поэтому, подчиняясь Божьей воле, мусульманин ощущает созвучность с истинным порядком вещей. Нарушение Божьего закона воспринимается как нечто неестественное, как если бы рыба попыталась жить на суше. Коран включает в себя все то, что может касаться устройства страны и управления народом по всем отраслям законодательства.

Еще в середине XIX в. Николай Торнау в своей книге, посвященной государю императору Николаю Павловичу — самодержцу Всероссийскому, писал: «Целью Корана — в религиозном отношении — было низвергнуть и искоренить идолопоклонство между Аравитянами, возродить в них чувства нравственности и врождения добродетели и утвердить их на положительных законах и образах религии; наконец, противодействовать верованию евреев, особенно раввинистов, также и лжеучению гностиков, сабелиан и других ересей, искажавших истинное учение о Пресвятой Троице, и из которых, вероятно, Магомед почерпнул свое ложное, сбивчивое понятие о Христианской религии»¹. При этом автор ссылается на Коран

¹ Торнау Н. Изложение начал мусульманского законодательства. СПб., 1850. С. 2.

(Сура 5, аят 18), но не совсем верно понимает смысл данного Послания Аллаха. Обратимся к аяту 18: «Иудеи и христиане сказали: “Мы сыны Аллаха и Его возлюбленные”. Скажи: “Почему же Он причиняет вам мучения за ваши грехи? О нет! Вы всего лишь одни из людей, которых Он сотворил. Он прощает, кого пожелает, и причиняет мучения, кому пожелает. Аллаху принадлежит власть над небесами, землей и тем, что между ними, и к Нему предстоит прибытие”». Аллах в этом аяте не требует противостояния иудаизму, и еще раз подчеркивается, что евреи и христиане такие же люди, как и все на этой земле, что Всевышний никаких различий между людьми не делает и что у Него нет особых и возлюбленных, всех Он сотворил одинаковыми и равными. Далее Аллах напоминает евреям и христианам об их грехах, за которые они заслужили мучения и страдания, однако были прощены Всевышним. Что касается последней, заключительной части высказывания автора, то следует отметить, что все прописанное в Коране относительно христианской религии, а также иудаизма, принадлежит не Мухаммаду, а Аллаху.

Итак, цель Корана — борьба не с иудаизмом и христианством, а с идолопоклонством, с многобожием. Поэтому, с точки зрения ислама, иудеи и христиане не считаются неверными, а называются «людьми Писания», и насильное обращение их в ислам является *харамом*.

Очень часто на Западе утверждается, что учение о *джихаде* пустило корни в Коране и закрепилось в нем. Нигде, ни в Коране, ни в хадисах Пророка Мухаммада нет ни намек на то, что ислам приветствует убийства или насилие в отношении представителей других религий.

Что означает слово «джихад» — внутреннюю борьбу, как утверждают мусульманские богословы, или насильственную борьбу против неверных? Этот вопрос особенно остро встал после 11 сентября 2001 г. Кто прав? В Коране ответа мы не найдем, хотя часто ссылаются на аят 5 Суры 9: «Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду. Если же они раскаются и станут совершать намаз и выплачивать закят, то отпустите их, ибо Аллах — Прощающий, Милосердный». Из содержания этого аята видно, что речь идет не о неверных, а о безбожниках, что подтверждается и в других аятах Корана

(9:6; 60; 8-9; 2:190; 60:7). Например, в аяте 6 Суры 9 сказано: «Если же какой-либо многобожник попросит у тебя убежища, то предоставь ему убежище, чтобы он мог услышать Слово Аллаха...».

Еврейская Библия (Второзаконие) предписывала учинять в городах соседей — неверующих тотальный геноцид: убийства всех мужчин, женщин и детей, не говоря уже о домашнем скоте. В Коране нет ничего сопоставимого с этой, бесспорно, самой низкой в нравственном отношении точкой зрения во всех авраамических Писаниях¹.

На Западе утверждают, что ислам — религия насилия, и ссылаются на Коран, забывая при этом Крестовые походы, когда Христианская церковь ссылалась на Ветхий Завет.

Действительно ли учение о джихаде пустило глубокие корни в исламе? Одобрил бы Аллах действия джихадистов? Зачем Всевышнему такое насилие? Если Аллах одобряет действия джихадистов, значит, Он хочет таким образом (путем) кого-то наказать. Но кого? Можно ли в таком случае джихад считать формой (видом) Божьего наказания? Нигде — ни в Коране, ни в хадисах нет ни намека на то, что Мухаммад приветствовал бы убийства женщин или детей, как это делал Моисей.

Большинство аятов Корана повествуют не о том, как мусульмане наказывают неверных здесь и сейчас, а скорее о том, как Бог карает неверных после смерти. Однако это не означает, что Божественное возмездие в загробной жизни в итоге способствует возмездию со стороны человека в реальном мире.

Итак, никакого «учения» о джихаде в Коране нет. Следовательно, беспочвенны попытки протолкнуть в него идею (независимо от того, кому она принадлежит), что джихаду даровано Божественное благословение.

Джихад следует понимать как внутреннюю борьбу, а не как военные террористические действия против неверных. Хотелось бы в связи с этим обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Коран неоднократно обращается к разногласиям между Торой и Евангелием, в частности в вопросе о понятии преступления и сущности наказания. Об этом позже.

¹ Райт Р. Эволюция Бога. М., 2017. С. 40.

Из текста Корана с ясностью следует, что Синайский завет, заключенный с народом Израиля при Моисее, остается в силе и соблюдающие его спасаются для жизни вечной: «Уверуйте в то, что я ниспослал в подтверждение того, что есть у вас, и не становитесь первыми, кто отказался уверовать в это. Не продавайте Мои знамения за ничтожную цену и Меня одного бойтесь» (Сура 2, аят 41). В Коране приводятся слова, сказанные Богом Иисусу относительно разногласия между Его учениями и Ветхим Законом: «Вот сказал Аллах: “О Иса (Иисус)! Я упокою тебя и вознесу тебя к Себе. Я очищу тебя от тех, кто не уверовал, а тех, которые последовали за тобой, возвышу до самого Дня воскресения над теми, которые не уверовали. Затем вам предстоит вернуться ко Мне, и я рассужу между вами в том, в чем вы разошлись во мнениях”» (Сура 3, аят 55).

В Коране неоднократно обращается особое внимание на проповедь Иисуса о том, что его последователи должны соблюдать Тору. Вот слова Моисея в Торе: «Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам заповедую» (Втор. 4,2).

В Евангелии на это обращение Моисея находим слова: «Доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота и ни одна черта не прейдет из Закона (Торы), пока не исполнится все» (Мф. 5,18).

Всевышний подтверждает в Коране, что именно в Торе были даны наилучшие законы: «Мы также даровали Мусе (Моисею) Писание в завершение милости к тому, кто был добродетелен, как разъяснение всякой вещи, верное руководство и милость, дабы они уверовали во встречу со своим Господом» (Сура 6, аят 154). Далее: «Это — благословенное Писание, которое Мы ниспослали. Следуйте же ему и будьте богобоязненны, быть может, вы будете помилованы» (Сура 6, аят 155).

Упомянув о противоречиях и разногласиях в Торе и Евангелии и определяя их назначение, Всевышний одновременно подтверждает, что Коран по статусу своему стоит с ними в одном ряду.

Ко времени этого послания Аллахом Тора уже была общепризнанным Священным Писанием иудеев на протяжении около 2000 лет, а Евангелие — Священным Писанием христиан в течение 6 веков. Всевышний посредством Корана напоминает людям, что Тора и Евангелие по-прежнему сохраняют статус Священных книг, содержащих Божественное руководство для человечества. Аллах не

отменяет и не заменяет прежних Священных Писаний и основанных на них религий, но, напротив, призывает к их соблюдению. Читаем Коран: «Мы ниспослали тебе Писание с истиной в подтверждение прежних Писаний и для того, чтобы оно предохраняло их (или свидетельствовало о них; или возвысилось над ними)...» (Сура 5, аят 48). Коран под «Писанием» понимает всякое записанное и переданное человечеству пророческое слово. Существование различных ветвей монотеизма — всех трех авраамических религий и их ответвлений — имеет глубокий смысл и предопределено Самим Богом. Об этом Он оповестил народ в Коране: «Каждому из вас Мы установили закон и путь. Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, однако Он разделил вас, чтобы испытать вас тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах. Всем вам предстоит вернуться к Аллаху, и Он поведаст вам о том, в чем вы расходились во мнениях» (Сура 5, аят 48).

В этом аяте наше внимание, естественно, привлекло установление Всевышнего следующего содержания: «Каждому из вас Мы установили закон и путь...». Следовательно, законы иудеев, христиан и мусульман не одинаковы и различаются по сути своей в зависимости от Священного Писания, посланного Богом к той или иной общине, к тому или иному народу. Коран упоминает и носителей традиционных религий единобожия — иудеев и христиан, которые остались верны изначальным заветам своих учителей — Моисея и Иисуса. При этом Аллах называет их в этой книге «благочестивыми», «держателями» прямо Тору и Евангелие, «стремящимися опережать друг друга в добрых делах». «У каждого есть сторона, куда он обращается лицом. Стремитесь же опередить друг друга в добрых делах. Где бы вы ни были, Аллах приведет всех вас вместе...» (Сура 2, аят 148).

Весьма интересен тот факт, что Аллах в Коране уподобляет Иисуса Христа первому человеку Адаму, которого мы называем и первым преступником — грешником. Читаем Коран: «Воистину, Иса (Иисус) перед Аллахом подобен Адаму. Он сотворил его из праха, а затем сказал ему: “Будь!” — и тот возник» (Сура 3, аят 59). В Коране также подчеркивается великое преимущество, представленное Всевышним в свое время израильтянам в познании единобожия: «Вот Муса (Моисей) сказал своему народу: “О мой народ! Помните милость, которую Аллах оказал вам, когда создал среди

вас пророков, сделал вас царями и даровал вам то, чего не даровал никому из миров”» (Сура 5, аят 20).

Мусульманский богослов XV в. Джалал ад-Дина ас-Суйути приводит следующее высказывание о соотношении явных предписаний («матери Писания») и тайных указаний в Коране: «Понимание смыслов Корана — это широкое поле и необозримый простор... Переданное из явного толкования — не предел постижения Корана... Непозволительно пренебрегать изучением явного толкования, оно обязательно как начальный этап, ибо нет надежды проникнуть в скрытое прежде заповедей явного. Тот, кто претендует на понимание тайн Корана и при этом не является знатоком явного толкования, похож на человека, который утверждает, что он уже достиг центра дома, хотя еще не вошел в дверь»¹. Коран соединяет в себе черты двух величайших откровений и учений прошлого — Торы («верного руководства», то есть нормативного Закона, заключающего в себе множество заповедей и предписаний), и Евангелия («благой вести, содержащей учение о спасении и вечной жизни»)².

«Подобно учению Моисея, Коран — свод религиозного законодательства; подобно учению Иисуса, Коран содержит описание грядущего райского блаженства верующих, служа “благой вестью”»³. Поэтому институт наказания в исламе и его эволюция не могли не основываться на Законе Моисея и учении И. Христа.

Подводя итог сказанному относительно назначения Корана, можно утверждать, что основная причина появления данного Писания связана с отдаленностью народа Аравии от истинного и праведного пути. Поэтому Всевышний Аллах вознамерился посредством Мухаммада предупредить о том, насколько плачевными могут быть последствия такого образа жизни в неведении. Он предлагает этому народу постоянно очищаться и совершенствоваться духовно, нравственно и физически, стремясь к тому, чтобы стать безупречным человеком. Необходимо также воздержаться от поступков, способных развратить и уничтожить личность. Следует избегать всего, что может нанести ущерб душе и телу, будь то дурная пища, напитки или вредные привычки. Но как добиться этого? Как побороть ста-

¹ *Джалал ад-Дин ас-Суйути. Совершенство в коранических науках. Вып. I: Учение о толковании Корана. М., 2000. С. 89.*

² *Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. М., 2016. С. 31.*

³ Там же.

рые обычаи и традиции, по которым люди жили всю свою жизнь? Достаточно ли только одних проповедей? Иначе говоря, возможно ли для достижения данной цели обойтись без принуждения и наказания, то есть без правового регулирования? Всевышний понимал и знал, кого Он создал. Именно поэтому Он ниспослал Коран, который не только характеризуется сущностью чисто религиозного Послания, но и является Законом Божиим, регулирующим все области отношений в обществе. Поэтому Коран следует понимать как Закон Аллаха, включающий в себя совокупность норм нравственных, религиозных и правовых, из чего следует, что в основе наказания, согласно вере мусульман, лежат именно эти Божественные устои.

Существует версия, что Коран создан самим Мухаммадом, а не Аллахом. Как правило, большее усердие в этом проявляют не столько христианские богословы, сколько ученые-христиане. Чем же они обосновывают свои позиции, и в чем их ошибка? Они утверждают, что в Священном Коране слишком много противоречий и ошибок, поэтому он не мог быть создан Богом. Коран был составлен в том виде, в каком мы его видим сейчас, на древнеарабском языке в VII в., значит, возможны отдельные неточности в переводе на другие языки. Как известно, в настоящее время имеется достаточно много переводов, в частности на русский язык, в которых порой некоторые слова в аятах отличаются друг от друга. Поэтому Коран как Священное Послание — то, что послано Всевышним именно на древнеарабском языке. Иногда даже одна запятая может быть причиной разного понимания сути того или иного аята. Мнение относительно противоречий в Коране может сложиться у тех людей, которые знакомы с данной книгой не целиком, а по частям. Следовательно, чтобы убедиться в Божественности Корана, следует читать его именно на арабском языке, глубоко вникая в каждое сказанное там слово от начала до конца. Однако это не самое главное доказательство ошибочности тех, кто считает, что автором Корана является Пророк Мухаммад, ибо есть неопровержимые, научно подтвержденные доказательства, свидетельствующие о Божественном происхождении заповедей, изложенных в данной книге, и том, что человек не способен был донести ту истину, которая изложена в этом Священном Послании. Начнем с того, что в Коране есть сведения, которые Мухаммад просто не мог знать: об эмбрионах, ретроградных планетах, о том, что восток и запад — не постоянные направления, о буфер-

ных зонах между водоемами с пресной и соленой водами, о балансе между испарением и поступлением воды из реки в море, который строго контролируется природой.

Чтобы не быть голословными, обратимся к Корану: «Воистину, Мы сотворили человека из эссенции глины. Потом Мы поместили его каплей в надежном месте. Потом Мы создали из капли сгусток крови, потом создали из сгустка крови разжеванный кусочек, потом создали из этого кусочка кости, и потом облекли кости мясом. Потом Мы вырастили его в другом творении» (Сура 23, аяты 12-14).

Такова полная картина появления эмбриона, а затем его превращения в человека. Современные эмбриологи не могут не согласиться с таким описанием процесса зарождения человека. Предположим, что Мухаммад где-то услышал сведения о процессе зарождения человека и внес их в Коран. Но откуда Он мог получить такие сведения, если всего этого не знала даже просвещенная Европа? Коран также говорит о создании человека из «прилипающего» сгустка, прикрепленного в надежном месте и надежно укрытого за тремя преградами, то есть об эмбрионе, оплодотворенном сперматозоидом в яйцеклетке, прикрепленной к стенке матки и укрытой за плацентой, маткой и влагалищем. Известно, что только в середине XVII в. появилось «Исследование о зарождении животных» У. Гарвея, в котором он вплотную подошел к истинной картине появления эмбриона. И лишь в 1853 г. немецкий цитолог О. Гертвинг описал процесс оплодотворения, который в Коране был изложен за 1200 лет до этого.

Кстати, что касается сотворения человека из глины, о котором также упоминается в Священном Писании, то в начале XX в. известный русский ученый В.И. Вернадский, изучая глину, обнаружил у нее ряд любопытных свойств, свидетельствующих в пользу версии о сотворении из нее человека. В составе глины оказались все макро- и микроэлементы, присутствующие в нашем организме. Самое интересное, что они находились в глине почти в тех же пропорциях.

Совсем недавно американские ученые сделали сенсационное открытие, подтвердив на более высоком уровне выводы Вернадского. Они выяснили, что обыкновенная глина содержит в себе базовые элементы биологической жизни, составляющие мембраны клеток человека, да и других организмов.

Читаем Коран: «Он — Тот, кто смешал два моря (вида воды): одно — приятное, пресное, а другое — соленое, горькое. Он установил между ними преграду и непреодолимое препятствие» (Сура 25, аят 53). Что хочет сказать нам Аллах в этом знамении? В море соленая вода, ее невозможно пить. В реке же — пресная, необходимая для поддержания жизни. Эти воды похожи друг на друга, они рядом, но между ними прочная преграда. Река несет пресную воду в соленое море. Почему же в итоге море не становится пресным? На данный вопрос и дается ответ в аяте 53 Суры 25: потому, что существует преграда, препятствующая этому. Такое объяснение долгое время было загадкой для океанологов. Когда появились спутники земли, с большой высоты были сняты и изучены области контакта рек с морями. Итак, то, что было сказано Всевышним в Коране в VII в., в век космоса удалось установить: отчетливо видны две линии, которые ограничивают некую «буферную зону» между рекой и морем. Через нее и проходит пресная вода, прежде чем влиться в соленое море. Эта буферная зона и является регулятором, который предохраняет морскую воду от опреснения. Подобные регуляторы, кстати, существуют и между двумя контактирующими морями с разной соленостью воды.

Сомневающимся, а также отрицающим Божественное происхождение Корана советуем более глубоко изучить это Писание, где они найдут другие знамения Аллаха, достоверность которых будет доказана наукой гораздо позднее. Например, откуда неграмотный погонщик караванов Мухаммад знал о созвездиях и кометах, откуда у него мог возникнуть в голове образ сатаны, который хочет узнать тайны звезд? (Коран. Сура 15, аяты 16-17).

И, наконец, как правильно отмечает С. Алескерев, «самым явным признанием Божественного происхождения Корана является тот факт, что язык его сильно отличается от языка самого Мухаммада»¹.

§ 2. Ислам и эволюция идеи института наказания в мусульманском мире

1. Нравственные начала наказания в Коране. Хотя Мухаммад не оставил ни своего Декалога, как Моисей, ни Нагорной проповеди, как Иисус, Его моральная, нравственная доктрина и принципы

¹ Алескерев С. Великий парадокс, или Два почерка в Коране. М., 2005. С. 171.

отражены в хадисах. Кроме того, нормы, именуемые естественной нравственностью, изложены в ясной форме в Коране. В принципе, эта Священная книга продолжает традиции иудаизма и христианства, например, признает справедливым и нравственно оправданным норму равного возмездия, ссылаясь на Моисея. Нравственность в Коране представлена в виде уникальных норм, которых нет в других Священных Писаниях, хотя она и не систематизирована в виде определенного кодекса. Этот свод предписаний, в отличие от христианско-европейской нравственности, которая выражена в абстрактных принципах, предлагает детализированную картину поведения мусульманина. Еще более она конкретна в Сунне, то есть в указаниях, разъяснениях Пророка Мухаммада. Отличительная особенность мусульманской нравственности состоит в том, что она взяла в качестве образца жизнь Мухаммада, в то время как христианская нравственность не говорит, что и как делать, не предписывает поступков, а ограничивается указанием пути. Поэтому мусульманская нравственность есть этика конкретных норм. А.А. Гусейнов отмечает: «Христианско-европейская этика и этика Корана отвечают как бы на разные вопросы. **Первая** — на вопрос о том, зачем надо быть моральным; она словно имеет аргументы против искушения обойтись без морали. **Вторая** — на вопрос о том, как стать моральным, что для этого надо делать»¹.

Этика Корана, так же как и учение Иисуса Христа, включает в число обязанностей верующего не только участие в добрых делах, но и противостояние злым: «О те, которые уверовали!.. Помогайте друг другу в благочестии и богобоязненности, но не помогайте друг другу в грехе и несправедливости. Бойтесь Аллаха, ведь Аллах суров в наказании» (Сура 5, аят 2). При этом речь не только о пассивном воздержании от участия в злых замыслах и преступлениях, но и об активном противостоянии им: «И пусть ненависть людей, которые помешали вам пройти к Заповедной мечети, не подтолкнет вас на преступление» (Сура 5, аят 2).

Д.В. Щедровицкий пишет: «Вообще, этика Корана как свода предписаний, исходящих из уст Самого Творца, безупречна и совершенна...»². Этическое учение в Коране не проходит мимо вопроса борьбы со злом: «Оттолкни зло тем, что лучше. Мы лучше знаем

¹ Гусейнов А.А. Великие моралисты. М., 2008. С. 179.

² Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. С. 240.

то, что они приписывают» (Сура 23, аят 96). Коран, как видим, учит, что при сопротивлении злу, преступлению нельзя нравственно опускаться до уровня преступника: ведя борьбу с преступностью, надо исходить из принципа справедливости, добра, а в определенных случаях и милосердия, в то время как в Евангелии говорится: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12,21).

Если в доисламские времена традиции и уставы, обычаи и нравы арабов свидетельствуют о многочисленных аморальных деяниях людей, то Коран положил им конец. К примеру, обычаи арабов разрешали убивать новорожденных девочек. Всевышний Аллах объявляет подобное детоубийство величайшим грехом, наказанием за которое будет геенна огненная: «И не убивайте своих детей, опасаясь нищеты, ведь мы обеспечиваем пропитанием вас вместе с ними...» (Сура 6, аят 151); «Не приближайтесь к имуществу сироты, кроме как во благо ему, пока он не достигнет зрелого возраста. Наполняйте меру и весы по справедливости. Мы не возлагаем на человека сверх его возможностей. Когда вы произносите слово, будьте справедливы, даже если это касается родственника...» (Сура 6, аят 152). Не только текст Корана, слова Божьего, но и слова и действия самого Пророка Мухаммада призывают людей воспитывать в себе это важное качество — умение прощать. Прощать без остатка и без осадка! Приведем некоторые высказывания посланника Аллаха: «Воистину, главной целью моей пророческой миссии является доведение высоких нравов до полноты и совершенства»¹; «Поистине, Аллах, когда сотворил все, предписал Себе: поистине, Моя милость побеждает Мой гнев»². Посланник Аллаха ссылается также и на Иисуса Христа: «Поступи благородно по отношению к тому, кто сделал что-то злое, подлог в твой адрес. Иисус, сын Марии, в свое время сказал: “Благородство — это когда ты делаешь хорошее тому, кто сделал тебе плохое, а не то, когда ты сделал хорошее в ответ на хорошее”»³. Как известно, милосердие и прощение являются важнейшими составными частями и показателями нравственности.

¹ См.: Хадис св. х. аль-Бухари, аль-Бухари, аль-Хаким, аль-Байжали и др.; см.: ас-Суюти Фис, Аль-джамиас-сагир, с. 155, хадисы № 2583 «сахих», № 2584, «сахих», № 2585 «хасан».

² См.: ас-Суюти Дж. Аль-джами’ Ас-сагир (малый сборник). Бейрут: аль-Кутуб аль-ильмия, 1990, С. 112. Хадис № 1788, «сахих».

³ См.: аз-Зухайли В. Ат-Тафсир аль-Мунир: В 17 т, т. 7. С. 537.

Ни в одной другой Священной книге не уделяется столько внимания преобладанию милосердия, как в Коране. Всякое зло чревато дурными последствиями, но лишь в той же мере, тогда как добродетель награждается десятикратно. Вот смысл всех аятов Корана, посвященных милосердию, прощению и добродетели, например: «Кто явится с добрым деянием, тот получит десятикратное воздаяние. А кто явится со злым деянием, тот получит только соответствующее воздаяние, и с ними не поступят несправедливо» (Сура 6, аят 160). Об этом же упоминается и в других аятах Корана: аят 84 Суры 28; аят 40 Суры 40; аят 263 Суры 2, аят 40 Суры 42. В аяте 40 Суры 42 дано золотое правило, касающееся прощения. Оно состоит в том, что зло должно караться соответствующим ему наказанием. Обращаем внимание на то, что в этом аяте прямо говорится о прощении и добродетели человека: «Воздаянием за зло является равномерное зло. Но если кто простит и установит мир, то его награда будет за Аллахом. Воистину, Он не любит беззаконников». Вспомним золотое правило Канта относительно возмездия. Следует отметить, что прощение и милосердие, доброта и добродетель занимают также особое место в Евангелии: «Прощайте — и прощены будете...» (Лк. 6.37). Вспомним слова Иисуса в Евангелии: «Если вы будете прощать людям согрешение их, то простит и вам Отец ваш Небесный...» (Мф. 6,14); «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5,7).

В отличие от предыдущих религий — иудаизма и христианства, в исламе нет ни одной крайности в формуле «зуб за зуб», ни другой — «подставить левую щеку после того, как тебя ударили по правой». Коран же устанавливает *золотое правило*, согласно которому прощения уместны, если они способны восстановить мир и пойдут на благо самому преступнику, ибо целью наказания является, в первую очередь, его исправление.

Как понимать Божье прощение и милость в отношении преступников? Можно ли считать это гуманизмом или помилованием в современном смысле? Ответ мы находим в Коране: «Кто раскаивается и поступает праведно, тот действительно возвращается к Аллаху» (Сура 25, аят 71). Таким образом, и в Коране, и в Евангелии Всевышний, как видим, имеет в виду отмену или смягчение наказания за прошлые грехи (преступления), если человек раскаялся в своих деяниях и следует по пути Господа Бога. Преступник,

свидетельствующий добрыми делами об искреннем раскаянии и исправлении, всегда может рассчитывать на Божье прощение и милосердие.

В государствах, где господствует ислам, «власть выступает только слугой права, созданного Аллахом и его посланником Пророком Мухаммедом, поэтому сущность добра для человека является послушание божественному закону, неповиновение которому неминуемо ведет к греху»¹. Исходя из этого, в исламизированных мусульманских странах концепция института наказания неразрывно связана с религиозным грехом, о чем ярко свидетельствуют многие аяты Корана: «О вы, которые уверовали! Не запрещайте блага, которые разрешил вам Аллах, и не преступайте. Поистине Аллах не любит преступающих» (Сура 5, аят 87); «Те, которые не веровали и уклонились от пути Аллаха, — Мы прибавим им наказание сверх наказания за то, что они распространяли нечестие» (Сура 16, аят 90); «Все грешники — в заблуждении и безумии. В тот день, когда потащат их ничком в огонь. Вкусите прикосновение сакара»² (Сура 54, аяты 47-48); «И бойтесь Аллаха: поистине Аллах силен в наказании!» (Сура 5, аят 2). Таким образом, на основании данных изречений можно сделать вывод о том, что отсутствие реализованной земной ответственности за преступление будет компенсировано в потустороннем мире³. Грех, по религии ислама, — это слова, деяния и поступки, противоречащие Божественным повелениям и запретам; действия, считающиеся в Коране предосудительными. Поэтому в период зарождения мусульманского уголовного права в основу института преступления и наказания была заложена цель уничтожения в корне *греха*.

Принимая во внимание, что некоторые вредные деяния человек совершает из-за своей природы и что последствия этих поступков не так велики, ислам разделяет грехи на малые и большие, хотя четкие разграничения уловить очень трудно, а порой и невозможно. Большие грехи — это те, о которых в Коране или хадисах содержится особое предупреждение и проклятие или о которых сообщается, что за них положено наказание. Эти грехи следует считать преступле-

¹ Петровский А.В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств. Краснодар, 2013. С. 5.

² Сакара — ад.

³ Елаян Г.Ф. Основы мусульманского уголовного права. Махачкала, 2002. С. 9.

ниями. Большие грехи: а) многобожие (ширк); б) неповиновение родителям. Абу Бакр передает, что посланник Аллаха однажды спросил, повторив трижды: «Не поведать ли мне вам о самых больших грехах?» Сподвижники ответили: «Поведай, о Посланник Аллаха». Посланник Аллаха сказал: «Придавать Аллаху сотоварищей (ширк), не повиноваться родителям». Потом он привстал и, выпрямившись, продолжал: «Будьте внимательны, другой самый большой грех — лгать». Шаддад бин Абе передает, что посланник Аллаха сказал: «Больше всего я опасаясь за людей своей общины, что они станут придавать Аллаху сотоварищей»¹.

Пророк Мухаммад сказал: «Самыми большими грехами перед Богом считаются: 1) обожествление кого или чего-либо помимо Бога (Коран. 4:116); 2) убийство человека (Коран.5:32); 3) непослушание родителям (ослушание) и 4) лжесвидетельство»².

В Коране читаем: «Воистину, Аллах не прощает, когда к нему приобщают сотоварищей, но прощает все остальные (или менее тяжкие) грехи, кому пожелает...» (Сура 4, аят 116) (см. также: Сура 4, аят 48; Сура 22, аят 31; Сура 31, аят 13). «Кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей...» (Сура 5, аят 32). Как же все-таки отличить большие грехи от малых? Очевидно, что большими грехами являются те деяния, за которые Аллах проклял, отдалил от Своей милости, те деяния, которые имеют губительный конец: «Если вы будете избегать больших грехов из того, что вам запрещено, то Мы простим ваши злодеяния и введем вас в почтенный вход» (Сура 4, аят 31); «Они избегают великих грехов и мерзостей, кроме мелких и немногочисленных проступков. Воистину, твой Господь обладает необъятным прощением. Ему было лучше знать о вас, когда Он сотворил вас из земли и когда вы были зародышами в утробах ваших матерей. Не восхваляйте самих себя, ибо Ему лучше знать тех, кто богобоязнен» (Сура 53, аят 32). Здесь Аллах ясно дает знать, что малыми грехами считаются те, которые Им прощаются. Однако, что такое «малые грехи», Он не объясняет. Кроме того, в этом аяте Аллах напоминает, что Он каждого из нас знает уже с того момента, когда мы были еще в утробе матери, и что Он предопределяет нашу судьбу. А это есть

¹ *Ибн Маджа*, Зухд, 21.

² Хадис от Анаса: св. х. аль-Бухари; см., напр.: аль-Бухари. М. Сахих аль-Бухари. Т. 4. С. 2143, хадис № 6871.

отрицание свободы воли человека. В понимании Аллаха, скорее всего, малыми грехами считаются те проступки, которые никому не нанесут какого-либо вреда.

2. Нафс как основание наказания, по Корану. Как и другие религии, ислам считает, что грех есть в то же время преступление, то есть понятие греховности в религии отождествляется с понятием преступления. Если мы изучаем поведение людей в качестве явления социальной категории, то, очевидно, прежде всего, необходимо дать определение того, что Всевышний Аллах понимает под понятием преступления как вида социального явления. Хотя самого определения этого понятия в Коране нет, из содержания данной некоторых аятов Писания можно понять, что под понятием преступления (греха) Аллах имеет в виду и о чем предупреждает. Читаем Коран: «А кто преступит границы дозволенного после этого, тому будут уготованы мучительные страдания» (Сура 5, аят 94). В этом аяте Всевышний употребляет слово «преступить», что и понимается как преступление. Более того, как видно из содержания данной нормы, Аллахом установлена определенная граница, переходя которую, ты считаешься совершившим преступление (грех). Определена также санкция за нарушение этого установления. В другом месте Корана Всевышний использует вместо слова «границы», как было в аяте 94 Суры 5, понятие «ограничения», которые, в общем-то, по смыслу и содержанию не отличаются: «Таковы ограничения Аллаха, не преступайте же их. А те, которые преступают ограничения Аллаха, являются беззаконниками» (Сура 2, аят 229). Тем не менее и здесь Им употребляется для обозначения понятия «преступление» слово «преступать». Определение преступления как «преступать» можно встретить и в другом аяте Корана: «А тех, кто слушается Аллаха и Его Посланника и преступает Его ограничения, Он ввергнет в огонь, в котором они пребудут вечно. Им уготованы унижительные мучения» (Сура 4, аят 14).

Обращает на себя внимание тот факт, что Коран каждый раз подчеркивает при определении понятия греха (преступления) факт беспокойства в душе человека. Иными словами, он связывает поведение человека с внутренними причинами, объясняет, что источник, причина преступного поведения находится не вовне, а внутри самого человека. В это невозможно не поверить, если исходить из того, что суть человека, его внутреннюю природу лучше, чем Все-

вышний, никто не знает, ибо именно Он является Создателем этого существа: «Мы сотворили человека и знаем, что нашептывает ему душа. Мы ближе к нему, чем яремная вена» (Сура 50, аят 16); «Они следуют лишь предположениям и тому, чего желают души, хотя верное руководство от их Господа уже явилось к ним» (Сура 53, аят 23). Коран очень часто упоминает душу человека в связи с совершением греха. А источник склонности к злу, греху, преступлению, заложенный в самой душе человека, — *Нафс*. Что такое Нафс? Это слово использует Пророк Мухаммад в своих хадисах при объяснении поведения человека. Нафс — это то, что толкает человека к греху, а значит, и к злу и преступлению. Точного перевода этого арабского слова на русский язык и другие языки нет. Приблизительно оно близко к понятию «намерение», хотя Нафс по своему содержанию имеет более объемное и глубокое значение и непосредственно связан именно с деятельностью человеческого сердца. Слово используется и в азербайджанском языке. Поэтому для нас так же, как и для арабов, смысл и суть его понятны: это внутренний враг, который постоянно нашептывает человеку дурное, склоняя его к греху, к преступному, к насилию, что-то обязательно плохое, негативное, а также страсти, все отрицательные черты души, которые присущи человеку. Поэтому Нафс часто ассоциируется с источником всех желаний человека, противоречащих нормам нравственности и закона. В коранических аятах, а также в хадисах Пророка Мухаммада тем, кто преодолевает свой Нафс, который присущ всем людям, обещаны райские сады. Следовательно, каждый человек на протяжении всей своей жизни борется со своими страстями, Нафсом.

Другое из того, что склоняет человека к греху, — желание жить вечно в этом мире и пренебрежение будущей жизнью: «Ты непременно убедишься, что они жаждут жизни больше всех людей, даже больше многобожников. Каждый из них желал бы прожить тысячу лет. Но даже долгая жизнь ничуть не отдалит их от мучений. Аллах видит то, что они совершают» (Сура 2, аят 96). Ислам считает, что человек, напивавшись отравой этих чувств, забыв о будущей жизни, лишается страха. Страстно желая исполнения своих жизненных желаний, он легко впадает в грех.

Коран указывает также на существование внешних причин совершения зла (преступления). Это, в отличие от Нафса, видимая сторона поведения человека: «Приукрашена для людей любовь к

удовольствиям, доставляемым женщинами, сыновьями, накопленными кантарами золота и серебра, прекрасными конями, скотиной и нивами. Таково преходящее удовольствие мирской жизни...» (Сура 3, аят 14); «А земная жизнь — всего лишь наслаждение обольщением» (Сура 3, аят 185); «Это — преходящее наслаждение мирской жизнью...» (Сура 10, аят 23).

Следовательно, чтобы противостоять преступному намерению, поведению, внешним причинам, человек должен очиститься от Нафса и очень строго беречь себя от отрицательного воздействия вредных деяний. Итак, человек, согласно вере мусульман, проходящий в этом мире испытание, создан способным на добро и зло. Источник его склонности к злу, заключенный в самой его природе, по Корану, есть Нафс, внутренний враг, который постоянно нашептывает человеку дурное, склоняя к преступлению, насилию, злодеянию. Важно отметить, что преступное намерение у человека появляется тогда, когда он забывает Аллаха, то есть остается в неведении от Всевышнего. По исламу, желание человека жить вечно в этом мире и пренебрежение будущей жизнью также склоняет его к греху, злу и преступлению. А это означает, что чем сильнее вера у человека в будущую жизнь, тем меньше вероятность совершения с его стороны зла, преступления, и наоборот: «Я не оправдываю себя, ведь душа человека повелевает зло, если только мой Господь не проявит к ней милосердие...» (Сура 12, аят 53).

Когда же Господь проявляет милосердие и очищает душу человека от намерения совершить преступление, зло, насилие? Тогда, когда он близок к Всевышнему, верит и поклоняется Ему. Аллах еще раз подчеркивает, что созданное Им существо познаваемо лишь только Им Самим — Всевышним и что душа человека настолько скрыта, что, кроме Него Самого, никому невозможно добраться до нее. «Они — всего лишь имена, которыми нарекли их вы и ваши отцы, относительно которых Аллах не ниспослал никакого доказательства. Они следуют лишь предложениям и тому, чего желают души, хотя верное руководство от их Господа уже явилось к ним» (Сура 53, аят 23). В данном аяте Аллах подчеркивает, что все желания и намерения человека исходят из души и руководит этим Сам Господь.

Коран четко указывает, что Аллаху все известно и Он все видит: «Аллах ведает о беззаконниках» (Сура 2, аят 95); «Аллах видит то, что они совершают» (Сура 2, аят 96).

«Кто преступает ограничение Аллаха, тот поступает несправедливо по отношению к себе. Ты не знаешь, что Аллах, возможно, после этого решит иначе» (Сура 65, аят 1). Коран в данном аяте говорит о том, что тот, кто нарушает Божью волю, ведет себя к разложению своего внутреннего строения, что, в конечном счете, ведет к преступлению. «Аллах желает принять ваши покаяния, а потакающие своим страстям желают, чтобы вы сильно уклонились в сторону» (Сура 4, аят 27); «Аллах желает вам облегчения, ведь человек создан слабым» (Сура 4, аят 28), — в этих аятах подчеркивается, что преступления обязательно предшествует уклонение человека от Бога. Аллах называет это «уклонение в сторону». Как это понимать? Из содержания данных аятов можно заключить, что причиной совершения преступлений является именно мысленное удаление человека от Всевышнего (Создателя). И такое удаление способствует приобретению человеком свойств, противоположных милосердию Аллаха, то есть жестокости, эгоизма, злости и т. д. Особое внимание заслуживает уяснение понятия «слабость» в аяте 28 Суры 4. Д. Щедровицкий считает, что Коран напоминает о не мощи человека, который сотворен слабым не случайно, а именно для того, чтобы он, нуждаясь в защите Божьей, постоянно прибегал и стремился к Нему¹.

Иначе говоря, по Корану, все люди сотворены слабыми и поэтому способны на преступление. Однако, чтобы такая слабость не была причиной преступления, человек всегда должен помнить Аллаха: «О люди? К вам от вашего Господа явилось наизидание, исцеление для того, что в груди, верное руководство и милость для верующих» (Сура 10, аят 57). В данном аяте Аллах говорит о том, что преступники лишены даже и вторичного источника Света, они находятся словно бы в ночи беспросветной. Главная причина такого их состояния — внутренняя болезнь, которая и толкает их к совершению преступления, насилия, злых деяний. При этом Аллах неоднократно в Коране, а Пророк Мухаммад в хадисах, отмечают, что болезнь находится именно в сердце человека и что исцеление сле-

¹ Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. С. 231.

дует начинать именно с сердца человека. Она связана с сознательным отвращением человека от единственного Целителя, способного воздействовать непосредственно на сердце, — Аллаха, который лечит людей словом истины, о чем говорится также в Библии: «Послал слово Свое — и исцелил их» (Пс. 106,20); «Кто хранит наставление, тот на пути к жизни...» (Прит. 10,17).

Почему же один становится преступником, а другой нет? Ведь все с момента своего рождения находятся в одинаковом положении. Ответ Корана: «Он ведь создавал вас по этапам» (Сура 71, аят 14). Можно ли из этого Послания Аллаха заключить, что разные состояния людей, отличия людей были предначертаны еще в фундаментальных замыслах Всевышнего? «Они говорят: “Мы покорны”. Когда же они покидают тебя, некоторые из них по ночам замышляют не то, что ты говорил. Аллах записывает то, что они замышляют по ночам...» (Сура 4, аят 81).

Интерес представляет следующее выражение в данном аяте: «Аллах записывает то, что они замышляют...». Что означает такая запись? Д. Щедровицкий считает, что «эта “запись” может содержаться в самой душе, оставляя в ней неизгладимый («стираемый» лишь посредством покоения) отпечаток мыслей, намерений, деяний»¹. «Так Мы позволяем одним беззаконникам править другими за то, что они приобретают» (Сура 6, аят 129). Можно ли из содержания этого аята заключить, что для одних преступников Божье наказание наступает по приговору Аллаха, то есть по Его велению, независимо от воли самого преступника, а другие — как бы влекомы приобретенной ими злой природой? При положительном ответе можно считать, что причинами отдельных преступлений являются не внутренние источники, а внешние, не зависящие от человека, то есть социум.

Это означает, что Тот, кто создал человека, в совершенстве знает и содержание таинственного внутреннего диалога между человеком и его душой: «Аллах вводит в заблуждение, кого пожелает и наставляет на прямой путь, кого пожелает» (Сура 6, аят 39). Значит ли это, что воля человека полностью подчинена воле Всемогущего Аллаха? Аят 125 Суры 6 Корана дает ответ: «Кого Аллах желает наставить на прямой путь, тому Он раскрывает грудь для Ислама, а кого Он

¹ Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. Взгляд библеиста. С. 139.

желает ввести в заблуждение, тому Он сдавливает и сжимает грудь, словно тот забирается на небо. Так Аллах насылает скверну (или наказание) на тех, кто не верует».

3. Проблема наказания и предопределение в исламе. Однажды некий бедуин спросил у Пророка Мухаммада: «Мы просим у других, чтобы они читали нам молитвенные формулы, имеющие целительную силу, лечимся лекарствами, принимаем меры, предостерегаясь от опасного, но разве эти вещи могут защитить нас от того, что уже определено Аллахом?» Посланник Всевышнего ответил: эти действия и являются тем, что Им определено¹. В одном из достоверных хадисов Пророк Мухаммад передает нам следующие слова Господа миров: «О творения Мои! Я никого не притесняю (не обижаю; не ущемляю чьи-либо права), предоставил вам свободу действий (выбора), и Я запрещаю вам, люди, притеснять (обижать, ущемлять права) друг друга! Не делайте этого»². Поэтому правильный, сознательный выбор человека зависит от того, верит он в Аллаха или нет, следует он Его заветам, которые являются внутренним убеждением, или не следует. Этим самым Аллах подчеркивает еще раз, что именно Он дает возможность человеку быть свободным в своем выборе. Он уделил человеку частицу разума от Своего всеведения, что означает свободу воли. То есть Аллах, с одной стороны, подтверждает свободу выбора, созданного Им существа, которая зарождается в сердце человека, а затем реализуется вовне, а с другой — напоминает, что воля его (человека) полностью подчинена Его воле. А это означает, что человек не может ничего сделать или даже захотеть, если этого не желает Аллах. Следовательно, можно сделать вывод: воля Аллаха не признает воли человеческой.

Предопределение, а точнее, «аль-када ва аль-кадир», — один из столпов исламской веры. *Аль-када* — это полная и изначальная осведомленность Творца обо всем, что происходило, происходит или произойдет в мире; полная и изначальная осведомленность обо

¹ Хадис от Абу Хузайми: св. х. Ахмада. — См.: аль-Бенин А. (известный как ас-Са'ати). Аль-фатх арраббени ли Тартиб Муснад аль-имам ахмад ибн хайбаль аш-шайбани. Т. 17. С. 157, глава № 49, хадис № 49.

² Хадис от Абу Заррега: св. х. Муслима. — См., напр.: Нузха аль-Муттакин. Шарх рияд ас-салихин (прогулка праведников. Комментарии к книге «Сады благонравных»): В 2 т. Бейрут, ар Рисаля, 2000. Т. 1. С. 114. Хадис № 17/111.

всем, что будет совершено каждым в отдельности, как в тех случаях, когда право выбора у человека есть, так и в тех, когда его нет.

Аль-кадир — абсолютное соответствие фактически происходящего в реальном времени изначальному знанию Творца. Однако следует особо подчеркнуть, что осведомленность Творца обо всем и обо всех не влияет на действия и поступки людей, не заставляет их делать так или иначе. Кроме того, важно знать, что существует различие между двумя расколами ислама — Сунни и Шииты не только в догматах веры, но и в предопределении. *Шииты* верит в предопределение как в одну из принадлежащих премудрости Бога, всеведущего в будущем каждого лица, но не как в предустановлении, имеющем безусловное влияние на все действия людей. Они признают в человеке свободу действий и полный произвол делать добро и зло. *Сунниты* принимают учение о предопределении в точном его смысле, не допуская в человеке произвола в действиях. *Шииты* же полагают, что в каждом человеке существует полный произвол действий, за которые он подлежит ответу пред судом Всевышнего, что сами действия человека пред совершением, началом были известны Богу и внесены в книгу судеб как особое доказательство всевидения Господня.

А как решает такие разногласия Коран? Читаем: «И не ты бросил, когда бросил, но Аллах бросил» (Сура 8, аят 17). Отсюда следует вывод: если я бросил камень в кого-то и убил его, значит, это бросил не я, а Аллах. Должен ли я тогда нести ответственность за эти деяния? «Он — Тот, кто усыпляет вас ночью и знает, что вы делаете днем. Затем Он воскрешает вас днем, чтобы исполнился назначенный срок (завершился срок вашей жизни). Затем к Нему вам предстоит вернуться, и затем Он поведаст вам о том, что вы совершили» (Сура 6, аят 60).

Из содержания аята 17 Суры 8 вытекает, что Аллах может выступить как действительная причина того, что кажется делом рук человеческих (например, убийство). Из содержания многих аятов Корана можно понять, что желание Аллаха сделать человека преступником, а точнее, не противостоять ему совершить преступление, обусловлено предшествующим выбором самого человека между добром и злом. Совершение преступления, насилия, зла является основанием для Аллаха, чтобы Он ожесточил сердце человека.

Коран утверждает, что выбор поведения человека зарождается в его сердце, а затем реализуется вовне. Вместе с тем подчеркивается, что человеку легче отказаться от совершения преступления, чем очистить сердце от намерения совершать преступные деяния. Аят 120 Суры 6 гласит: «Оставьте грехи очевидные и сокрытые. Воистину, те, которые совершают грех, получают воздаяние за то, что они совершали». Из этого аята Корана следует, что вначале человеку необходимо перестать совершать зло, преступления, а затем уже попытаться освободиться от преступных желаний, мыслей.

Кстати, и в Торе говорится, что Господь ожесточает сердце фараона после того, как тот причинил израильтянам великое зло (Исх. 4,21; 7,3; 14,8). Однако Аллах и преступникам дает возможность и надежду на милость Всевышнего посредством расширения сжатого, стесненного его сердца. Но зачем нужно Аллаху, чтобы человек совершил преступление? Почему Он не останавливает его от совершения убийства даже богобоязненного человека, богослужителя, преданного Богу всей душой? Если Он не может остановить это убийство, значит, Господь не владеет моей волей, и я свободен в выборе своего поведения? Если Он может, но не хочет препятствовать насилию, преступлению, значит, Он желает, чтобы люди убивали, насиловали, грабили друг друга. *Итак, как видим, трудность согласования предопределения со свободной волей человека связана с проблемой ответственности и наказания.*

Поскольку решение о завете с Богом принималось человеком свободно, то это является основанием вменения ему соответствующих поступков, в том числе преступлений. Читаем в Коране: «Мы предложили небесам, земле и горам взять на себя ответственность, но они отказались нести ее и испугались этого, а человек взялся нести ее...» (Сура 33, аят 72). И далее: «Это произошло для того, чтобы Аллах наказал лицемеров и лицемерок, многобожников и многобожниц и принял покаяние верующих мужчин и верующих женщин. Аллах — Прощающий, Милосердный» (Сура 33, аят 73). Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Мусульманские богословы утверждали, что концепция Божественной справедливости делает невозможным наказания людей за те поступки, за которые они не несут ответственности. В Коране имеется множество откровений, свидетельствующих о том, что Бог вводит в заблуждение лишь грешников.

2. Коран просто возвещает нам истины о всемогуществе Аллаха и ответственности человека, не пытаясь примирить эти истины друг с другом. С подобным же мы можем столкнуться и в Библии.

3. Согласно Корану, человек все же несет ответственность за свои поступки, несмотря на существование Божественного предопределения. Эта идея подразумевается в учении о Страшном суде.

4. Предвидение Всевышнего не лишает людей свободы воли, и Он разрешает ангелам, пророкам и другим заступникам держать речь перед Ним для оправдания людей, что само по себе возможно лишь при условии свободного выбора между добром и злом, дарованного человеку¹. Читаем в Коране: «Он управляет делами. Никто не будет заступаться, кроме как после Его дозволения...» (Сура 10, аят 3).

5. По исламу, для нас все определено в границах пространства и времени, но это никоим образом не говорит о безучастности человека. У каждого из людей есть доля участия, постигая, понимая и реализуя которую, он раскрывает Божий замысел относительно своего появления на свет.

6. Добро и зло, то есть удачи и напасти, происходят от Аллаха, но, если благо ниспосылает Он от Себя — из милости Своей, то зло и несчастье настигают человека лишь тогда, когда он уготовил их себе собственными руками. В этих утверждениях нет никакого противоречия². По нашему мнению, противоречия есть: «Благое вижу, хвалю, но к дурному влекусь»³. Что это означает? Человеку по природе своей свойственно стремиться к лучшему для себя — благому, доброму. В данной ситуации, однако, происходит наоборот. Он выбирает худшее, дурное, как бы вредит себе — выбирает то, что невозможно выбрать. Получается, что человек выбирает дурное помимо своей сознательной воли. Иначе говоря, человек намеренно (сознательно) стремится только к добру. Ислам утверждает, что в этом ему помогает Аллах, то есть именно Он направляет его к этому деянию и одобряет этот поступок. Что касается зла, человек не может выбрать данное деяние по определению, поскольку такой поступок имеет негативную направленность. Поэтому он, безуслов-

¹ Щедровицкий Д.В. Сияющий Коран. С. 106.

² Гасанов Э. Бог Един. 1999–2016. С. 602.

³ Овидий. Метаморфозы, кн. VII, ст. 20–21 / Пер. С. Шерванского. М., 1977. С. 170.

но, избегает его или старается сделать. Тем не менее человек совершает зло, насилие, преступление. Почему? Должен ли он нести ответственность за это? Итак, если человек совершил преступление, которое является результатом неосознанного его выбора, то данное деяние не может быть ему вменено. Парадокс: намеренное преступное деяние невозможно, а ответственность и наказание за это возможны.

7. Человек должен бороться с самим собой, то есть он старается бороться с плохими, вредными чертами характера. А это означает, что Аллах дает возможность человеку держать в узде свои слабости, легкомыслие, страсти. Следовательно, все, что совершает в земной жизни человек, он совершает для себя самого, приобретая определенные качества, вырабатывая те или черты характера, формируя свой внутренний мир. Читаем Коран: «Бойтесь того дня, когда вы будете возвращены к Аллаху. Тогда каждый человек сполна получит то, что приобрел, и с ними не поступят несправедливо» (Сура 2, аят 281). Но откуда человек приобретает свои качества доброты и злости? Кто их ему дает, — Аллах, или он сам их приобретает? По содержанию этого аята можно понять, что человек сам в течение своей жизни приобретает как хорошие, так и вредные качества. Значит ли это, что любые его деяния и поступки все-таки не предопределены Аллахом?

8. Совершенно прав И. Кант, утверждая, что если бы мы могли познать все внутренние и внешние побуждения, влияющие на человеческий образ мыслей, то поведение человека можно было бы вычислить с такой же точностью, как лунное или солнечное затмение. Однако мы не в состоянии этого достичь, ибо сие позволительно только Богу, который и создал человека. Следовательно, только Он знает внутреннее побуждение преступника и его мысли. А если так, то только Он в состоянии противостоять совершению преступного поведения. Но почему Он тогда не делает? Вот основной вопрос.

Человека можно принудить к поступкам, но не к целям, что противоречило бы самому понятию цели. Человек действует сообразно цели, которую он сам себе ставит: действует — значит, использует средства, совершая действия, которые ведут его к цели¹. Из этого

¹ Кант И. Метафизика нравственности. Сер.: Философское наследие. М., 1965. С. 314.

тезиса И. Канта вытекает следующее: цели ставит себе человек, который намерен совершить преступление, однако Всевышний может противостоять или же подтолкнуть его к этому, но не принудить. Выбор за Аллахом. Пример: человек намерен совершить убийство, и для этого у него сложились все обстоятельства: желание, ситуация, интересы, возможности, расчет риска и т. д. Однако он отказался от преступления: а) исходя из завета Всевышнего «не убий»; б) из-за боязни наказания; в) этому убийству противостоял Аллах.

4. «Молчание Корана». Коран, Сунна¹, Иджма² — источники мусульманского института наказания. Если в этих книгах отсутствуют соответствующие предписания относительно наказания и его применения за те или иные деяния, то используется Кияс, то есть рассуждения в области права по аналогии. Институт наказания в Коране не систематизирован в виде определенного кодекса, не сведен к обозримой совокупности общих принципов. Однако есть понятия, обобщающие конкретные религиозные отношения и добродетели: справедливость, милосердие, совесть, мудрость и т. д. Религиозные начала наказания в Коране непосредственно вытекают из этих принципов.

Отсутствие ответов на многие вопросы жизни в обществе, которое только что отказалось от существовавших обычаев и традиций древности, в частности в области правовых отношений, требовало разнообразных разъяснений, дополнений, толкований. Все это привело к тому, что возникла настоятельная необходимость в постоянном комментировании положений Корана, хотя Аллах установил: «Мы ничего не упустили в Писании» (Сура 6, аят 38).

Представляется, что в данном случае речь идет не об установлении в Коране всех конкретных правил поведения, деяний человека и ответственности за них в форме наказаний, а о закреплении в нем общих рамок поведения, ориентиров и принципов, на основе которых можно создать справедливую систему наказаний за противоправные поступки. Многие расплывчатые указания Корана относительно применения наказания как средства борьбы с преступными проявлениями или грехами с точки зрения ислама послужили основанием для эволюции идеи института наказания в мусульманском

¹ Сунна — сборник адатов, традиций, касающихся действий и высказываний пророка Мухаммада.

² Иджма — заключение древних правоведов, знатоков ислама.

праве, ибо общие религиозные осуждения того или иного поступка без закрепления точной меры наказания не в загробной жизни, а в реальной действительности создавали огромные проблемы для государства. Пока Пророк был жив, особой надобности в Коране как сумме Божественных заповедей не было, поскольку на все вопросы давал ответ сам Мухаммад. Проблемы, естественно, возникли в реальной жизни после смерти Пророка, то есть тогда, когда оказалось, что предписаний, содержащихся в Коране относительно наказания грешников — преступников, недостаточно.

Поэтому уже на раннем этапе формирования мусульманской общины возникли две тенденции: использование предписаний Корана относительно наказания и независимое суждение фикха, который должен был брать на себя ответственность за принятие решения, когда возникал вопрос в связи с назначением и применением наказания. Такие суждения, в первую очередь, должны быть основаны на Коране, а потом, если Священная книга «молчала», на Сунне, то есть на высказывании Пророка, которые, будучи зафиксированы, стали вторым после Корана источником ответов на возникающие вопросы в связи с назначением наказания. В Коране встречаются выражения «Сунна предков» (Сура 8, аят 39; Сура 15, аят 13; Сура 18, аят 53; Сура 35, аят 41), «Сунна Аллаха» (Сура 17, аят 79; Сура 33, аят 62; Сура 48, аят 23).

Начало практике разъяснений, которые впоследствии вошли в сборник хадисов, положил сам Пророк.

Таким образом, хадисы для исламских богословов были важнейшими источниками, направлениями, материалами для уточнения и толкования положений Корана в целях разработки мусульманского уголовного права, что имело огромное значение в эволюции института наказания. Однако по содержанию хадисов Пророка Мухаммада можно заметить, что Он не стремится создать новое право, регулирующее уголовно-правовые отношения, то есть уголовный кодекс, где четко было бы указано, какие деяния человека следует считать преступлением и какое наказание за это необходимо. Цель посланника Аллаха заключалась в том, чтобы научить людей, как поступать в реальных жизненных ситуациях, как относиться к тому или иному событию, факту, поступку и т. д. По содержанию установлений, предусмотренных в этих хадисах, все рекомендации, имеющие силу правовых норм, можно разделить в зависимости от

поступка на следующие категории: обязательные, рекомендуемые, разрешаемые, порицаемые и запрещенные. Например, умышленное убийство относится к категории запрещенных деяний, за которое предусмотрена смертная казнь. А вот заключение договора умышленным, хотя и является деянием запрещенным, тем не менее не считается преступлением, а значит, и наказуемым в уголовном порядке. Ученые-правоведы спустя десятки лет после смерти Пророка составили авторитетные сборники хадисов, признанные различными школами мусульманского права в качестве источников их выводов. Уже в период правления Омара (634–644) у судей даже появились советники из числа людей, прекрасно знавших Коран и Сунны Пророка, помогавших им решать уголовные дела и назначать справедливое наказание на основе консенсуса. Это фактически означало, что судьи теряли самостоятельность и не принимали решение по собственному усмотрению, в то время как Пророк всячески поощрял свободное усмотрение судьи при определении меры наказания в случае отсутствия в Коране ответа на тот или иной конкретный вопрос. Омар требовал от судей в случае молчания Корана и Сунны принимать в таких случаях решение по собственному усмотрению, используя и принцип (положения) аналогии. Омар не отменял правила, введенные его предшественниками — халифами, хотя и не соглашался со многими из них и предлагал свои варианты решения совпадающих вопросов. Он иногда даже принимал решения в зависимости от ситуации, которая расходилась с нормой, примененной им самим ранее по аналогичному делу. Он говорил: «То было правило, по которому мы судили раньше, а это — норма, по которой мы судим теперь»¹. Все это свидетельство того, что Коран и Сунну невозможно было обойти при принятии решения о назначении наказания, хотя жизнь реальная требовала выйти за пределы таких установлений. Поэтому первым халифам приходилось каждый раз, в каждом конкретном случае находить варианты для справедливого решения.

Очень часто наказание за запретные деяния, установленные в Коране или Сунне, уточнялись, конкретизировались и даже существенно корректировались государством на основе правовой доктрины. Например, по Корану, за умышленное убийство и телесное

¹ *Абд Аллах Хусейн*. Ад-Давла ал-исламийа. Каир, 1947–1948. С. 295.

повреждение допускаются кровная месть и наказание по принципу талиона, но в то же время мусульманское уголовное право, отвергая применение этого наказания, настаивало на уплате выкупа. Кстати, при жизни Пророка Мухаммада не было ни одного случая, когда Пророк повелел бы вершить возмездие кровью. Во всех случаях Он призывал простить виновного¹.

Впоследствии в Сунну стали включать также примеры из жизни четырех праведных халифов — Абу Бакра, Омара, Османа, Али, правивших в 632–661 гг. В конечном счете, высказывания Пророка Мухаммада и его сподвижников получили название «Хадисы» — собрание из устно переданных изречений и наставлений Пророка Мухаммада и общественной Его жизни. Понятно, что мусульмане не считают эти хадисы посланием Всевышнего для безусловного использования правоверными, однако они служили и служат в качестве источников мусульманского права вообще и уголовного права в частности для разрешения случаев, не обозначенных в Коране. Короче говоря, появление и дальнейшее использование Хадисов было обусловлено тем, что Божественных установлений, изложенных Аллахом в Коране, оказалось недостаточно для назначения наказания в отношении лиц, совершивших преступления, мусульманам, которые привыкли веками жить по обычаям и традициям своих предков, считающиеся уже сейчас, по исламу, деяниями наказуемыми.

К началу VIII в. в «науке о хадисах» сложились три школы: мединская, иракская и сирийская. Наиболее авторитетным сборником хадисов считается Аль-Джами ас-Сахих, составителем которого был Мухаммад аль-Бухари (810–870). Он отобрал 7400 хадисов. Собрание хадисов состоит из шести книг — правильных преданий. Итак, можно выделить следующие группы уголовно-правовых предписаний в мусульманском праве относительно наказания как средства противодействия греховно-преступным деяниям: а) наказания, которые прямо предусмотрены в Коране; б) наказания, сформулированные Пророком Мухаммадом в Его высказываниях (Сунна); в) уголовно-правовые нормы, регулирующие вопросы назначения и исполнения наказания, сформулированные мусульманско-правовой

¹ Хадис от Анаса; св. х. аль Байхаки и др. — См., напр.: *аль-Джазири А. Аль-фикх аля аль-мазахиб аль арба'* (Исламское право согласно четырем мазхабам): В 5 т. Бейрут: аль-Кутуб аль ильмия, 1990. Т. 5. С. 229.

доктриной на основе мнения наиболее авторитетных правоведов и умозаключения по аналогии.

Итак, праведные халифы — Абу Бакр, Омар, Осман и Али, как и другие сподвижники Пророка, решая конкретные уголовные дела, при определении вида и меры наказания обращались к Корану и Сунне. Однако, когда в этих установлениях они не могли найти ответ при сложившейся ситуации, то есть в случае «молчания» Корана и Сунны, им приходилось формулировать новые уголовно-правовые нормы, регулирующие вопросы наказания, на основе расширительного толкования указанных источников. В итоге, эти нормы наряду с Кораном и Сунной стали приобретать нормативный характер и служили основой для судебного решения о назначении наказания. В дальнейшем они получили название «высказывания сподвижников». Таким образом, можно сделать вывод о том, что основанием для развития института наказания в мусульманском уголовном праве стало наличие многочисленного расплывчатого указания Корана относительно мер ответственности в случае нарушения правил поведения: общее религиозное осуждение того или иного поступка без закрепления точной меры наказания в реальной жизни, то есть земного наказания, служило поводом для признания властью соответствующих их усмотрению мер наказания. Поэтому мусульманской правовой доктрине приходилось быть участницей эволюции идеи о наказании на основе, естественно, религиозных предписаний. Тем не менее развитие института наказания в мусульманском праве сталкивалось с определенными проблемами: пробельность и противоречивость Корана и Сунны в понятиях преступления и наказания была очевидна. Проблема заключалась также в том, что большинство содержащихся в Коране и Сунне уголовно-правовых норм, регулирующих вопросы наказания, считалось имеющими божественное происхождение, а значит, — вечными и неизменными. Следовательно, они не могли быть просто заменены уголовно-правовыми актами государства, хотя в этом и была острая необходимость в силу исторического развития общества. Соответственно правоведам путем толкования общих предписаний Корана и Сунны приходилось «выкручиваться» и придавать данным уголовным нормам юридический характер. Необходимо также подчеркнуть, что даже в самих хадисах есть различия и противоречия, в частности в случаях, касающихся проблем, связанных с назначением наказания.

Особенно эти противоречия заметны между хадисами, сообщаемыми племянником и зятем Пророка — Али, и хадисами, переданными некоторыми из главнейших последователей и сподвижников Мухаммада: Абу Хюрейром, Ибн Аббасом, Ибн Омером сыном Халифа Омара, Аишей — вдовой Пророка, дочерью Абу Бакра. Разногласия и противоречия касались, в первую очередь, оценки поведения человека с точки зрения правомерности, что, естественно, оказывало влияние на понятие наказания, на его цели, а также на меры за те или иные деяния, ибо в некоторых случаях вопрос о наказании рассматривался по-разному. Поэтому начиная с VIII в. главную роль в ликвидации возникших пробелов взяли на себя правоведы — основатели правовых школ, которые положили начало новому этапу формирования мусульманской правовой науки. Итогом его явилось возникновение различных направлений в толковании Корана и Сунны относительно сущности и целей уголовного наказания за преступные, греховные деяния. Ученые-правоведы прекрасно понимали, что если систему наказания связать только с Кораном и Сунной, то есть с религией ислама, и не придавать данному институту уголовного права самостоятельного существования, то он не сможет развиваться и эволюционировать. Поэтому именно благодаря творчеству правоведов стало возможным перевести религиозные положения Корана и Сунны на язык практических уголовно-правовых норм, чего требовала сама жизнь в связи с проблемами, с которыми сталкивалось государство и общество при обеспечении правопорядка в стране. Все было не так-то просто, ибо этим правоведам приходилось привязывать институт наказания к Божественным откровениям, то есть к Корану и Сунне.

Надо было также учитывать, что некоторые народы, племена, нации, этнические группы, принявшие ислам в качестве религии (бедуины, берберы Северной Африки и др.), все еще при возникновении уголовно-правовых проблем в регулировании отношений между членами сообщества придерживались прежних обычаев, которые очень часто прямо противоречили Корану и Сунне. Законоведы, опираясь на Коран и Сунну как каноническую основу исламского права, обособившись от богословия, в VIII–IX вв. создали наиболее известные и сохранившие свое влияние и поныне школы исламского права. Все эти школы использовали следующие четыре метода решения спорных богословских проблем: 1) система

ханифизм отдавала предпочтение методам *рая* и *кияса*, то есть индивидуальному толкованию и решению спорных проблем методом аналогии. Ханифизм стал наиболее предпочтительной системой в Османской империи; 2) *маликизм* отдает предпочтение методам *иджму*, то есть согласованному мнению, и *раю* (страны Магриба, африканские страны); 3) *шафизм* использует *иджму* и *кияс* (Сирия, Египет, Восточная Африка, Пакистан, Индонезия); 4) *ханбализм* опирается в основном на хадисы и лишь ограниченно использует методы *рая*, *иджмы* и *ишьяса* (Аравия).

Таким образом, можно считать, что в VII–VIII вв. источниками развития и эволюции института уголовного наказания в исламе выступали Коран и Сунна, а также высказывания сподвижников Пророка. Начиная с IX–X вв. эта роль постепенно перешла к доктрине. Таким образом, исторически институт наказания в мусульманском уголовном праве берет начало не непосредственно из Корана и Сунны, а развивается на основе практики, которая часто отходила от Священной книги и установлений Пророка Мухаммада. И в этом огромная роль принадлежит, естественно, ученым-правоведам, правовой науке.

До конца XV в. мусульманское уголовное право в форме доктрины выступало ведущим источником, устанавливавшим систему наказаний за преступления и регулировавшим порядок их применения. И только с образованием Османской империи заметное влияние на отрасль уголовного права стала оказывать расширяющаяся законодательная практика правителей. К началу XX в. лишь в странах Аравийского полуострова и Персидского залива мусульманское уголовное право сохранило свои позиции и действовало универсально в своем традиционном виде. Остальные страны отказались к середине XX в. от старой системы фикха¹ и стали строить свое законодательство по двум основным образцам: а) романо-германскому (Египет, Сирия, Ливан, страны Магриба); б) англосаксонскому — (Ирак, Судан). В этих странах было принято уголовное законодательство, которое ориентировалось на буржуазные образцы, что привело соответственно к новому этапу развития системы наказания в мусуль-

¹ Под фикхом, в принципе, понимается овладение всем комплексом положений новой религии, знаний, предписаний ислама, регулирующих все стороны жизни его последователей, их поведение и мысли.

манских странах. Классификация современной системы уголовного права стран зарубежного Востока выглядит следующим образом.

Первая группа — уголовно-правовые системы Саудовской Аравии и Ирана, где мусульманское уголовное право продолжает применяться максимально широко.

Вторая группа — уголовно-правовая система Ливии, Пакистана, Судана и Йемена, где сфера действия мусульманского уголовного права является менее значительной, хотя в последнее десятилетие обнаруживается тенденция к его расширению. Так, например, Ливия в 1971 г. приняла решение об исламизации правовой системы. В Пакистане и Иране исламизация всех сторон общественной жизни, в том числе и правовой системы, рассматривается как важное средство решения не только вопросов борьбы с преступностью, но и острых политических, экономических и социальных проблем. В этих странах празднование дня рождения Пророка Мухаммада в феврале 1979 г. было ознаменовано введением в действие важного акта, установившего уголовную ответственность за некоторые преступления: употребление спиртных напитков, прелюбодеяние, кражу, разбой и ложное обвинение в прелюбодеянии. Наказание за это — хуруд.

Третья группа (самостоятельная) — уголовно-правовая система ряда стран: ОАЭ, Бахрейн, Кувейт, Бруней, Сомали. Уголовные кодексы. Кувейта 1960 г. (с дополнением ст. 206 в 1964 г.); Сомали 1962 г. и Бахрейна 1976 г. (ст. 306–308) предусматривают ответственность за изготовление, хранение, продажу и употребление спиртных напитков, а также за азартные игры, хотя установленные меры наказания за эти деяния не соответствуют чисто мусульманскому уголовному праву (лишение свободы, штраф).

Четвертая группа — правовые системы Египта, Сирии, Ирака, Ливана, Марокко, Иордании, Алжира, Мавритании, Нигерии, Афганистана. Таким образом, можно прийти к выводу, что анализ современного уголовного права исламских стран позволяет утверждать, что традиционное мусульманское уголовное право в сколь угодно универсальном виде до недавнего времени практически не использовалось ни в одной стране Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, а также в большинстве арабских стран. Лишь в отдельных странах (районах) Аравийского полуострова и Персидского залива за мусульманским правом сохранялась роль ведущего

источника при разрешении уголовных дел. В Саудовской Аравии до сих пор нет единого уголовного кодекса. Поэтому применение наказания предусмотрено рядом уголовных законов, а также многими нормативными правовыми актами в других отраслях. В частности, виновные в употреблении алкоголя или наркотических средств подвергаются телесному наказанию в виде 80 ударов плетью.

§ 3. О преступлениях и наказаниях, по Корану

1. Об убийстве. Запрет на убийство детей, в том числе и путем аборта. «Не убивайте своих детей, опасаясь нищеты, ведь мы обеспечиваем пропитанием вас вместе с ними. И не приближайтесь к мерзким поступкам, явным или сокрытым. Не убивайте душу, которую Аллах запретил убивать, если только у вас нет на это права» (Сура 6, аят 151) (см. также: Сура 17, аят 31).

2. Запрет на убийство человека не иначе как по праву. В Коране читаем: «Если же кто-либо убьет верующего преднамеренно, то возмездием ему будет Геенна, в которой он пробудет вечно. Аллах разгневан на него, проклянет его и приготовит ему великие мучения» (Сура 4, аят 93); «Не убивайте душу, убивать которую Аллах запретил, если только у вас нет на это права. Если кто-либо убит несправедливо, то мы уже предоставили его правопреемнику полную власть, но пусть он не излишествует в отмщении за убийство. Воистину, ему будет оказана помощь» (Сура 17, аят 33); «Мы предписали сынам Исраила (Израиля): кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям...» (Сура 5, аят 32).

Абдуллах бин'Амр'Ас передает, что посланник Аллаха сказал: «Клянусь Аллахом, в руках которого находится моя жизнь, убийство мусульманина перед Аллахом страшнее, чем уничтожение всего мира»¹. Абдуллах бин Мас'уд передает, что посланник Аллаха произнес такие слова: «Первое, что будет рассмотрено в Судный день, — это дела крови (убийства)»². Значит ли это, что убийство

¹ Насан, Тахримуд-Даш, 2/3984. — См. также: Тирмизи, Дийат, 7/1398; Ибн Маджа, Дийат, I. 250 хадисов с комментариями. О нормах жизни мусульманина. Мурат Кая. М., 2009. С. 342.

² См. 250 хадисов... Бухари, Дийат, I.; Муслим, Касама, 28.

является, по исламу, самым большим грехом? Анас передает, что, когда у посланника Аллаха спросили о самых больших грехах, он ответил: «Придавать Аллаху сотоварищей, не подчиняться родителям, убить человека и приносить ложную клятву»¹. Однако в некоторых хадисах убийство стоит на втором месте после ширка, то есть многобожия². Тем не менее Пророк относит убийство к самым страшным из всех преступных грехов, которые человек может совершить. Об этом свидетельствует следующий хадис: «Абдуль-Хаким аль-Баджали передает: “Я слышал от Абу Саида аль-Худри и Абу Хурайри, что посланник Аллаха сказал: “Если бы все обитатели небес и земли пролили кровь одного мусульманина, то Аллах бросил бы их всех в Ад”»³. В аяте 93 Суры 4 «Женщины» Аллах устанавливает самое строгое наказание за умышленное убийство, однако ничего не говорит о прощении за данное преступление. Парадокс: Всевышний Аллах провозглашает о том, что все грехи (преступления), кроме многобожия, могут быть прощены. В то же время в этом аяте однозначно говорится о возмездии, в связи с чем возникает вопрос: если Аллах может простить все грехи (преступления), то относится ли это также к убийству?

Некоторые утверждают, что, кроме многобожия, по исламу, все грехи могут быть прощены Аллахом. Ибн Омар говорил, что убийство не по праву — это самая опасная и гиблая пропасть, из которой невозможно выбраться. Убийство, разрушая человека и физически, и морально, делает его несчастным в обоих мирах. Наказание в будущей жизни за убийство также велико. Наказанием же за убийство в этом мире, в этой жизни является смертная казнь. В одном хадисе говорится: «Человек, который хотя бы половиной слова помог убийству верующего, предстанет перед Аллахом с надписью между глаз: “У этого человека нет надежды на милость Аллаха”»⁴. Но если душа дарована нам Аллахом, это залог (аменет), следовательно, ни у кого нет права отнимать ее. Душу человека дарует Аллах, и Он же забирает ее. Значит ли это отрицание Аллахом смертной казни как наказания? Но ведь это противоречит Корану: «Если же кто-либо

¹ См. 250 хадисов... Бухари, Шахадат, 10.

² См. 250 хадисов... Бухари, Дийат, 2; Насаи, Тахримиль-Даш, 3/4007.

³ См. 250 хадисов... Тирмизи, Дийат, 8/1398.

⁴ Суюти, аль-Фатхуль-кабир, III, 164-250 хадисов...

убьет верующего преднамеренно, то возмездием ему будет Геенна, в которой он пробудет вечно...» (Сура 4, аят 93).

3. О насилии. Пророк говорил, что любое насилие будет обязательно наказано уже в этой жизни: «Вместе с тем, что они наказываются в будущей жизни, уже в этом мире чаще всего наказываются такие грехи, как насилие и пренебрежение родственниками»¹. Пророк сказал: «Может ли Аллах оправдать то общество, где с сильных не спрашивают за бессильных?»². Посланник Аллаха все время предупреждает свою общину о том дне, когда справедливость проявится в полной мере. например: «Если кто-то совершил насилие, поправ честь, достоинство или имущество другого, пусть помирится с ним, прежде чем наступит Судный день, когда уже не будет золота и серебра»³.

Абу Зарр сообщает, что посланник Аллаха передал такие слова Всевышнего Аллаха — велик Он и славен: «О Мои рабы! Я сделал насилие запретным (харам) для Себя. Я сделал его запретным и для вас. Не совершайте насилие (зульм) по отношению друг к другу!»⁴. Джабир сообщает, что Посланник Аллаха сказал: «Остерегайтесь совершать насилие! Ибо насилие в Судный день предстанет крошечной тьмою»⁵.

Все эти высказывания Пророка свидетельствуют о том, что Он был всегда противником насилия. Вот пример: некий Сухайль бин Маар настраивал людей против ислама, сбивал их с истинного пути. Этот человек попал в плен в битве при Бадре. Омар попросил посланника Аллаха выбить ему зубы, то есть наказать, чтобы язык свесился наружу, но тот ответил: «Оставь его, о Омар! Я не могу искалечить его. Если я поступлю так, то хотя я и Пророк, Аллах воздаст мне тем же»⁶.

4. О воровстве. «Вору и воровке отсекайте руки в воздаяние за то, что они совершили...» (Сура 5, аят 38). Эльман Гасанов считает, что в этом аяте первичное наказание предусмотрено только в виде отсечения ногтевых пальцев рук, отсутствие которых не лишает

¹ Абу Дауд, *Адаб*, 43/4902; Тирмизи, *Кыйама*, 57; Ибн Маджа, *Зухд*, 23.

² Ибн Маджа, *Фитан*, 20; Абу Йа'ля Муснад IV, 7-8; Ибн Хиббан, XI, 443-44.

³ Бухари, *Мазалим*, 10; Рикак, 48.

⁴ *Муслим*. Бирр, 55.

⁵ Бухари, *аль-Адабуль-Муфрад*. 483.

⁶ Ибн Химам, II. 293.

раскаившегося преступника возможности творить благие деяния: совершать молитву, честно трудиться, сражаться на пути Аллаха и т. д., что в полной мере соответствует требованиям последующего аята 39 Суры 5. Словосочетание «отсекайте руки» можно понимать и в смысле «удержите» вора путем его изоляции от общества. Если же данную фразу аята понимать буквально, в наказательном значении, то следует, что вору надо отсечь руку или руки. Однако это вовсе не означает, что за всякую кражу необходимо отсекал руку (например, за кражу куска хлеба), ибо такое наказание является тяжчайшим наказанием. Представляется, что данное наказание, по Корану, преследует цель не лишить вора или воровку руки, а в первую очередь навести страх на других и предупредить потенциальных воров, то есть эта мера является психологическим воздействием на остальных. Таким образом, оно направлено не на возмездие за содеянное, а на предупреждение. Пророк Мухаммад сказал: «Аллах (Бог, Господь) проклял вора, который лишается кисти (руки) за то, что украл яйцо или веревку»¹.

При халифе Омаре в халифате был голод, в результате чего резко увеличилось количество преступлений, связанных с воровством, кражами, за которые Кораном было предусмотрено самое суровое наказание, в том числе смертная казнь. Омар понимал, что применение таких наказаний за это деяние результатов не даст. Кроме того, халиф полагал, что причиной роста, распространения преступлений является голод и что за это должен отвечать перед Аллахом лично он как халиф. Следовательно, если людей наказывать, то, в первую очередь, Аллах должен наказать за это именно его, халифа, ибо он отвечает за благополучие в стране. Исходя из этого, Омар принял решение вообще не наказывать за подобные преступления на период голода, хотя это и противоречило Корану.

5. О прелюбодеянии. Прелюбодеяние, как мы знаем, с давних времен, еще до ислама было проступком, который человеческий разум и все нравственные и правовые системы, и все предыдущие божественные начала религии считали в высшей степени отвратительным и мерзостным. В исламе прелюбодеяние считается великим грехом. Об этом открыто и ясно говорится во многих аятах Корана и хадисах Пророка Мухаммада: «Скажи верующим мужчинам,

¹ См.: аль-Бухари М. Сахих аль-Бухари (свод хадисов имама аль-Бухари). Рияд: аль-Афкар ад- девлийя, 1998. С. 1294, хадис № 6783.

чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Так будет чище для них. Воистину, Аллаху ведомо о том, что они творят» (Сура 24, аят 30); «Скажи верующим женщинам, чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Пусть они не выставляют напоказ своих прикрас за исключением тех, которые видны, и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди...» (Сура 24, аят 31); «Не приближайтесь к прелюбодеянию, ибо оно является мерзостью и скверным путем» (Сура 17, аят 32).

Сохранение чести и порядочности — одна из самых важных обязанностей мусульманских мужчин и женщин. «Воистину, преуспели верующие... которые оберегают свои половые органы от всех...» (Сура 23, аят 5).

Хотя Коран и отводит прелюбодеянию довольно много аятов, тем не менее население, которое только что простилось со старыми традициями и обычаями, сталкивалось с вопросами относительно запрета на прелюбодеяние: почему нельзя прелюбодействовать, чем прелюбодеяние вредно для человека, почему женщине нельзя торговать своим телом, какими признаками характеризуется прелюбодеяние, каким образом надо противостоять прелюбодеянию?

Пророк Мухаммад сказал: «О люди! Бойтесь прелюбодеяния, ведь оно (наряду с другим скверным и вредоносным) имеет шесть характерных особенностей (последствий) — три в мирской обители и три в вечной: лишает человека великолепия (красоты, чистоты и человеческой природы), порождает нищету и сокращает жизнь (количество счастливых, благополучных часов и дней), вызывает гнев Всевышнего, сделает крайне невыносимым отчет в Судный день и приведет к мучениям в Аду»¹.

Ислам полагает, что прелюбодеяние считается большим грехом, ибо Аллах очень не хочет, чтобы люди, которых Он сотворил, совершали мерзость и распространяли нечистоты. Аиша передает, что посланник Аллаха сказал: «О община Мухаммада! Нет никого, кто бы более Аллаха ревновал, когда Его рабы — мужчины или женщины, совершают прелюбодеяние. О община Мухаммада! Если бы вы знали то, что знаю я, вы бы мало смеялись и много плакали»². Посланник Аллаха предупреждает людей также о последствиях распространения прелюбодеяния: «Когда в каком-то народе распрос-

¹ Заглюль М. Мовсу'а атраф аль-хадис ан-набави аш-шариф. Т. 11. С. 244.

² Бухари, Никах, 107. (см.: 250 хадисов с комментариями: Сб. С. 385).

транжаются прелюбодеяние и разврат и люди начинают открыто совершать эти грехи, то обязательно среди них распространяются чума и другие болезни, которых не было у народов, живущих до них»¹. Здесь речь идет о физическом вреде — риске заразиться болезнями, передающимися половым путем. Следует особо подчеркнуть, что Аллах сделал запретным прелюбодеяние, так же как алкоголизм и наркоманию, не сразу, а постепенно. Аиша передает, что, «если бы сначала был ниспослан приказ: “Не совершайте прелюбодеяние!”», люди бы также сказали: “Мы не оставим прелюбодеяние!”»². Надо сказать, что условия соблюдения этих требований слишком суровые, а порой и непонятные. Например, возникает вопрос: считается ли взгляд мужчины на женщину или женщины на мужчину прелюбодеянием? Если исходить из хадисов Пророка, ответ должен быть положительным, ибо взгляд назван «прелюбодеянием глаз». А это уже грех. Глаза — это окна, открывающиеся в сердце. Когда глаза смотрят на нежелательное, это отрицательно воздействует на разум и занимает его грехами, а также становится причиной загрязнения сердца и разрушения духовности. Пророк Мухаммад сказал: «...берегите свою плоть (не вступайте в интимные отношения с кем-либо, кроме законной жены (мужа)); опускайте взоры (не высматривайте красоту противоположного пола, тем более, когда присутствует оголение тех частей тела, которые должны быть прикрыты...)»³. Если, по исламу, взгляд назван «прелюбодеянием глаз», то таким же образом слушать — «прелюбодеяние ушей», разговаривать — «прелюбодеяние ног», желать — «прелюбодеяние сердца и нафса»⁴.

Но ведь человек может посмотреть на женщину без всякого плохого умысла, не намеренно. Когда у Пророка спросили, какое определение имеет неопределенный взгляд, Он ответил: «Отведи тут же взгляд в другую сторону»⁵. Абу Уама передает, что посланник Аллаха сказал: «Если взгляд какого-то человека упадет на одну женщину и он тут же отведет взгляд, Аллах пожалует ему вознагражде-

¹ *Ибн Маджа, Фитен*, 22; *Хаким*, IV, 583/8623.

² *Бухари, Фадаилуль* — Куран, 6.

³ Хадис от *Убады ибн ас-Сомита*; св. х. Ахмада, ибн Хаббана, аль-Хакима и др. (см., напр.: ас-Суюты Дж. Аль-джамии ас-сатир, с. 71. Хадис № 095, «сахих»).

⁴ *Бухари, Исти'зан* 12, *Кадар* 9; *Муслим Кадар* 20–21. — См. также: Абу Дауд, *Никах*, 43 (*Тараджуль*, 7/4173; *Насан, Зиннат*, 35).

⁵ *Муслим, Адаб*, 45; Абу Дауд, *Никах*, 43; *Тирмизи, Адаб*, 28.

ние (сабаб) как за ибаду, вкус которого он почувствует в своем сердце»¹. Бурейда передает, что посланник Аллаха сказал досточтимому Али: «О Али, если ты случайно посмотрел на запретное (харам), не смотри во второй раз! Ибо первый взгляд для тебя (прощен), второй же — против тебя (грех)»². Запрещается также женщинам, надушившись благовониями, проходить мимо группы мужчин, ибо это также считается прелюбодеянием. «Посланник Аллаха сказал: “Глаза совершают прелюбодеяние (смотря на запретное)”». Иисус, кстати, в вопросе о браке оказался жестче Моисея: «Вы слышали, что сказано древними: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5; 27,28; Мф. 5:31,32). Прелюбодеянием считается также, если мужчина остается в уединенном месте один на один с женщиной, которая не является ему женой или родственницей (близкой). Коран предусматривает различные наказания за прелюбодеяние: «Прелюбодейку и прелюбодея — каждого из них высеките сто раз...» (Сура 24, аят 2). Коран призывает людей избегать любых ситуаций, которые могут ввергнуть в искушение. Надо отметить, что Коран внес коррективы в части определения меры наказания в прелюбодеянии или за незаконное сожителство. До этого аята в соответствии с Сунной Светлейшего Пророка Мухаммада за такие деяния полагалось наказание в виде смертной казни путем побивания камнями, аналогичное Закону Моисея (Библия. Лев. гл. 20, ст. 10) и Евангелию от Иоанна (гл. 8, ст. 5).

Пророк Иисус Христос предпринял попытку отменить смертную казнь за прелюбодеяние, однако она не увенчалась успехом, не приобрела силу закона и осталась лишь частной инициативой И. Христа. Следует подчеркнуть, что исламское вероучение, основанное на Священном Коране, никогда не предписывало в качестве наказания побивание камнями за супружескую измену. Сунна Пророка Мухаммада в отношении побивания камнями имела силу закона до ниспослания Аллахом указанных аятов (Сура 24, аят 2). Пророк принимал решение в отсутствие Господних заветов на основании Закона Моисея. Вместе с тем отмена смертной казни за прелюбодеяние воспринята не всеми современными исламскими странами, хотя в соответствии с аятом 1 Суры 24 знамения данной

¹ Ахмад, V, 264; Хайсами, VIII, 63.

² Абу Дауд. Никах, 42-43/2149; Тирмизи, Адаб, 28/2777; Хайсами, VIII, 63.

суры возведены в Закон Аллаха и поэтому обязательны к исполнению всеми: «Вот сура, которую мы ниспослали и сделали законом. Мы ниспослали в ней ясные знамения, чтобы вы могли помянуть назидания» (Сура 24, аят 1). Помимо телесного наказания за прелюбодеяния, Кораном предусмотрены и другие меры не карательного характера. В частности, на основании аята 12 Суры 60 посланник Аллаха брал с людей клятву, что они не будут приближаться к прелюбодеянию и всему, что ведет к нему, что они будут хранить целомудрие: «О Пророк! Если к тебе придут верующие женщины, чтобы присягнуть в том, что они не будут прелюбодействовать... то прими у них присягу и попроси у Аллаха прощение для них...». Верующей женщине, принявшей эти условия, посланник Аллаха говорил: «Все, я взял с тебя присягу». Посланник Аллаха, чтобы предотвратить прелюбодеяние, запретил зарабатывать деньги на проституции и прелюбодеянии¹.

Таким образом, торговля самым ценным, что есть у человека, — целомудрием и честью, была объявлена запретной (харам). Согласно исламскому вероучению прелюбодеяния так отвратительны и ненавистны Аллаху, что Он на время их засилия предначертал начало Судного дня. В Коране прописаны также ответственность и наказание за лесбиянство и мужеложство: «Против тех из ваших женщин, которые совершат мерзкий поступок (прелюбодеяние)... держите их в домах, пока смерть не покончит с ними или пока Аллах не установит для них иной путь» (Сура 4, аят 15); и далее: «Если двое из вас совершат такой поступок (прелюбодеяние), то подвергните обоих наказанию...» (Сура 4, аят 16). В этих аятах речь идет о «содомском грехе» — порочной связи двух женщин, равно как и о половой связи двух мужчин. Надо сказать, что для людей, уличенных в прелюбодействе, Коран предусматривает также наказание в гражданско-брачном плане: «Прелюбодей женится только на прелюбодейке или многобожнице, а на прелюбодейке женится только прелюбодей или многобожник. Верующим же это запрещено» (Сура 24, аят 3). Это наказание можно считать дополнительным к основному — телесному. Устанавливая строгие запреты и наказания за их нарушения, Коран и Сунна в то же время предусматривают ответственность за бездоказательное обвинение кого-либо в

¹ Бухари Буйй, 25, 113; Иджара 20; Таяк, 51; Тыбб, 46; Либас, 86, 96; Мулим, Мусахат, 40.

прелюбодеянии, мужеложстве и других преступлениях — 80 плетей по платью, а не по обнаженному телу. За совершения прелюбодеяния Всевышний установил в Коране строгое наказание не только в земной жизни, но и в загробной, сообщив, что подвергнет грешников мучительному наказанию. Посланник Аллаха извещает людей о том, что Всевышний страдает, когда Его рабы совершают прелюбодеяние, говорит: если бы вы знали «скрытый смысл и причины запретов Аллаха, знали бы, какое наказание ожидает вас, если вы не внемлете этим запретам, знали бы об ужасах Судного дня»¹. Коран предусматривает двойное наказание в отношении жен Святейшего Мухаммада, если они совершат любую мерзость: «О жены Пророка! Если кто из вас совершит явную мерзость, то ее мучения будут удвоены. Это для Аллаха легко» (Сура 33, аят 30).

За прелюбодеяние полагаются следующие уголовные наказания: джельд, то есть 100 ударов плетью; кетль — смертная казнь полагается и за растление с насилием женщины; за соединение с мертвым телом — 25 плетей; за скотоложство — 25 плетей. Помимо этого, предусмотрено наказание в гражданско-брачном отношении, а также наказание в загробной жизни.

6. Употребление одурманивающих веществ и алкоголя. Когда посланнику Аллаха в ночь Перенесения принесли два кубка — один с вином, другой — с молоком, посланник Аллаха, посмотрев на них, выбрал кубок с молоком. На это Джабраил сказал: «Хвала Аллаху, который направил тебя к тому, что соответствует природе человека. Если бы ты взял кубок с вином, твоя община впала бы в заблуждение»². Пророк Мухаммад ответил: «Беру в свидетели Бога и свидетельствую пред Ним! Поистине, ангел Джабраил (Гавриил) сказал мне: “О Мухаммад! Пристрастившись к спиртному, то есть употребляющий спиртное, впавший в зависимость от него, подобен тому, кто поклоняется идолу”»³. После этого Пророк Мухаммад сказал: «Сторонитесь одурманивающего спиртного, наркотиков и т. д.! Нет сомнений в том, что оно — ключ всех зол»⁴.

¹ 250 хадисов с комментариями. С. 388.

² Иман, 272; Ашраба, 92. — См.: 250 хадисов с комментариями. Мурат Кая: Сб. М., 2009. С. 374.

³ Хадис от имама Али (см., напр.: ас-Суюты Дж. Аль-джами, ас-сатир, с. 70. Хадис № 1074 «сехих»).

⁴ Хадис от Ибн Аббаса; св. Х. Аль-Хакима и аль-Байхаки (см. также: ас-Суюты.

Аллах в Коране строг и непреклонен в отношении всего того, что дурманит и травит ум, а также пристрастия к азартным играм, влекущего за собой деградацию личности. Резко отрицательное отношение к употреблению спиртных напитков и наркотических веществ, как отмечают современные исследователи, объясняется тем, что такие действия посягают на интеллект, который представляет собой одну из защищаемых исламом ценностей и без которого немислима вера в Аллаха. Так как употребление спиртных напитков до ислама было широко распространено среди жителей Аравии, Всевышний Аллах не запретил алкоголь сразу, ибо, в противном случае, если бы запрет был внезапным, большинство людей не восприняли бы Коран. Мать всех правоверных Аиша сказала: «Повеления о разрешенном (халал) и запрещенном (харам) начали ниспосылаться только после того, как люди полностью привыкли к Исламу. Если бы сначала был ниспослан приказ: “Не употребляйте спиртное!”, то люди бы сказали: “Мы ни в коем случае не оставим спиртное!” И, принимая во внимание эту особенность природы человека, запрет алкоголя вводился постепенно: Сначала в Мекке был ниспослан аят: “Из плодов финиковых пальм и виноградников вы получаете опьяняющий напиток и добрый удел. Воистину, в этом знамение для людей размышляющих”» (Сура 16, аят 67). Как видим, Аллах в указанном аяте напоминает о том, что Он послал им плоды фиников и ягоды винограда, из которых люди могут получать не только пользу, но и напитки опьяняющего качества. Более того, Всевышний ничего не разъяснил. После хиджры в Медине Аллах ниспослал еще один аят относительно алкоголя: «Они спрашивают тебя об опьяняющих напитках и азартных играх. Скажи: “В них есть большой грех, но есть и польза для людей, хотя греха в них больше, чем пользы”» (Сура 2, аят 219). В чем же польза от алкоголя? Скорее всего, Коран имеет в виду то, что тогда алкоголь, точнее, напитки из хурмы и винограда, а также других фруктов крепостью 50 градусов использовались для лечения различных кишечных заболеваний. Но в чем грех от употребления такого напитка, если он используется в лечебных целях? Об этом и говорится в следующем аяте Корана: «О те, которые уверовали! Не приближайтесь к намазу, будучи пьяными, пока не станете понимать то, что произносите...»

(Сура 4, аят 43). Появление данного аята связано с тем, что однажды один из сподвижников Пророка, совершая намаз в нетрезвом виде, прочитал аят из Корана, исказив его смысл. После такого послания Аллаха необходимость молиться пять раз в день фактически не оставляла возможности для употребления алкоголя и наркотиков. Именно таким путем был изжит порок. Однако, как видим из содержания этого аята, он все-таки еще не является строго запрещенным, ибо речь идет о нетрезвом состоянии только в процессе совершения намаза. Необходимость следующего аята свидетельствует о том, что мусульмане все-таки еще не соблюдают требования Корана. Поэтому Аллах счел необходимым послать еще один и последний аят относительно опьяняющих напитков и азартных игр, появление которого связано с тем, что, когда во время одного пьяного застолья вспыхнула ссора, вся мерзость алкоголя предстала в самом явном виде: «О те, которые уверовали! Воистину, опьяняющие напитки, азартные игры... являются скверной из деяний дьявола. Сторонитесь же ее...» (Сура 5, аят 90); и далее: «Воистину, дьявол при помощи опьяняющих напитков и азартных игр хочет посеять между вами вражду и ненависть и отвратить вас от поминания Аллаха и намаза. Неужели вы не прекратите?» (Сура 5, аят 91).

Коран оставил открытыми некоторые вопросы: о каком количестве алкоголя идет речь, а если опьяняющее средство изготовлено не из фиников и винограда, о котором говорится в Коране, а из других фруктов? Коран запрещает употреблять и такие напитки. Касается ли это тех, кто изготавливает их, хранит или продает? Ответы на данные вопросы можно найти в хадисах Пророка Мухаммада. Джабир бин Абдуллах передает, что посланник Аллаха выразился так: «Все, что опьяняет в большом количестве, запретно (харам) и в малом»¹. Следовательно, запрет на спиртное не зависит от его количества — много его или мало. Если что-то вызывает опьянение в большем количестве, нельзя это употреблять и в малом. Ибн Омар передает, что посланник Аллаха сказал: «Поистине, Всевышний Аллах проклял алкоголь, того, кто пьет его, кто продает, кто покупает, кто изготавливает, кто переносит, и того, кому его приносят!»².

Ислам даже не рекомендует (запрещает) верующим находиться в компании пьющих: «Тот, кто верит в Аллаха и в Судный день,

¹ *Давуд*, Ашриба, 5/3681; *Тирмизи*. Ашриба, 3/1865.

² *Абу Давуд*, Ашриба, 2/3674.

пусть, даже если сам не пьет, не садится за стол, за которым распивают спиртное!»¹. Что касается наказания за эти деяния, то в Коране их нет. Однако Сунна фиксирует точную меру наказания. Согласно преданиям, Пророк требовал подвергать за нарушение этого постановления Аллаха телесному наказанию и даже применять смертную казнь, если данное преступление совершено в четвертый раз. Пророк лично наказывал за это деяние 40 ударами лишенной листьев пальмовой ветви. Ау-Бакр также применял 40 ударов. Омар, будучи халифом, установил 80 ударов. Исходя из того, что Кораном не установлено точное наказание за данное нарушение, некоторые справедливо относят его к разряду Тазир, за которое не установлена точная мера наказания. Кроме земного наказания, виновного ждет ответственность и в будущей жизни: придется пить такие нечистоты, на которые человек даже не может смотреть: пот, кровь и гной, стекающие с обожженных тел мучеников Ада. Посланник Аллаха сказал: «Все, что опьяняет, есть алкоголь, все, что опьяняет, запрещено (харам). Если кто при жизни будет пить вино, не прекратит это и умрет, не раскаявшись, то в ахирате ему не пить райского вина»². Что это за райское вино? Ислам считает, что между вином рая и вином этого мира существует лишь сходство в названии. Если вино, которое пьют люди в земной жизни, опьяняет человека, вводит его в разные грехи, вино рая не имеет свойства опьянять и ввергать человека в позор. Ислам даже в целях предостережения людей от совершения грехов предупреждает, что пьянство — мать всех непотребностей и всего бесстыдного, величайший из великих грехов! Кто выпьет, тот может совершить прелюбодеяние и со своей матерью, и со своей тетей³.

Итак, если Аллах употребление спиртных напитков указал в Коране, а Пророк — в Сунне как грех, то это деяние следует относить к наиболее общественно опасным, хотя и нелогично ставить данное преступление в один ряд с разбоем или бунтом по степени опасности.

7. Заведомо ложные клятвы. В искупление этого греха необходимо: а) накормить десятих бедняков средним (или лучшим)

¹ Передаёт Джабир (см.: *Тирмизи*, Адаб, 43/2801).

² *Муслим*, Ашраба, 73, 77. — Отдельно см.: *Бухари*, Ашраба, 1; Абу Дауд, Ашраба, 5. 250 хадисов с комментариями, С. 371.

³ *Хайсами*, V, 67.

из того, чем вы кормите свои семьи, или одеть их, или освободить раба; б) кто не сможет сделать этого, тот должен поститься в течение трех дней. Таково искупление ваших клятв, если вы поклялись и нарушили клятву (Сура 5, аят 89; см. также: Сура 16, аят 94; Сура 58, аяты 3-4). В приведенных аятах речь также идет о нарушениях клятвы и, соответственно, наказания: например, освободить раба или же поститься в течение двух месяцев. А если кто не сможет этого сделать, то есть поститься, то должен накормить шестьдесят бедняков.

8. Греховность злословия и ответственность за клятву. «Воистину, тех, которые поносят Аллаха и Его Посланника, Аллах проклял в этом мире и в Последней жизни и уготовил им унижительные мучения» (Сура 33, аят 57).

9. Воздаяние для тех, которые воюют против Аллаха и посланника Его. «Воистину, те, которые сражаются против Аллаха и Его Посланника и стремятся сотворить на земле нечестие, в воздаяние должны быть убиты или распяты, или у них должны быть отсечены накрест руки и ноги, или они должны быть изгнаны из страны. Это будет для них позором в этом мире, а в Последней жизни для них уготованы великие мучения» (Сура 5, аят 33).

10. Виды обязательных (номированных) наказаний в Коране: смертная казнь, членовредительские наказания, кисас¹ и дийа, компенсация (вира).

Согласно основным источникам шариата (Коран, Сунна), смертная казнь предусматривается только за преступления против жизни (умышленное убийство), а также за преступления против воли Аллаха (вероотступничество, прелюбодеяние, разбой, сопровождаемый убийством).

Отсечением руки согласно шариату за кражу приотягчающих обстоятельствах (неоднократно или при рецидиве) наказывается виновный исходя из положения Корана: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они совершили. Таково наказание от Аллаха, ведь Аллах — Могуущественный, Мудрый» (Сура 5, аят 38).

Бичевание (удары плетью) — наказание, применяемое к простому субъекту (бикр), совершившему прелюбодеяние, мусульманину, обвинившему мусульманина в прелюбодеянии или отрицающе-

¹ Кисас — буквально «возмездие», «расплата», «отмщение».

му в отношении него отцовство, за употребление мусульманином спиртных напитков. Количество ударов определяется точно за первые два деяния: за прелюбодеяние — 100 ударов, за лжесвидетельство — 80 ударов, а количество ударов за употребление спиртных напитков Кораном не установлено, но определяется Сунной Пророка и хадисами халифов.

Дийа — компенсация (вира) за убийство или телесное повреждение, предоставляемая потерпевшему или его законному представителю либо лицу, обладающему правом на возмездие (кисас). Дийа, будучи пережитком родо-племенных отношений арабских племен, действует в государствах, где нормы шариата являются не только источниками права, но и социальными нормами (Иран, Саудовская Аравия, Судан). В большинстве государств с преимущественным мусульманским населением, имеющих светское законодательство (Египет, Алжир, Марокко, Сирия, Иордания и т. д.), некая аналогия дийи существует в гражданском праве и касается вопросов компенсации причиненного ущерба в результате работ, оказания услуг и т. п.

Лишение свободы как вид наказания известен мусульманскому уголовному праву давно. Однако, по мнению ряда арабских юристов, данное наказание исторически не характерно для стран, исповедующих ислам, так как в тюрьмах до XIX — начала XX в. содержались только подозреваемые и обвиняемые, а вместо лишения свободы применялось изгнание из общины. Данную точку зрения поддерживает Набиль Абдельрахман Аль-Ассуми. В современных мусульманских государствах лишение свободы может быть: 1) на определенный срок или временное; 2) на неопределенный срок.

Уголовное законодательство Египта, Сирии, Ливана, Иордании, Бахрейна, Кувейта, Судана, Саудовской Аравии, Ирана лишение свободы разделяет на виды: 1) пожизненное тюремное заключение; 2) тюремное заключение на определенный срок; 3) арест.

Штраф — обязанность осужденного уплатить в доход государства определенную сумму, установленную приговором суда. Штраф, будучи одним из древнейших наказаний, получил широкое распространение в мусульманских государствах, где он занимает преобладающее место среди видов уголовного наказания и применяется как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания.

Дополнительное наказание: ссылка, лишение определенных гражданских и публичных прав, лишение права вождения транспортного средства¹.

Таким образом, можно прийти к выводу, что мусульманское уголовное право предоставляет законодателю полную свободу в выборе меры наказания за любое преступление, исключая лишь несколько видов, в отношении которых Кораном предусмотрены неизменные меры наказания. Разрабатывая теорию преступления и наказания за него, мусульманские юристы исходили, прежде всего, из того, что все деяния (поступки) и даже мысли людей предопределены волей Аллаха. А это означает, что любое преступление следует рассматривать как непослушание воле Всевышнего и как наказуемое нарушение мусульманских заповедей, за что следует соответствующая «земная» санкция. Одновременно преступление выступает и как религиозный грех, влекущий уже загробную кару. Существует достаточно много классификаций правонарушений, анализ которых помогает понять специфику мусульманского уголовного права. В их основе, как правило, степень определенности наказания за то или иное преступление и характер общественной опасности деяния. Распространение получила классификация, согласно которой все преступления и соответствующие наказания за них делятся на следующие группы:

а) преступления, представляющие наибольшую общественную опасность, посягающие на «права Аллаха», то есть те деяния, которые напрямую нарушают божественные установления, закрепленные в Коране, и наказываются точно определенной санкцией (наказанием), названной в Коране (хууд);

б) преступления, которые также влекут фиксированное наказание (кисас, хавад или дийа), но нарушают права отдельных лиц, то есть направлены против прав отдельных членов общины;

в) преступления, за которые установлены не жесткие наказания (тазир), затрагивающие как «права Аллаха» (нарушение всех религиозных обязанностей — не совершать намаз), так и частные интересы².

¹ Подробнее см.: *Петровский А.В.* Мусульманское уголовное право. С. 80–81.

² *Ахмад Фатхи Бахнаси.* Аль-Джарайм фи-л Ислам. Каир, 1962. С. 391.

Глава V

НАКАЗАНИЕ В РЕЛИГИЯХ ИНДУИЗМА И БУДДИЗМА

§ 1. Индуизм: Закон Кармы — очищение и спасение

1. К VIII в. до н. э. на Индийском полуострове возник интерес к идее кармы — представлению о том, что судьба человека целиком определяется его поступками, и на богов перестали, как ранее, перекладывать вину за безответственное поведение людей. В многочисленных божествах постепенно начали видеть символы единой запредельной Реальности. Людей уже не устраивала религия, ориентированная на нечто внешнее, потустороннее. Под богами перестали понимать сверхъестественных существ, обитающих где-то вдали от верующих. Люди задались целью найти истину в собственной душе. Новые религии — индуизм и буддизм не отрицали существование богов и не запрещали им поклоняться, так как любое принуждение и отрицание, согласно доктринам новых религий причиняло вред. Естественно, это новое учение не могло не оказать влияние на институт преступления и наказания, на их понятие и целевое применение, а значит, на эволюцию уголовного права как отрасли системы права в странах, исповедующих такие учения.

«Индуизм» как термин восходит к названию «индусы», который дали народу, населявшему область реки Инд. Индуизм — новобрахманская религия. До возникновения индуизма индийская религиозно-философская мысль прошла через переходные этапы, характеризующиеся существованием различных систем, которые оказали немалое влияние на правовые институты в Индии, в том числе и на отрасль уголовного права, определяющую понятие преступного деяния и наказания.

Важнейшими памятниками, признаваемыми индийцами источниками абсолютно всех областей знаний, являются *Веды*¹, которые вместе с другими писаниями и историческими традициями и обычаями являлись основой изложения индийцами своих социальных ролей в документах, известных как *Дхармашастры*: Законы Ману, Яджнавалкья и Нарада².

Дхарма означает скорее «правдивость», чем «право». Вообще точного перевода не существует, поэтому данное понятие можно определить и как «долг». *Дхарма* — исполнение долга в смысле более обширном, а правила их включают обычай, право, мораль. Замечательно то, что они содержат теорию и очень полную классификацию грехов. Из этого законодательства (сутрах), составляющего древнюю смрити (или традиционные обычаи), впоследствии произойдут *Дхармашастры*, или Законы.

Шастра — «наука», «учебник», «собрание заповедей». *Дхармашастры* относятся к так называемой литературе «смрити», то есть «вспоминаемое», «припоминание», «памятование», ибо включают предписания, передаваемые по памяти авторитетными личностями, являясь творением чисто человеческим, в отличие от Библии и Корана, которые, по утверждению богословов, считаются результатом Божественного откровения. *Дхармашастры* были целиком изложены в стихотворной форме и представляют собой систематизированные правовые трактаты. Пытаясь объяснить природу *дхармашастр*, ученые предлагают различные мнения. Мы присоединяемся к тем авторам, которые считают эти исторические документы сводом законов, которые должны были применяться при определении соответствия поведения людей принятым этическим моделям, а также правовыми нормами, регламентирующими различные стороны государственно-правовой, общественной и личной жизни древнего индийца.

Составление *Дхармашастр* приписывалось самим богам или божественным *риши* — Ману, Яджнавалкье, Нараде — легендарным мудрецам. Но особое место, безусловно, занимает Ману — прародитель людей и сын Самосущего — Брахмы — Творца мира. А

¹ Веды отнесены индуистами к «услышанным» текстам, авторитетность которых имеет Божественную природу.

² Создание Законов Ману относят ко II в. до н. э., Яджнавалкья — ко II–III вв. н. э., Нарады — к V в. н. э.

из этого вытекает, что Закон Ману так же, как и Вишну¹ — смрити приписывается самому Богу. И это подтверждается в содержании данных документов, в которых мы видим явную тенденцию в истории дхармической литературы приписать текстам авторитет Священного слова, можно сказать, Откровения, ибо шастра (собрание заповедей) воспринимается как часть этого Слова, возникшего едва ли не прежде самой Вселенной. Чувствуется переход из области ведийской религии в мир классического индуизма. Появление Законов Ману, Яджнавалкья и Нарады как норм или правил поведения и ответственности за них, основанных, безусловно, на религиозных постулатах, было вызвано совокупностью религиозных, политических и социально-экономических предпосылок, среди которых главным является внутренний кризис брахманизма.

Брахман — это Высшая Абсолютная Реальность. Это — не Бог-Творец, это тот, кто владеет душами, высшее духовное единство. По Закону Ману, именно по происхождению брахман — божество даже для богов, а также авторитет для людей, поскольку для этого основанием является Веда (Глава 11.85).

Брахманы на основах богословия создали систему обрядов и, если можно так сказать, осуществляли идеал религии, состоящий всецело из обрядов религии, имеющей цель в самой себе и почти независимой от богов, которым она служила. Эта религия и есть собственно брахманизм, религия брахманов.

Среди наиболее древних памятников юриспруденции, получивших широкую известность, — Кодекс Ману.

Потом было найдено еще много подобных ему сборников древних индусских юридических (правовых) норм. Вильям Джонс считает, что законы индусов вдвое древнее, нежели законодательство Солона и XII таблиц в Риме. Он видит аналогию между этой книгой законов и римскими Институциями Юстиниана и в то же время относит ее к такой отдаленной эпохе, как 1280 г. до Р. Х. Некоторые ученые, однако, в том числе известный английский юрист и историк права Г. Мэйн (1822–1888), не согласны с этим утверждением².

¹ Вишну у индусов почитается как нежное, милосердное божество. Согласно идеям, сложившимся в IV в. н. э., Вишну много раз воплощался на Земле, иногда — в облике животного.

² Мэйн Г. Древний закон и обычай. Исследования по истории Древнего права. М., 2019.

В результате всех этих исследований и соображений ни одной книге не приписывалось столь различных дат ее происхождения, как было с книгой Ману. Если, как уже отмечалось, В. Джонс относил ее появление к 1280 г. до Р. Х., то Шлегель — к 1000 г. до Р. Х., Эльфинстон — к 900 г. до Р. Х., Монье Вильям — к V в. до Р. Х., Макс Мюллер — не ранее, чем к 200 г. до Р. Х., а Бернелл вообще считает, что дата первоначального текста — 400 г. до Р. Х., а нынешнюю его редакцию приписывают XI или даже XIV столетию нашей эры. В нашу задачу, естественно, не входит определение точной даты возникновения Закона Ману, хотя косвенное отношение к предмету нашего специального исследования это в определенной степени имеет.

Отметим сразу, что это писанные законы священного происхождения, глубокой древности и равно обязательные для всех индусов. Они были открыты людям Ману, Божественным существом, имя которого таинственным образом связывается с созданием мира.

Содержание книги можно охарактеризовать следующим образом: начав с изложения религиозных гимнов, определения правил благочестия, религиозного ритуала и богословского мирозерцания, Закон доходит до изложения правил поведения и подробного определения того, что благочестивый человек должен делать, что случится с ним, если он не сделает должного, и каким образом он может искупить свое прошлое и сделаться снова человеком благочестивым. Г. Мэйн полагает, что книга Ману, которую В. Джонс прославил в Европе, не является ни руководством к религиозному ритуалу, ни юридическим трактатом. Иными словами, по его мнению, эта книга не может называться чисто религиозной или чисто юридической. Он считает, что на самом деле книга Ману имеет смешанное юридическое и религиозное содержание. В данном случае Г. Мэйн прав ибо Закон Ману хотя и содержит много правовых норм, в том числе и уголовно-правовых, но по существу является сводом ритуальных предписаний. Это и есть соединение закона с религией, что присуще всем священным книгам. Тем не менее Книга Ману так же, как и другие поздние законы — Вишну, Нарада, содержит в себе гораздо более ритуала, чем текста о деяниях, которые сейчас мы называем преступлениями, и повествует гораздо более о правилах покаяния, нежели о наказаниях. Вот почему, по нашему мнению, эти законы индусов больше религиозные, ритуальные, чем правовые,

что отнюдь не означает, что они не заслуживают названия кодекса, как утверждает Г. Мэйн. В таком случае и Закон Моисея также нельзя считать законом. В принципе, действительными законами следует называть те книги, которые полностью освобождаются от религиозных ритуалов, что практически невозможно себе представить в писаниях у всех народов древности.

Началом светского законодательства стал союз между браминами и царем, ибо выяснилось, что для регулирования индивидуального поведения человека лучше влиять непосредственно на правителей — и, таким образом, царь был призван оказывать помощь браминам, которые взамен придали священный характер его власти.

В качестве такого примера можно назвать трактат более поздний — Дхармашастра Нарады, который является уже почти всецело светским, гражданским кодексом, весьма интересным по своему содержанию. В частности, старинное браминское учение подверглось значительным изменениям и ограничениям под влиянием здравого смысла и воззрений на справедливость той школы юристов, которой данный трактат обязан своим происхождением. «Если бы первым сочинением по этой отрасли индусской литературы, переведенным на западные языки, был трактат Нарады, на него бы посмотрели просто как на юридический трактат, и следы жреческого влияния, находящиеся в нем, вероятно, не обратили бы на себя внимание»¹.

Г. Мэйн отмечает, что нечто подобное могло бы повториться и в правовой истории Западной Европы, если бы канонистам удалось одержать верх над цивилистами. Система, которая была предложена ими, отдала бы, по всей вероятности, предпочтение покаянию перед уголовным наказанием². И это справедливое утверждение, ибо книга Нарады является достаточно зрелым правовым актом, свидетельствующим о высоком уровне правовой культуры их составителя. То, что Дхармашастра Нарады — важнейший памятник юридической мысли Древней Индии, известно очень давно. Этим, в первую очередь, объясняется внимание к нему историков и правоведов. Книга Нарады, таким образом, является одной из наиболее ранних Дхармашастр, целиком посвященных уголовно-правовым отношениям в обществе и судебным делам. Этот Закон содержит более детальные перечни категорий преступлений и мер наказаний.

¹ Мэйн Г. Указ. соч. С. 32.

² Там же. С. 33.

В отличие от книги Ману, книга Нарады делает большой шаг вперед, рассматривая собственно право отдельно от религиозно-этических наставлений, и тем самым пытается более четко разграничить понятие греха от понятия преступного деяния. Например, даются определения понятий «оскорбление словом» и «оскорбление действием».

Яджнавалкья — смрити была переведена на немецкий язык А.Ф. Штенцлером в 1849 г., на русский язык — А.М. Самозванцевым, который в 1994 г. выпустил монографию под названием «Книга мудреца Яджнавалкья». Эта Дхармашастра отмечается четкостью плана в сравнении с Законом Ману. Треть этой книги, то есть 100 последних статей, содержит в себе весь уголовный кодекс. Закон сохранил телесные наказания для убийц и воров. Наказание ужесточается в случае повторения преступления. Неумышленное убийство не подлежит никакому наказанию. Смертная казнь предусмотрена за преступление против царя или государства.

2. Дхармашастры Ману, Яджнавалкья и Нарады, без сомнения, имеют религиозную основу. В частности, уже во введении книги Нарады Ману обозначается как благословенный, а Нарада — как божественный мудрец. Это подтверждается также многими нормами данных законов. Так, в Дхармашастре Нарады говорится: «А доказательства бывают двух видов: человеческое — документ (или) свидетели, божественное — это “весы” и другие (орделии)» (Нарада. А. 28).

Царь считается превосходящим все живые существа и называется «великим божеством с телом человека» (Ману. VII.5.8). «О Божественный! Благоволи сказать нам точно и в должном порядке дхармы всех (четырех) варн и имеющих смешанное происхождение» (Ману. 1.1.). В главе 1.6. Закона Ману говорится: «Тогда Божественный Самосуший невидимый (но) делающий (все) это — великие элементы и прочее — видимым, проявляющий энергию, появился, рассеивая тьму»¹.

О божественности (религиозности) содержания Законов Ману, Нарады и Яджнавалкья говорят почти все нормы данных документов. Являясь по своей сущности религиозными источниками, эти Дхармашастры рассматривают все деяния человека с точки зрения

¹ Самосуший — Бог Брахма — Творец мира.

их религиозной чистоты или порочности, в связи с чем особое значение приобретает категория греха. Следует особо подчеркнуть тот факт, что и в Законах Божьих, то есть во всех Божественных Писаниях (Библия и Коран) многое из того, что осуждается Божеством, государство, официальная власть считают наказуемым (убийство, кража, насилие, мошенничество и т. д.). В то же время есть деяния, которые осуждены Божьими Законами, но не признаются государством как поведение преступное и наказуемое (лживость, скупость, тщеславие, вранье, пренебрежение религиозными обязанностями, прелюбодеяние и т. д.). В Дхармашастрах также можно увидеть различие между понятиями «грех» и «преступление».

Преступление в Законах Ману, Яджнавалкья и Нарады представляет собой деяние общественно опасное, в то время как грех — деяние, последствия которого носят чисто личный характер по отношению к виновному. Закон Ману делит все деяния человека на три вида: происходящие от мысли, от речи и от тела. Ряд одновременных греховных деяний выступает в статусе преступных. Поэтому складывается впечатление, что в Дхармашастрах невозможно усмотреть различия между сферами светского и духовного. Например, в норме Закона Ману сказано: «Люди, совершившие грех, но наказанные царями, идут на небо, будучи чистыми, как и благочестивые, совершившие добрые дела» (Ману. VIII.318). Тем не менее Дхармашастры проводили определенную грань между представлениями о греховном и преступном. Наказание выступает главным средством, при помощи которого царь обеспечивает соблюдение каждым подданным своей дхармы, ведь люди изначально, по своей природе, порочны и не могут «соблюдать священный закон» иначе как под страхом наказания. Дхармашастры предупреждали, что если бы царь не налагал наказание на тех, кто этого заслуживает, то «сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле» (Ману. VII.22, 28) и нарушился бы основополагающий принцип построения общества — принцип несмешения варн: «Брахман оставил бы благочестие, кшатрий лишился бы власти, свои дела покинул бы вайшье, шудра поднялся бы над всеми» (Нарада. 18.15; Ману, VII. 26, 28, 94). В то же время действие религиозных начал четко усматривается не только в сфере поведения человека, это действие касается и института наказания: если любое преступление выступает одновременно и как грех, то, значит, оно влечет не только светское зем-

ное наказание, но и испытание после смерти мук ада и возрождение в следующей жизни в нечеловеческом облике либо на статус ниже по социальной лестнице, если правонарушитель не искупил свою вину. Представляет интерес подход Дхармашастр к ответственности за грехи и преступные деяния в зависимости от социальной принадлежности (варны) провинившегося. Тяжесть религиозной ответственности представителя той или иной варны, согласно Законам (Дхармашастрам), прямо противоположна тяжести, предусмотренной для данного сословного представителя уголовного наказания. Грех более высокий и тяжелый для тех, кто более просвещен, чем простой люд. Логика простая: представители каждой варны (сословия) в духовно-нравственном развитии отличаются друг от друга. Следовательно, средство воздействия на них, то есть наказание в случае совершения преступления, будут эффективными, если учитывать духовно-нравственное развитие членов данной варны. Так, для брахмана наибольшую тяжесть будет иметь не физическое наказание, а духовное, ибо он представитель высокой морали и нравственности. Именно поэтому по Закону в отношении брахмана не применяется смертная казнь за любое тяжкое преступление, которое он совершит. Напротив, обычный, простой человек, представитель низшего сословия, не способный подобно брахману глубоко осознавать суть совершенного греха, нуждается с целью исправления и перевоспитания в более суровом физическом наказании.

По Закону Дхармашастр человек освобождается от греха, раскаявшись после его совершения, если он не совершит преступное деяние вновь, ибо человек очищается прекращением совершения греховных действий (Ману. Глава II.231). Для очищения всегда должно быть исполняемо покаяние, так как неискупившие грехи рождаются вновь позорными знаками (Ману. Глава 11.55). Так, укравший золото как следствие этого приобретает болезнь ногтей, пьяница — черноту зубов, убийца брахмана — чахотку, осквернитель ложа гуру — болезнь кожи и т. д. (Ману. Глава 11.49). Закон Ману объявляет великими грехами убийство брахмана, пьянство, кражу, прелюбодеяние с женой гуру и даже сообщество с такими преступниками (Ману. Глава 11.55). Каким же образом смываются грехи? Закон Ману перечисляет следующие формы очищения от греховных деяний: жить в лесу 12 лет — за убийство брахмана или добровольно стать в сражении мишенью для воинов; трижды

бросаться вниз головой в пылающий огонь; в течение 5 суток пить молоко, вскипяченное с растением шанканушни; пить три дня воду с травой куша, за прикосновение к пьянящему напитку; пребывание в аду сто лет и т. д.

Священные книги индусов уделяют особое внимание именно загробному наказанию, а точнее, возмездию, которое состоит из различных испытаний, из коих некоторые соответствуют непосредственной каре в небесах или в аду. Г. Мэйн отмечает, что «самый строгий английский юрист, для которого санкция — важнейшая сторона закона, не мог не одобрить той абстрактной теории наказаний или уголовных санкций, которая изложена в своде Ману» (VII. 17 и след.)¹.

Индусские верования касательно загробной жизни человека и буддистское учение, которое в существенных чертах развилось из них, от западных представлений отличаются тем, что переселение души имеет в них такое же важное значение, как и прямые наказания, а также тем, что кары во всех своих формах признаются не вечными, но временными по существу. Установлены различные виды конкретных наказаний в загробной жизни: двадцать первая область чистилища, где души скитаются по лесным дебрям, в которых листву заменяют острые мечи, или девятнадцатая, где душа блуждает по дурным и неровным дорогам, и т. д. Пребывание грешной души в каждом из этих мест наказания всегда срочно.

Закон Ману в главе 12 достаточно подробно излагает порядок переселения души: одаренные благостью идут к состоянию богов, одаренные страстью — к состоянию людей, одаренные темнотой — всегда к состоянию животных — таков тройкий вид перерождений. Убийца брахмана, к примеру, входит в утробу собаки, свиньи, осла, верблюда, коровы, козы и т. д. Человек, похитивший зерно, делается крысой; воду — водяной птицей; сок — собакой и т. д. Человек, силой отняв ту или иную чужую вещь, становится животным. Предусмотрено также наказание и для брахмана — вора: пройти тысячекратно путь паука, змеи, животных,двигающихся в воде, и т. д. (Ману. 12). Как видим, для брахмана — просветленного наказание религиозное, божественное более тяжкое, в то время как светское, наоборот, значительно мягче. Вся суть (религиозного) переселения

¹ Мэйн Г. Указ. соч. С. 31.

души в индуизме заключается в очень простой логике, имеющей не только нравственную основу, но и большую правовую направленность: «Правильно живущий по этим (предписаниям) достигает бессмертного состояния, а в этом мире “достигает (исполнения) всех задуманных желаний”» (Ману. 2.5). Далее: «Ибо человек, следуя дхарме, объявленной в Священном откровении и Священном предании, достигает в этом мире славы, после смерти — наивысшего блаженства» (Ману. 2.9).

В индуизме последствия возникают за действиями без какого бы то ни было сверхъестественного вмешательства. А это значит, что согласно закону кармы преступление влечет за собой кару, возмездие.

3. Карма — одно из кардинальных положений индийской религиозно-философской мысли, роль которой в истории всей индийской цивилизации едва ли можно переоценить. Суть ее в том, что сумма злых и добрых дел каждого человека (его карма) определяет форму последующего рождения, то есть хорошая карма гарантирует удачное рождение, а скверная карма ведет к тому, что человек в новой жизни возродится изгоем, рабом, червяком, кошкой и т. д. Злодеяния, преступления, насилия — скверная карма. Нетрудно понять, что идея кармы положительно противодействовала злу и преступлению и в то же время стимулировала совершение добра. Это еще раз подтверждает мысль о том, что любое поведение человека, в том числе и преступное, зависело только от самого человека, от его свободной воли. Л.С. Васильев отмечает, что «идея кармы имела огромное психологическое значение, став регулятором индивидуального и социального поведения многих поколений индийцев. С одной стороны, она была могучим стимулом, диктовавшим соблюдение высоких этических стандартов, определяющих характерное для индийца заботливое и благожелательное отношение к природе, к “братьям нашим меньшим”, в каждом из которых можно было ожидать увидеть переродившегося человека, может быть, недавно умершего и горячо любимого родственника или друга. С другой стороны, она уводила людей в свой индивидуальный угол, побуждала их к эгоистическому стремлению улучшать свою карму, заставляла угнетенных и несчастных не роптать — сами виновата-

ты»¹. Итак, действия и их последствия, по индуизму, определяются понятием «карма». Исходя из этого учения, каждое наше действие, в том числе и преступное, каждый производимый нами акт, даже каждая мысль и каждое желание формируют нам будущий опыт: «Человек очищается чистыми деяниями, загрязняется нечистыми деяниями»².

Дхармашастрам Ману, Яджнавалкьи и Нарады известны такие же, в принципе, преступные и греховные деяния, которые предусмотрены в Священных Писаниях, Законах Божьих (Библия, Коран): убийство, прелюбодеяние, кража, изнасилование, оскорбление словом и действием и т. д. Из содержания этих законов можно заметить, что поддержание государственной власти посредством угрозы наказанием проходит здесь красной нитью. И даже само искусство государственного управления носит название «данданити», то есть «наука о наказании» (от слова «данда» — наказание)³. Чтобы усилить роль наказания и возвеличить его значимость в глазах индийцев, неотвратимое своевременное наложение его даже приравнивалось к совершению жертвоприношения, подобного «многим жертвоприношениям с превосходными жертвенными дарами» (Яджнавалкья, 1.359). Как видим, цель наказания — устрашение и предупреждение преступлений, о чем прямо сказано в Законах. Так, в книге Ману написано: «Но низкорожжденного, намеренно притесняющего брахманов, надо наказать средствами, причиняющими телесные повреждения и вызывающими страх» (IX. 248). Право наказания предоставлено царю: «Пусть царь для предупреждения повторения преступления отнимет у вора ту часть тела, которой он действует против людей» (Ману. IX.334).

В Законе Нарады сказано: «Царь, восседая на троне Дхармы, пусть будет бескорыстен и беспристрастен ко всем существам, соблюдая обет сына солнца» (1.28.А.34). Согласно Законам Ману, Нарады, Яджнавалкьи, вынесение несправедливого приговора влекло не только светскую, но и личную духовно-нравственную ответственность помимо судьбы и для царя: «Четверть греха падает

¹ Васильев Л.С. История религий Востока. М., 2006. С. 468.

² Цит. по: Мэри Бэт Фишер. 12 религий, которые меняют мир сегодня. М., 2019. С. 53.

³ Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 758 (Электронный ресурс).

на преступника, четверть — на лжесвидетеля, четверть — на судей, решивших дело неверно, и четверть на царя» (Ману. VIII. 18, III.A. 12). Разумеется, данное положение Закона налагает на царя большую моральную ответственность, поэтому «царь, который всегда таким образом тщательно рассматривает тяжбы, обретает здесь блистательную славу (а после смерти) достигает обители солнца» (Нарада. 1.65. А.74). Значит, царь, получая право наказывать, должен (обязан) тщательно заботиться о своей душе, воспитывая в себе как можно больше положительных качеств и усердно преодолевая свои пороки.

Следует особо подчеркнуть разнообразие наказания в виде членовредительства: отрубание пальцев, отсечение ног, рук, ушей, подрезание ахиллова сухожилия и т. д. Известны и другие виды наказания: штраф; конфискация имущества; сажание на кол, бросание в воду с привязанным камнем, за убийство мужчины злой женщиной; лишение ушей, рук, носа, губ, а затем бросание на растоптание скоту — касается отравительниц, поджигательниц, убийц мужа, гуру, родителей; сожжение на огне от соломы поджигателя поля, жилища, леса, деревни, пастбища, а также того, кто сходится с супругой царя. Было и наказание в виде изгнания из страны. В Дхармашастрах Ману, Яджнавалкья и Нарады существовал также институт рецидива и наказания рецидивистов. Вору-рецидивисту отрубали руку и ногу (Ману. IX.277; Яджнавалкья. 11.274), а согласно Закону Нарады отрубали оставшиеся после исполнения наказания за первую кражу пальцы на руке и присуждали к уплате первого штрафа (Нарада. 19,39). В принципе, в вопросе наказания между Дхармашастрами Ману и Нарады наблюдается устойчивая преемственность, хотя и виды, и размеры наказаний по некоторым идентичным составам за одни и те же преступления различные.

Особое и очень пристальное внимание Дхармашастры уделяют противостоянию преступлений против семьи и нравственности: прелюбодеяниям, изнасилованиям, скотоложству, мужеложству, связям между лицами женского пола и др. Как понимается прелюбодеяние? Иначе говоря, какие деяния человека можно отнести к понятию «прелюбодеяние»? В книге Нарады, например, указано, что «свидание, беседа и развлечение с чужой женой наедине в неположенное время или в неположенном месте — вот три признака прелюбодеяния» (Нарада. 12.62.). Закон дает далее характеристику

этим признакам. В частности, прелюбодеянием считается встреча у священного источника, в роще или парке; отправка посредницы, посылки, письма и т. д.; если трогать женщину за неподобающее место или позволять ей трогать себя; если хватать женщину за руку, за волосы либо за одежду. Прелюбодеянием считается также прикосновение к поясу, груди, верхней одежде, бедру, волосам жены другого. Даже пребывание наедине с женщиной квалифицируется как прелюбодеяние. Одним словом, это деяние понимается в достаточно широком смысле.

Виды наказания за такое преступление зависят от сословной принадлежности как мужчины, так и женщины. Например, мужчины в случае прелюбодеяния с женщиной одного сословия наказываются высшим штрафом, а если женщина выше его по сословию, то к мужчине применяли смертную казнь, а женщине отрезали нос и другие части тела (Яджнавалкья. 286,287,288). Вообще, следует заметить, что Дхармашастры придают особое значение при определении меры и вида наказания субъекту преступления и личности потерпевшего, а также сословию, что особо заметно в отношении нравственных преступлений. Поэтому любое преступное деяние в отношении людей высшего сословия со стороны представителей среднего и высшего сословия каралось чрезмерно строго — смертной казнью.

Подводя итог рассмотрению религиозно-нравственных основ уголовного права в индуизме, можно отметить, что все предписания в Дхармашастрах, в том числе правового характера, излагаются таким образом, что, на первый взгляд, не требуют от своего адреса обязательного их соблюдения. Поэтому складывается впечатление, что эти Законы — не свод действующего законодательства, а только сборник поучений в добродетели. Однако, как правильно заметила Н.А. Крашенникова, в Древней Индии обеспечительной силой правовой нормы обладали групповая солидарность и внедренный в сознание масс Закон кармы, побуждающий нарушителя нормы поведения к раскаянию в целях очищения от грехов и соответствующего перерождения в новом облике после земной жизни¹.

Важная особенность индийских религий — явственная обращенность вовнутрь, акцент на индивидуальный поиск, на стремление и

¹ Крашенникова Н.А. Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009. С. 36.

возможность личности найти собственный путь к цели, спасение и освобождение для себя. Иначе говоря, каждый — сам кузнец своего счастья. Именно этим и определяется понимание причин преступного поведения человека и сущности противодействия данному деянию — наказания. В соответствии с понятиями индуизма это означает следующее: любое поведение человека, то есть добро и зло, непосредственно зависит только от самой личности, которая потенциально имеет шанс стать рядом с наиболее могущественными силами мироздания — богами и буддами или же превратиться в злодея и стать преступником. Индуизм считает также, что посеянные нами добро и зло мы пожинаем не только в земной жизни, они следуют за нами и после нашей физической смерти, определяя наше следующее воплощение.

С этической точки зрения это, как мы видим, очень строгое учение, ибо каждое наше действие влечет за собой далеко идущие последствия, с правовой — это достаточно эффективное предупредительно-устрашительное средство.

§ 2. Буддизм: преступление — болезнь, учение Будды — лекарство вместо наказания

1. После семи лет, проведенных в размышлениях и внутренней борьбе, Гаутама объявил себя обладателем совершенной истины и принял титул Будды — пробужденного, просветленного¹. Хотя Будда, несомненно, фигура историческая, мы не собираемся, и в этом нет необходимости в силу особенностей предмета нашего исследования, подробно говорить о биографии основателя буддизма, о различных метафизических системах данного учения, о его морали, о церковной организации, о дисциплине и культе, а тем более об истории и основаниях его появления. В то же время мы не можем пройти мимо основных положений и сути этого учения, ибо не сумеем понять отношения буддизма к насилию, к противодействию такому явлению, к целям наказания и причинам преступного пове-

¹ Слово «будда» означает «просветленный», «пробужденный» и является нарицательным именем человека, достигшего наивысшей мудрости. Сиддхартха Гаутама (Шакьямуни) — не первый будда и не последний. Тем не менее Будда стало его собственным именем. Учение называется буддизмом в двух смыслах: и потому, что оно основано Буддой, и потому, что оно учит, как стать буддой.

дения человека. Вообще так же, как и в истории с И. Христом, все, что мы знаем о Будде¹, восходит не к каким-либо документам, а к рассказам, передававшимся от одного поколения его последователей к другому. Многочисленные поучения Будды были записаны, как и учение И. Христа, вероятно, лишь через много лет после его смерти. Разница лишь в том, что никто не позаботился о том, чтобы упорядочить их и создать единое каноническое жизнеописание. Тогда, наверное, и Будду можно было бы считать пророком, а его учение — Священным Посланием от Бога, если бы, конечно, он об этом объявил своему народу. Именно по этой причине буддисты говорят, что буддизм — не религия Бога, а религия мудрости, просветления и сострадания. Все было бы по-другому, если бы Гаутама объявил себя не Буддой, а посланником Всевышнего с соответствующим учением, так же как и Моисей, И. Христос и Мухаммад. И все же Будда является родоначальником одной из мировых религий, а культурное освоение его образа продолжается в течение двух с половиной тысяч лет.

Как же возник буддизм, и почему произошло полное угасание буддизма в Индии? Среди неортодоксальных течений, возникших в Древней Индии в VI–IV вв. до н. э., особая роль принадлежит буддизму, который выступил против притязаний жрецов-брахманов на исключительность происхождения и положения и отстаивал идею о том, что все сословия древнеиндийского общества имеют сходное происхождение. По словам Дж. Неру, буддизм «вдохнул новую жизнь в народ, вскрыл новые источники народной силы и высвободил новые таланты и способности к руководству»². Основными источниками для анализа взглядов Будды и сути его учения являются буддистская каноническая книга «Типитака» («Три корзины», [Закона]), составленная последователями Будды в течение первых трех столетий после смерти учителя и записанная на языке пали в первые века н. э. на Цейлоне; мифологизированный рассказ о жизни Будды на санскрите «Лалита-витсира», поэма «Буддха-Чарита» («Жизнеописание Будды»); существующая в палийской и санскритской версиях книга «Милинда-паньха» («Вопросы Милинди»). Буддизм получил распространение не только в Индии, но и далеко за ее пределами, начав существование в качестве мировой

¹ Будда родился в 623 г. до н. э. в Индии.

² *Неру Дж.* Открытие Индии. Кн. 1. М., 1989. С. 278.

религии при царе Ашоке. В начале I в. н. э. буддизм распространился из Индии в Китай, а оттуда в Корею, Японию и во Вьетнам. Как же объяснить полное угасание буддизма в стране, которая видела его зарождение и где он так долго процветал? Многие ученые склоняются к тому, что буддизм погиб от «истощения» и что причины его исчезновения кроются в его внутреннем несовершенстве¹. «Буддизм, — писал Дж. Неру, — детище индийского мышления... имел свой националистический фон. Индия была для него святой землей, где жил, проповедовал и умер Будда, где знаменитые ученые и святые распространяли религию. Но по своей сути буддизм был интернационален, он был мировой религией, и это становилось все отчетливей по мере его развития и распространения»². Именно так объяснил Дж. Неру причину того, почему буддизму не удалось закрепиться на своей родине и стать религией нации.

Итак, с одной стороны буддизм представляет собой явление чисто индусское, так сказать, естественный продукт времени и среды, в которых он зародился. С другой стороны, с самого начала он утверждает себя в качестве религии независимой, в которой веет новый дух и в котором мощная личность основателя оставила неизгладимый отпечаток. В этом смысле буддизм есть дело Будды, так же как христианство есть дело Христа, а ислам — дело Мухаммада. Одновременно происходило обожествление образа Будды, как и Иисуса Христа, превращение буддизма в религиозное мировоззрение, как и учение Христа. Буддизм имеет сегодня сотни миллионов приверженцев и является очень заметным, значимым элементом в религиозно-культурном многообразии современного мира.

Чего, собственно, хотел Будда? Будда поставил перед собой самую, можно сказать, дерзновенную, предельно ясную задачу — обрести вечное блаженство. Но как? Преодолев некоторые сомнения, он пришел к выводу, что спасение достигается через освобождение от желаний. Будда решил об этом поведать людям и запустить колесо Дхармы, то есть своего учения. Он считал, что наделен всевидением. Но кто сделал его всевидящим? Какие силы помогли Гаутаме стать Буддой, просветленным? Если иудеи, христиане и мусульмане поклоняются Единому Богу и считают, что спасение достижимо для всех путем исповедования грехов и жизни в молитве, то Буд-

¹ См., напр.: Барт А. Религии Индии. М., 1897. С. 152.

² Неру Дж. Указ. соч. С. 212.

да доказывал, что спасение достижимо для всех путем очищения от загрязнений и заблуждений, а также путем жизни в медитации. В отличие от тех, кто верит в некоего отдельного от нас Бога, буддисты верят, что Будда, присутствует во всех нас в виде природы или сознания Будды. Как бы мы отнеслись к тому, если Гаутама объявил бы людям так же, как и Моисей, Христос и Мухаммед, о том, что он стал всевидящим и просветленным по велению Всевышнего? В таком случае мы бы, естественно, признали Будду посланником Бога, пророком, а Его учение — Священным Писанием Божиим.

Буддистская этика — учение, раскрывающее суть праведной жизни, является сердцевиной буддизма. Ее цель — сделать поведение человека более совершенным, добиваться гармонии в отношениях с самим собой и с другими. Произошло обожествление образа Будды, превращение буддизма в религиозное мировоззрение и практику.

Важнейшая истина Будды: вся жизнь есть страдание, духкха. В ней нет ничего, кроме мук; жизнь совершенно ужасна. Все рождается и гибнет в круговороте перемен, безусловных ценностей не бывает. Тем не менее освободиться от духкхы можно: для этого нужно вести жизнь, наполненную состраданием и чуткостью, воздерживаясь от всего, что отравляет, дурманит или затуманивает разум.

Будда не верил, что боги могут принести человечеству ощутимую пользу, хотя он и не отвергал богов, полагая, что Высшая реальность нирваны превосходит их. В буддизме нирвана (угасание) означает то же, что в других реалиях Бог.

Он призывал учеников искать спасения своими силами, не полагаться на богов. Поэтому для буддизма характерна тенденция к ограничению роли и масштабов наказания, так как это средство не способствует совершенствованию человеческой сущности. Преступление, по буддизму, — болезнь, учение — лекарство, Будда — врач. Следовательно, бороться с преступными проявлениями следует не наказанием, а учением Будды, которое важнейшей целью уголовной политики считает не наказание человека, а его исправление и перевоспитание, возвращение преступников в лоно буддистских духовных и этических ценностей. «Мой закон есть закон милости для всех» (Будда).

Будда говорил: «Все дрожат перед наказанием, все боятся смерти — поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуж-

дать к убийству... Кто добрым делом искупает сделанное зло, тот освещает этот мир, как луна, освобожденная от облаков... Неделание зла, достижение добра, очищение своего ума — вот учение просветительных...»¹. Заповедь «воздерживайся от убийства или всякого насилия» является краеугольным камнем буддистской этики. Как видим, по сравнению с другими мировыми религиями буддизм выделяется более высоким гуманизмом и нравственностью. Но как это отражается на институте преступления и наказания? Влияние буддизма на уголовное право в странах, исповедующих эту религию, в силу особенностей историко-политического развития государств различно. В раннем периоде государственности и правовой системы в данных странах превалировали религиозные нормы, а порой они даже заменяли нормы уголовного права, то есть отношение человека к наказанию и понятию преступного основывалось на разработанном Буддой подробном восьмиступенчатом пути, методе достижения истины и приближения к нирване.

Поэтому поведение человека регулировалось не существованием наказания, оно заключалось в соблюдении буддистами восьми правил (путей), которые не определены в каком-либо письменном источнике.

Четвертый аспект этого пути имеет непосредственное отношение к предмету нашего исследования, ибо именно здесь мы можем уяснить отношение буддизма к пониманию преступления, насилия, зла и причин к возникновению данных явлений, а также сущность, цели и понятия наказания как противодействующего средства в борьбе с отрицательными деяниями. По учению Будды, правильное поведение начинается с соблюдения пяти нравственных принципов: не отнимать жизнь, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не употреблять одурманивающих веществ. Как видим, запреты те же самые, что и в религиях единобожия, которые посланы, по утверждению богословов, Господом Богом. Почему же нельзя утверждать, что Пятисловие Будды тоже Божественное Послание? Только ли потому, что Будда и не человек, и не Бог, а «просветленный»?

По буддизму, сам человек совершает зло и сам оскверняет себя. Не совершает зло тоже он сам и сам очищает себя. Следовательно, причиной преступного поведения человека является сама личность.

¹ Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права: В 2 т. М., 2011. Т. 2. С. 191.

Будьте сами себе светильниками, учил Будда. Все действия должны основываться на ясном понимании. «Злые деяния, — говорит Будда, — суть те деяния, что совершаются из страсти, вражды, глупости и страха»¹. Этим буддизм определяет источник преступного поведения человека. Ненасилие, незло, непреступление, по буддизму, есть само совершенство. Ненасилие означает абсолютный запрет на насилие и ненависть. Все бояться смерти, говорит Будда, поставьте себя на место другого. Вот почему нельзя ни убивать, ни понуждать к насилию. Буддизм считает, что ненасильственные средства борьбы со злом, преступлениями лучше, чем наказание, которое также можно отнести к категориям зла и насилия, ибо никогда в нашем мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Это, в принципе, есть отрицание наказания как средства борьбы с преступностью. Но как остановить убийства, насилия, кражи и другие виды преступного деяния?

Согласно буддизму, человек тогда не станет совершать такие деяния, когда он дойдет до совершенства, ибо совершенство — ненасилие, которое выше борьбы со злом, преступлением. Поэтому ненасилие — тоже добро, не ограниченное необходимостью противостоять злу. Это как бы чистое добро, которое не опускается до противостояния злу, а просто отвергает его.

Таким образом преступление, по буддизму, — акт доброй воли человека, который не дошел до совершенства. Наказанием мы не сможем довести его до совершенства, ибо само это средство уже является злом, бесцельной формой борьбы с насилием. Данное учение о наказании совпадает с учением И. Христа о противодействии злу насилием. Учение о четырех благородных истинах, составляющих ядро буддизма, как религиозно-нравственной программы жизни в полной мере определяет подход к институту преступления и наказания: а) констатация болезненного состояния организма, то есть установления, определения в человеке качества насилия, зла, которое проявилось в совершенном преступлении; б) диагноз, то есть исследование причин преступного поведения, источника и механизма преступления; в) установление того, поддается ли болезнь лечению или нет, то есть возможно ли исправление и перевоспитание человека; г) определение способа лечения, того, что и как дол-

¹ *Sigalovada Sutta*. Dighanikaya III. P. 180–193, цит. по: *H. Saddhalissa*, *The Buddha's Way*, New York: Cerge Brazillez, 1971. С. 101.

жен делать пациент, чтобы справиться с болезнью, то есть выбор средств и методов исправления и перевоспитания преступного человека. Как видим, буддизм сравнивает преступление с болезнью, а преступника — с больным человеком.

В отличие от Запада народы Дальнего Востока не склонны и сейчас верить в наказание как средство обеспечения порядка и справедливости. Они уверены, что не уголовное наказание должно обеспечить справедливость, а, напротив, традиции при их строгом соблюдении могут вызвать к жизни справедливый порядок вещей и отношений. Поэтому хотя наказание и существует, оно играет незначительную роль в правилах поведения людей. По мнению китайцев, например, добропорядочный гражданин не должен бояться наказания и думать о нем. Его образ жизни должен исключить любое поведение, караемое наказанием. В Японии издревле руководствовались известным конфуцианским принципом: «Народ не должен знать законов, но лишь подчиняться им». Иными словами, неизвестность и неизбежность грядущего наказания сильнее удерживают от совершения преступления, чем само наказание.

Если на Западе, да и в других странах, к наказанию относятся как к опоре социального строя, важному средству охраны общества от посягательств на его ценности, то народы Дальнего Востока исходят из того, что порядок должен охраняться не принуждением посредством наказания, а преимущественно методами убеждения, самокритичными оценками поведения, духом умеренности и согласия. Иначе говоря, по буддизму, каждый поступок человека есть его сознательный выбор между воздаянием за добродетель и наказанием за прегрешение. Но почему же тогда в данных странах существует наказание, в том числе и смертная казнь?

Будда говорит: «Непричинение вреда живому». Весь Дальний Восток традиционно придерживается формулы: «Право хорошо для варваров». Иначе говоря, «уголовное наказание необходимо только для недобропорядочных людей». Исходя из этого, в частности, традиционная китайская концепция уголовной политики не отрицает наказания, но полагает, что оно для «варваров», для тех, кто не думает о нравственности и морали, для неисправимых, закоренелых преступников, для иностранцев, которые далеки от учения Будды или не признают его. Поэтому в отличие от Индии и Древнего Египта, где наказание рассматривалось как справедливое возмездие

за совершенное преступление, в Китае оно выступает в качестве средства поддержания порядка в государстве для сохранения государственной власти по принципу: «Лучше наказать нескольких невинных, чем пропустить одного злодея». Поэтому не удивительно, что в действующем УК КНР содержится 69 составов преступлений, наказываемых смертной казнью. За отмену такого наказания выступает всего 0,78%, против — 99%.

М.А. Павлова отмечает, что «в рамках буддизма в Древнем Востоке земное наказание не отделялось от посмертного наказания; они представляли собой единое целое и взаимодополняли друг друга. В Древнем Китае упор делался на другую сторону наказания, а именно как на инструмент государственной власти, необходимый для обеспечения правопорядка»¹.

В Азии немало стран, исповедующих буддизм. К их числу относится и Япония, где начиная с IV в. в учении о наказании фрагментарно реализовывалось влияние китайских воззрений, что выражалось, в частности, в применении смертной казни и других видов наказания.

Свод монгольских законов 1640 г. (Свод ойрат) также имел религиозное начало, поскольку из текста вводной части Великого уложения следует, что собравшиеся представители знати монгольских народов поклоняются Очир Дара Ламе, а текст свода законов основан на учении Шакьямуни и Дзонхавы — «отшельника из племени шакьев», основателя буддизма.

Итак, в заключение можно сказать, что учение Будды не имело акцентированной социальной направленности, оно задавало совершенно новую — сугубо духовную программу человеческой деятельности и новую религиозно-нравственную и законодательную основу единения людей. В этом смысле собственное дело Будды есть дело вполне мирское, и, так как он не признает Бога, от которого зависел бы человек, его учение можно считать атеистическим. Размышлять о совершенствах Будды, удивляться ему, любить его, сознать и чувствовать себя спасением через него, — все эти чувства новые, неизвестные брахманизму. И по странному контрасту, религия без Бога посвятила Индию в душевные радости религиоз-

¹ Павлова М.А. Возникновение идеи о наказании в догосударственном обществе и на Древнем Востоке // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. М., 2007. С. 3.

ного чувства¹. Мораль буддизма, точно так же как и в христианстве, является в высшей степени оригинальной и вполне проникнутой новым духом, когда ее изучают в самой жизни основателя. Будде подражали так же, как и И. Христу и Мухаммаду. Это стало своего рода высшим законом, который подарил новой религии учеников, достойных изумления.

2. VI в. до н. э. — век великого духовного расцвета в разных культурах. Примерно он совпадает с жизнью Будды, Золотым веком Афин, Персидской империей, великими иудейскими пророками и в Китае — с еще одной выдающейся исторической фигурой, которую на Западе называют Конфуцием, а его учение именуют конфуцианством. Именно этот мыслитель развил философскую систему, которая придает особое значение совершенствованию добродетелей, взаимоотношениям между правителями и небом.

Следует подчеркнуть, что с каждым веком конфуцианство становилось все более религиозным, особенно в своем взаимодействии с буддизмом. Поэтому оно существует не только как философская школа, но и как система религиозной этики. Иными словами, конфуцианство представляет собой не только одну из самых влиятельных мировых религий, но и наименее религиозную из них. В то же время по сегодняшний день остается невыясненным, является ли конфуцианство религией вообще. Для большинства китайцев конфуцианство — философия, этическое учение или образ жизни. Ясно одно: подобно мусульманам, которые считают жизнь Мухаммада примером того, как надо жить, конфуцианцы выбирают Конфуция образцом для подражания. Ван Цзофу считает, что ядром китайской традиционной законодательной концепции является Син (наказание), которое развивалось в Древнем Китае в рамках конфуцианства, маоизма и легизма. Китай можно называть конфуцианским с таким же правом и основанием, с каким Европу называют христианской, а арабский мир — мусульманским. Конфуций оказал сильнейшее влияние на духовную жизнь китайцев, которое, в свою очередь, определило отношение этого народа к понятию преступления, сути и назначению наказания. Более двух с половиной тысяч лет он является духовным наставником, учителем не только китайской нации, но и других дальневосточных народов, воплоще-

¹ Барт А. Религии Индии. С. 131.

нием их культурной самобытности. И сегодня каждый образованный китаец знает его учение и воспринимает как жизненную установку.

В чем суть учения Конфуция применительно к уголовной политике? Например: «Не делай другим того, чего не пожелаешь себе». Самой главной добродетелью, которая, по мнению Конфуция, может спасти общество, является «жэнь». Существуют разные переводы этого термина: внутренняя доброта, любовь, благожелательность, совершенная добродетель, гуманность и человеколюбие. В Китае Конфуций объявил высшей добродетелью «жэнь». Он призывал любить людей, своих собратьев¹.

В этом смысле учение Конфуция, так же как учение Будды, имеет не меньшее религиозное значение, чем учение И. Христа. Конфуций и его последователи учили тому, что смысл религии не столько в неопределенном будущем, сколько в настоящем — «здесь и сейчас». Особое место в учении Конфуция занимает вопрос о взаимоотношении этики и уголовной политики, в частности наказания. С его точки зрения приоритет принадлежит этике, хотя философ и не отрицал роль карательных мер, наказание в поддержание правопорядка и законности. Конфуций высказывал мнение, что управление с помощью стыда эффективнее, чем управление с помощью наказаний: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится»².

В следующем поколении китайский философ Мо-цзы пошел еще дальше, пропагандируя любовь ко всему человечеству³. Стоит вспомнить, как И. Христос, согласно Библии, исповедовал великодушие, терпимость, даже всеобщую любовь. Таким образом, правление, основанное на добродетели, мы уже видели в учении И. Христа. Конфуций учил, что как для закона нужен репрессивный аппарат, так и для правил, установленных для поддержания порядка, нужен благородный муж, по мнению Конфуция, — импе-

¹ Конфуций. Лунь Юй, 12:22.

² Физер и Пауэре. Священные Писания Востока (James Fieser and John Powers, eds. *Scriptures of the East*, Boston. 1998, 156).

³ Elvin (1986). P. 334–335.

ратор. Его задача — быть гарантом соответствия государственного управления *ритуалу*. Позднее китайский мыслитель Сюнь-дзы не соглашался с Конфуцием и считал, что в мире алчности, зависти и ненависти следует выбивать из людей порочность. Образование не совершенствует нашу природу, а меняет ее. Только строгие законы и суровые наказания могут научить людей усмирить собственные страсти ради общественного (и своего) блага.

Завершая рассмотрение вопроса о религиозно-нравственных основах наказания, становлении и эволюции этого института в монотеистических религиях, можно сделать следующий краткий вывод: институт наказания в Священных Писаниях — Ветхом и Новом Заветах, а также в Коране Всевышним понимается одинаково.

И это не удивительно, ибо, по мнению приверженцев теологического направления, автором всех Посланий является Он — Единственный и Неделимый. Иначе говоря, Бог един, из чего следует, что все Его заповеди, установления, посланные людям, должны, отличаясь в частности, иметь принципиальное сходство по содержанию и сути, хотя они и направлены в разные периоды истории человечества и на разных языках. Что касается мировых религий, то, в отличие от Господа Бога, они во многих случаях имеют разные подходы в понимании преступного поведения и наказания, хотя и иудаизм, и христианство, и ислам тесно связаны именно с единобожием.

Религия как нормативно-этическая система, безусловно, составляла нравственную основу и являлась неисчерпаемым резервом развития института наказания. И это касается не только религий, основанных на Священных Писаниях, но и учений, получивших мировое признание, — индуизма и буддизма. Нравственно-религиозный уровень народов, естественно, не мог не оказывать воздействия на характер этой отрасли права на каждой стадии исторического развития. Можно утверждать, что суть наказания, в принципе, всегда соответствовала существующим нравам и господствующим религиям, развиваясь и меняясь с развитием и совершенствованием народов. А это означает, что эволюция идеи наказания у народов с различным уровнем развития проходила по-разному, поскольку, помимо обычаев, традиций, у них были разные религии, культура, психология и характеры.

*ООО «Юридический центр-Академия»
199034 СПб, Университетская наб., 5 лит. А*

И.М. Рагимов

Религия и наказание

Редактор *М.А. Логинова*

Подписано в печать 10.11.2020 г.
Формат 60×90/16. П. л. 13.5 Уч.-изд. л. 14
Тираж 1000 экз. Заказ Цена свободная.

Отпечатано в
Первой Академической типографии «Наука»
199134 г. Санкт-Петербург,
В.О., 9 линия, 12/28

ISBN 978-5-60430-981-0

